

ЧЕЛОВЕК
.....
СООБЩЕСТВО
.....
УПРАВЛЕНИЕ

Научно-информационный журнал

№4 · 2005

ЧЕЛОВЕК СООБЩЕСТВО УПРАВЛЕНИЕ

Научно-информационный
журнал

4-2005

Издается с марта 1999 г.
Периодичность – 4 номера в год

Свидетельство о регистрации
№Р2829 от 16 марта 1999 г.
выдано Северо-Кавказским
региональным управлением
по СМИ

Учредитель:

Кубанский государственный
университет

Адрес редакции:

350040, г. Краснодар,
ул. Ставропольская, 149, к. 404-н
Тел.: (861) 219-95-63

Адрес издателя:

350040, г. Краснодар,
ул. Ставропольская, 149
Кубанский государственный
университет

Дизайн обложки:
С.Г.Ажгихин, М.Н.Марченко
Оригинал-макет:
Д.А.Хрипков

Отпечатано в типографии
«Агропромполиграфист»
350062, г. Краснодар, ул. Ковалева, 5

Подписанов в печать 29.12.2005
Уч.-изд. л. 8,16. Усл. печ. л. 8,66
Тираж 600 экз. Заказ № .

Главный редактор:

Е.В.Морозова, д-р филос. наук, профессор

Редакционный совет:

Т.А.Алексеева, д-р филос. наук, проф. (МГИМО (У)); **Л.А.Арутюнян**, д-р филос. наук, проф. (Ереванский ГУ); **В.А.Бабешко**, д-р физ.-мат. наук, проф., академик РАН (Кубанский ГУ); **А.А.Бодалев**, д-р психол. наук, проф., академик РАО; **А.А.Гаврилов**, д-р экон. наук, проф. (Кубанский ГУ); **С.Деллер**, PhD, проф. (университет Висконсин – Мэдисон, США); **В.В.Знаков**, д-р психол. наук, проф. (Институт психологии РАН); **Я.Л.Коломинский**, д-р психол. наук, проф. (Белорусская академия образования); **Л.Е.Лаптева**, д-р юр. наук, проф. (Институт государства и права РАН); **Е.В.Морозова**, д-р филос. наук, проф. (Кубанский ГУ); **А.Л.Стризов**, д-р филос. наук, проф. (Волгоградский ГУ); **П.М.Хакуз**, д-р филос. наук, проф. (Кубанский ГТУ); **А.Ю.Чирг**, проф. (Адыгейский республиканский государственный институт гуманитарных исследований); **В.К.Шаповалов**, д-р пед. наук, проф. (Северо-Кавказский ГТУ); **В.Ю.Шпак**, д-р филос. наук, проф. (Ростовский ГУ); **Е.Р.Ярская-Смирнова**, д-р социол. наук, проф. (Саратовский ГТУ).

Редакционная коллегия:

О.А.Оберемко, зам. гл. редактора, канд. социол. наук, доц.; **Г.С.Курбатова**, отв. секретарь; **Т.Т.Авдеева**, д-р экон. наук., **В.П.Бедерханова**, д-р психол. наук, проф.; **А.И.Приходько**, д-р техн. наук, проф.; **А.М.Ждановский**, канд. ист. наук, доц.; **А.А.Лузаков**, канд. психол. наук, доц.; **З.И.Рябкина**, д-р психол. наук, проф.; **В.М.Юрченко**, д-р филос. наук, проф.

4-2005

Содержание

<i>Кимберг А.Н., Макаровская Ю.Э.</i> Концепт идентичности как инструмент социального исследования	4
<i>Лузаков А.А.</i> Структура ценностных предпочтений и категории самовосприятия	16
<i>Некрасов С.Д.</i> Компетентность как совокупность способностей решать задачи	31
<i>Ожигова Л.Н.</i> Гендерная идентичность: поиск, достижение и самореализация личности, или Очень личное о гендерной психологии	45
<i>Рябикина З.И.</i> Кафедра — это переплетение многих судеб, многих личных дискурсов в науке	56
<i>Сухих Е.С.</i> Толерантность: психологическое содержание и личностные факторы	66
<i>Фоменко Г.Ю.</i> Приумножая незнание	78
<i>Флоровский С.Ю.</i> Личностные факторы регуляции совместной управленческой деятельности в условиях организационно-экономических изменений	88

КОНЦЕПТ ИДЕНТИЧНОСТИ КАК ИНСТРУМЕНТ СОЦИАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

.....

А. Н. Кимберг, Ю. Э. Макаревская

Проблема идентичности в различных ее аспектах все более привлекает внимание отечественных исследователей. Разнообразие исследований идентичности побуждает обратиться к теоретическому осмыслению того места, которое концепт идентичности может занять в отечественной психологии.

Рассматривая феномен идентичности мы чувствуем, что он вызывает сильный личностный и социальный интерес: идентичность есть решение проблемы определенности человека в мире. Эта проблема существует для самого человека, который по ряду причин должен и стремится знать о себе, кто он, где он и зачем он. Но она не менее остра и для других людей, которым нужно понимать *кто* и *зачем* этот человек, который становится участником, условием или решающим фактором ситуации их собственной жизни. Когда определенность становится проблемой? Тогда, когда мир человека становится многообразным, многопотенциальным и когда человека встречают в нем различные субъекты социального действия. Можно сказать, что проблема идентичности начинается тогда, когда реально появляются многочисленные (как индивидуальные, так и групповые) субъекты социального бытия. Это проблема определенности человека в мире, которая настоятельно требует разрешения, поскольку мир становится гораздо более полисубъектным, чем раньше.

Идентичность переживается субъективно как осознание «здесь и сейчас». Но это главным образом ощущение себя действующим, а не переживание своей тождественности во времени. В этом смысле идентичность и субъектность оказываются настолько близки, что могут быть определены как различные формы опредмечивания одного и того же содержания. Я оказываюсь идентич-

---

* Кимберг Александр Николаевич — канд. психол. наук, доцент, заведующий кафедрой социальной психологии и социологии управления Кубанского государственного университета. Электронная почта: kimberg@manag.kubsu.ru.

Макаревская Юлия Эдуардовна — старший преподаватель кафедры общей психологии Сочинского государственного университета туризма и курортного дела.

ным себе (постоянным, тем же) не потому, что пребываю таким же, как час, день, месяц или год назад. Я тот же, потому что а) мне нужна последовательная история моей жизни, объясняющая мне ее смысл (упрощающая мое понимание себя и мира); б) другие люди требуют от меня тождественности. Им нужен стабильный образ социального актора с предсказуемыми качествами и реакциями. Определенность мне приписывает ситуация, в которой я нахожусь, определенность мне приписывают и Другие, которым она необходима для взаимодействия со мной. Стабильность действующих лиц – условие конструирования понятного мира.

Для внешнего наблюдателя идентичность человека состоит в том, что он относит наблюдаемого субъекта к определенной категории людей (идентифицирует как члена некоторой группы, типа или класса социальных субъектов). Категоризация здесь представляет собой не столько упражнение в подборе наименований, сколько практическое и чрезвычайно важное действие по выбору возможных стратегий и практик взаимодействия наблюдателя с субъектом. При этом в устоявшейся практике поименование действующего лица (его идентификация) маркирует спектр возможных действий и ожидаемых результатов. Наблюдатель в рамках избранной им для опознания идентичности субъекта категории приписывает ему ряд качеств – элементов идентичности (устойчивых ожидаемых поведенческих ответов на возможные ситуации взаимодействия, мотивов и ценностных ориентаций).

Как оказывается возможным соотнесение того, что видят в человеке разные наблюдатели? Ведь разные наблюдатели, находясь в различных позициях к субъекту, взаимодействуют с ним в разных отношениях и видят разное. Если бы они исходили только из собственных оснований оценки и опыта взаимодействия с субъектом, то мы получили бы несколько уникальных описаний некоего человека и оказались бы перед новой задачей – выстроить его понимание на основе не стыкующихся между собой описаний. Но реально эта задача не так трудна, поскольку наблюдатели работают с едиными культурными моделями нормативного жизненного пути человека. Возможные отклонения от нормативного развития также большей частью кодифицированы. Тогда идентичность субъекта для внешнего наблюдателя будет состоять в отнесении его по наблюдаемым признакам к одной из культурно выработанных моделей (типизации) с дальнейшим уточнением отдельных отклонений от нее. Модели развития, как и признаки их реализации (эвристические способы их идентификации), постоянно воспроизводятся и уточняются в культуре в виде излагаемых во множествах нарративов примеров поведения людей, разрешения ими различных ситуаций, да и самих ситуаций. Разумеется, сами ситуации разрешаются людьми иногда необычными, непредусмотренными существующими культурными образцами способами, часть из которых может получить затем нормативный статус «оптимального», часть – «невротического», а часть – «преступного» ре-

шения. Культура обычно имеет несколько возможных решений относительно того, что может делать человек в данной области жизни. Одно или несколько таких решений считаются в данной культуре нормативно приемлемыми (хотя их различает разная степень оптимальности с доминирующей в данной культуре точкой зрения). К примеру, мужчина может быть женат и моногамен, женат и иметь любовницу, женат и иметь множественные кратковременные связи с малознакомыми женщинами, женат, но периодически вступать в гомосексуальные отношения, совмещать статус семьянина и сексуального маньяка, выдерживать целибат, оставаться одиноким и ограничиваться эротическими сайтами, состоять в браке с другим мужчиной и т. д. Все эти решения кодифицированы культурно, некоторые из них имеют статус оптимальных или желательных, некоторые (как, например, оскотление) сегодня выглядят экзотическими, но допустимыми, иные просто терпимы, а некоторые решения определены как преступные и преследуются по закону. Однако же все они существуют в культурном поле и предстают наблюдателю и самому субъекту как формы, которые он может применить для идентификации Других и для самоидентификации. Если человек оценивает предлагаемые ему культурно кодифицированные формы организации своей жизни по их социальной желательности и способности принести ему успех и принятие в обществе, то он делает выбор, основываясь на инструментальных характеристиках возможных вариантов [14].

Но в любом случае внешний наблюдатель идентифицирует субъекта в рамках тех представлений о группах (социальных, этнических, религиозных, гендерных ...) и типах людей, которые он смог почерпнуть из текущего поля культуры, в которое он погружен. Если наблюдатели относятся к одному культурному полю, то они вполне могут придти к согласованному мнению относительно идентичности данного субъекта или хотя бы вести осмысленную (в рамках одной категориальной сетки) дискуссию о ней.

Для внешнего наблюдателя прийти к выводу об идентичности противостоящего ему субъекта означает: а) определить для себя способ поведения в текущем взаимодействии с ним; б) определить модель, позволяющую рассчитывать или «видеть» будущее взаимодействие и его результаты; в) построить для себя образ субъекта и дать ему «имя», т. е. сделать его пригодным для мышления о нем. Это сочетание типического (типические ситуации и способы решения, типические качества и способности) и уникального (особая комбинация качеств, визуальный образ, несущественные и поэтому не типизированные культурно персональные особенности) дает в итоге ту идентичность субъекта, которая начинает свою жизнь в голове у наблюдателя.

Если идентичность человека есть результат взаимодействия а) того, как его идентифицируют Другие, б) социальных меток, обеспечивающих идентификацию, в) его интегральной предыдущей идентичности, то она, разумеется, при-

вязана к социальной маркировке деятельности или области деятельности и к общности, составляющей совокупность действующих лиц этой области.

При этом идентичность Другого всегда имеет для наблюдателя частный характер, выводимый и вытекающий из ситуации и контекста взаимодействия, пристрастности, места Другого в жизни наблюдателя. Для руководителя идентичность человека (сотрудника) исчерпывается функциональностью и лояльностью, для уличных мошенников с их лотереями идентичность человека ограничивается степенью его жадности и простоты или возможной опасности. Только для любящего человека и для «милующего» взгляда [1] может быть доступен полный образ человека, раскрывающийся во все новых его аспектах и принимаемый без функциональной корысти.

Таким образом, мы констатируем, что идентичность субъекта для внешнего наблюдателя привязана к конвенциональным социальным меткам, поэтому неизбежно упрощена и обеднена. Внешняя категоризация обеспечивает субъекту возможность координации в социуме за счет типизации Другого и собственной типизации, но это несколько иная идентичность, чем тот волнующий феномен, который открывается подростку и философу. Идентичность субъекта для наблюдателя возникает и существует далее через соотнесение его с социальными типизациями, привязывающими его к определенным формам поведения и классам ситуаций. При этом идентичность может быть задана разными путями. Идентичность субъекта для меня может быть получена как через типизацию ситуации (это ситуация ограбления, один наблюдаемый субъект – грабитель, другой субъект – жертва, я – свидетель) и тогда ситуация задает определяемые ею идентичности; идентичность может быть получена через типизацию субъекта, манифестирующего установившиеся для общества маркеры распознавания ситуации: субъект может быть настолько выразителен, что именно он будет определять ситуацию для наблюдателя.

Итак, мы имеем в нашей модели три сущности: субъекта, наблюдателя и фонд культурных типизаций, доступный в существенной части и субъекту, и наблюдателю. Для «правильного» выбора типизации социум выработал ряд индикаторов, позволяющих правильно классифицировать их носителя. Мы имеем в виду форму, знаки отличия, должности, служебные удостоверения, ученые звания, одежду, прическу, наконец, нагрудные таблички, которые прямо заявляют, кто есть кто. Культура содержит также множество высказываний о том, кто может быть кем. Для беглого внешнего наблюдателя мы вначале являемся одной из типизаций, позже – типизацией с некоторыми отклонениями (которые тоже типизированы). «По одежке встречают...». Для внутреннего наблюдателя (рефлексирующего I) субъект является хозяином или пользователем одной из типизаций, но она воспринимается: а) через дополняющее ее поведение окружающих; б) через ряд качеств или свойств, присущих этой типизации. Если это так, то, возможно, мы описываем другого преимущественно

но через выполняемые им функции или типичные поведенческие паттерны, а себя – через личностные качества.

Тогда мы имеем возможность дать еще одно определение идентичности. Идентичность можно понимать и как набор социальных типизаций, манифестируемых субъектом осознанно или неосознанно, причем таких, которые он готов принять и сам (если не считать отдельных случаев вытеснения). Мы получаем возможность несколько корректнее разобраться и с имиджем, который выступает как набор социальных типизаций, сконструированный с позиции целевой группы и намеренно манифестируемый субъектом, причем типизации могут быть как личностно принятыми, так и целенаправленно имитируемыми.

Идентичность похожа на сообщение, которое индивид посылает миру и для контроля читает сам. Если у него нет интереса к контролю, то он просто транслирует это сообщение вокруг себя. Между тем часто бывает так, что человек представляет себя одним (загадочным, порядочным, выполняющим миссию, гибким), а для других он как на ладони предстает завистливым, корыстным, зажатым в общении, боящимся других людей, ограниченным. Что делать с этим? Идентичность для субъекта – Эго-идентичность, переживание бытия и собственной цельности, селф как осознание себя, переживание мира в отношениях с собой – и идентичность для наблюдателя отличаются здесь радикально. Это, видимо, обычное явление, что не мешает людям взаимодействовать в реальности весьма спокойно и даже относительно успешно. Приемлемая успешность взаимодействия обеспечивается тем, что люди взаимодействуют как функционалы или как роли (в рамках признаваемых всеми типизации), чего достаточно для функционирования социальных процессов.

Одним из серьезных теоретических вопросов при анализе того, как складывается и функционирует идентичность есть вопрос о том, как она существует. Охватывает ли она собой все проявления активности человека, выступая системообразующим началом, имеющим много аспектов, либо производные от различных ситуаций возможные идентичности являются лишь отдельными состояниями самосознания субъекта?. Последняя точка зрения становится все более и более распространенной. Так, Хезел Маркус почти два десятилетия назад отчетливо сформулировала три базовых положения, которые позволили существенно продвинуться в теоретической разработке проблематики селф-концепта. Это а) понимание того, что селф-концепт не есть унитарная монологичная сущность; б) признание того, что функционирование селф-концепта зависит как от личностной мотивации, так и от конфигурации непосредственной социальной ситуации; в) согласие с тем, что наблюдаемое поведение индивида есть результат, сконструированный многими факторами помимо селф-концепта. Взгляд на селф-концепт как на стабильное обобщенное инвариантное представление о себе (аналог интегральной идентичности) не может удовлетворить

исследователей. «Как может эта жесткая недифференцированная структура сензитивно опосредовать и отражать многообразие поведения, к которому она предположительно относится?» – задается вполне обоснованным вопросом Маркус [12].

Одно из возможных решений было найдено в рассмотрении селф-концепта как совокупности или коллекции имиджей, схем, концепции, прототипов, теории, целей или задач [8]. Другие исследователи характеризовали селф-концепт как иерархическую категориальную структуру, элементами которой являются черты личности, персональные ценности и память о схемах специфического поведения [7; 11] или многомерные пространства смыслов [9]. Несколько иным, но схожим по способу решения проблемы единичности селф был взгляд на селф-концепт как на систему «схем селф» или обобщенных представлений о себе, производных от прошлого социального опыта индивида. Схема селф предполагалась здесь как дуальная сущность, т. е. и как структура, и как процесс одновременно [13].

Но как бы исследователи ни концептуализировали селф в терминах иерархии, прототипов, пространств или схем, они, в общем, признавали активную сущность структуры селф. То, что вначале схватывалось в понятии как одиночная и статичная сущность, стало многомерной «мультифасеточной» структурой, которая системно включена во все процессы обработки социальной информации.

Множественные селф выступают как более удобный инструмент описания личности и объяснения ее активности в конкретные отрезки времени. Вместе с тем возникает задача решить теоретически проблему того, каким образом у человека могут существовать разные идентичности и, если это, как представляется, имеет место, то каковы отношения между ними. Несмотря на широкое распространение в последние десятилетия концепции идентичности как способа организации понимания человека, надо признать, что теоретическая глубина проработки модели существенно отстает от занимаемых ею все новых и новых территорий. Попытаемся упорядочить во многом стихийно складывавшиеся взгляды по поводу идентичности и развить некоторые вытекающие из них следствия.

Как может иметь место взаимодействие идентичностей? В настоящее время имеются различные данные о том, как это может происходить.

Относительно разработан вопрос о взаимодействии социальной и личностной идентичностей. Реципрокное взаимодействие между социальной идентичностью и личностной идентичностью было описано еще в 1980-е гг. в модели Дж. Тернера. Активация личностной идентичности с ее акцентом на особенности и отдельности индивида вызывала торможение социальной идентичности и ее уход из актуальных связей саморегуляции. И, напротив, стимулирование социальной идентичности ссылками на общую судьбу группы, проявления

групповой дискриминации или переживание угрозы со стороны аут-групп отодвигало на второй план переживание личностной идентичности. Диалектика интеграции и дифференциации разворачивалась здесь в зависимости от характера ситуации и выступала как ответ субъекта на вызов внешнего мира.

В меньшей степени прояснен вопрос о том, что происходит, когда встречаются идентичности, вызванные к жизни включенностью человека в разные области культурной деятельности («поля» в терминологии П. Бурдьё [2]). Каждая из таких деятельностей имеет свои особые практики, способы преобразования мира, критерии успешности и иерархию статусных позиций действующих лиц, идеологию и мироописание. Соответственно, для каждой из них оказывается действенным свой набор элементов идентичности – значимых личностных качеств, по которым происходит различение находящихся «в деле» индивидов и устанавливаются их отличия друг от друга. Несмотря на то что личностная идентичность, казалось бы, ориентируется на отличительность, сами качества, по которым отслеживаются отличия, образуют вполне определенный инвариантный набор, соответствующий той области жизни, где происходит действие. Идентичности, порожденные различными социальными полями и разворачивающимися в них деятельностями, также могут находиться в сложном соотношении. Если они рядоположны (нет отношения включенности или «пронизывания») и нет условий, при которых они активировались бы одновременно, разные идентичности могут существовать изолированно и практически не взаимодействовать между собой. (Это могут быть, к примеру, идентичность футбольного болельщика и идентичность любителя рыбалки). Взаимодействие по типу конфликта может возникнуть между этими идентичностями только тогда, когда они претендуют на одни и те же ресурсы личности (например, на ее время, или деньги, или физические силы) или же когда внешние наблюдатели одновременно инициируют обе идентичности (случайная совместная вечеринка футбольных фанатов и рыбаков-любителей, где наш герой будет испытывать жестокий кризис самоопределения). Но если между идентичностями существует отношение «пронизывания», т. е. одна из идентичностей, будучи субдоминантной, тем не менее может быть легко актуализирована в любой момент и стать ведущей, то между ними возможны как отношения ингибции, так и отношения фасилитации. Это может иметь место тогда, когда ситуации взаимодействия, актуализирующие определенную идентичность субъекта, могут быть легко переопределены так, что к жизни будет вызвана идентичность, бывшая до тех пор отложенной, дремлющей. Это может быть, например, гендерная или религиозная идентичность. При социализме роль такой латентной, но постоянно готовой к актуализации сущности индивида выполняла идеологическая идентичность, поскольку практически в любой ситуации было уместно вспомнить о том, что ты коммунист, и сверить принимаемое решение с приоритетной идентичностью. Сегодня в этой роли для части людей может выступать и гендерная идентичность.

В ходе исследований взаимодействия различных идентичностей накоплено достаточно много интересных фактов. В частности, был выполнен ряд исследований о влиянии наличной ситуации на актуализацию той или иной идентичности субъекта. Так, Грубе и Пилиавин, исследуя волонтеров и доноров-добровольцев, установили, что опыт предшествующего поведения является наиболее значимым предиктором возникновения соответствующей ролевой идентичности. Фактически вовлечение субъекта в ситуацию, где он объективно позиционирован определенным образом, формирует у него адекватную ситуации идентичность [10].

Был установлен также значимый эффект влияния особенностей ситуации общения (гендерного состава группы) на осознание гендерной идентичности. Наибольшее осознание субъектом того, что он/она является мужчиной или женщиной, происходило тогда, когда респондент оказывался в группе в меньшинстве; выраженным, но не таким интенсивным это переживание было тогда, когда мужчин и женщин в группе насчитывалось примерно поровну, и совсем слабым тогда, когда гендер респондента составлял большинство в его окружении [5].

Вид текущей активности также влияет на осознание субъектом своей гендерной идентичности. В указанном исследовании респонденты в большей степени осознавали свою гендерную принадлежность во время различной спортивной активности, в меньшей степени – во время активности, связанной с досугом и иными видами социальных занятий, и менее всего – в процессе академических занятий и иных видов интеллектуальной рефлексии.

Религиозная идентичность, к примеру, считается способствующей бизнес-идентичности в североамериканских сообществах, поскольку включаемое в религиозную идентичность предположение о повышенных этических нормах в отношениях с людьми, самодисциплине и верности слову совпадают с важными элементами идентичности бизнесмена. Обратная же связь в этой паре отсутствует.

Гендерная идентичность в ее женской версии для традиционного общества по ряду ключевых элементов противостоит идентичности руководителя, в связи с чем тематика противоречивых отношений линии семьи и карьеры (Л.Н. Ожигова; И.А. Сапогова), эмоционального выгорания работающей женщины (Т.Ф. Куликова) оказывается распространенной в гендерных исследованиях. «Nurse and care» плохо сочетается с «divide and rule», в связи с чем взаимодействие этих идентичностей имеет конкурентный характер, порождающий как личностное напряжение субъекта, так и ряд необычных гибридных идентичностей с доминированием одной из них и включением субдоминантной идентичности в состав ведущей при использовании ее в качестве средства деятельности.

Вместе с тем гендерная идентичность в традиционном мужском варианте совпадает по ряду ключевых элементов с некоторыми вариантами профессиональной идентичности, что, к примеру, показывают исследования, выполненные на выборке курсантов военных авиационных институтов. Такие качества, как смелость, выдержка, уверенность в себе, отважность, агрессивность, оказываются базовыми личностными характеристиками и в идентичности мужчины (классическая версия), и в идентичности военного летчика. Поэтому развитие этих качеств в рамках функционирования одной идентичности укрепляет и другую идентичность, а обе они оказываются в отношениях взаимного усиления.

Итак, мы можем резюмировать, что в идентичности целесообразно выделять некоторый набор ее ключевых элементов. Это те личностные качества, которые значимы для успешной деятельности в том социальном поле, где выделяется данная идентичность. Такие личностные качества неосознанны и непроизвольны и имеют вид, когда наблюдатель говорит о некоторой идентичности, Он называет термин, маркирующий ее, но под этим обозначением понимается совокупность личностных качеств и множество практик, которые способен или должен реализовывать носитель этой идентичности. Заметим, что здесь мы опять встречаемся с проблемой онтологического статуса идентичности. Идентичность для самого субъекта (назовем его Джек) выступает как способ понимания себя и понимания мира вокруг себя в процессе организации стратегического и тактического проектирования, планирования, реализации и оценки своей жизни или/ и отдельных направлений деятельности. Идентичность Джека для Других выступает как способ организации его понимания иными субъектами для проектирования, планирования, и реализации своих деятельностей, в ситуации которых Джек входит как условие, фактор, партнер или цель. И в том, и в другом случае идентичность оказывается ментальным конструктом, создаваемым субъектом для организации своего поведения и для поддержания оптимального функционирования собственной психики. Статус ментального конструкта не ослабляет каким бы то ни было образом реальность идентичности как бытийного феномена. Только искать его следует не в сущности изучаемых объектов и не как нечто овеществленное, а наблюдать в системах отношений, поскольку идентичность есть явление, возникающее только как продукт рефлексии отношений.

Как показал Д. Абрамс, связь между категориями, которые выступают именами идентичностей, и элементами (качествами), которые составляют их предполагаемое содержание, может быть в высшей степени изменчивой в зависимости от контекста, в котором они выступают. Например, идентичность (или самокатегоризация) «родитель» может определяться несколькими отличающимися способами, когда она, например, появляется в контексте родительского собрания (и тогда она состоит из элементов «заинтересованный», «во-

влеченный», «рациональный») или же когда взрослый член семьи реализует ее дома («любящий», «забавный», «ответственный») [4].

Итак, идентичность как самокатегоризация или самоопределенность реально открывается в отношениях, в том числе и в отношениях взаимного оценивания. Поэтому более важно знать и схватывать отношения (и их конкретное содержание), чем обозначение или самоназвание идентичности субъекта. Представляется, что социальные категории в основном схватывают структуру общности как совокупность связанных между собой позиций, а отношения – функцию в действии. В этой связи внимание сосредотачивается на том, как в текущую практику взаимодействия людей для описания их актуальных идентичностей привлекаются категории текущего (ситуативного) дискурса обсуждения, осознания и оценки друг друга (в связи с чем, например, у М. Биллига появляется термин «categories-in-use during talk») [6].

В этом смысле элементами идентичности являются не сами, например, маскулинные личностные качества курсанта военного училища, а функционирующие как оценочные критерии образы этих качеств, выделенные как самим курсантом, так и его коллегами, старшими офицерами, гражданскими лицами, любимой девушкой и т.д. Это выделение может быть явным образом рефлексивным, когда перечень данных качеств именуется, формализуется и в конечном счете идеологизируется. Оно может быть также и очень мало осознанным и закрепленным в практиках, личностных конструктах, традициях оценочной деятельности, нарративах, поддерживаемым в данном профессиональном сообществе.

Это «удвоение сущностей» (качества личности и представление о них) имеет смысл тогда, когда мы находимся в позиции теоретика-психолога, который знает, что идентичность является придуманным им самим (или его коллегами) конструктом, который позволяет лучше оформить для мышления и коммуникации несколько групп наблюдаемых фактов. То, что их именно несколько, провоцирует дополнительные сложности в оперировании конструктом «идентичность». Это следующие факты:

- субъект нечто представляет, переживает или «знает» относительно себя и своих качеств в отношениях с миром;
- другие люди нечто представляют или воспринимают относительно субъекта в своих отношениях с ним;
- субъект имеет некоторые личностные качества, способности, умения как таковые, т. е. обнаруживает их в практике.

Когда мы говорим о том, что в идентичность конкретного человека включаются такие-то личностные качества и способности, то это не значит, что они «извлекаются» из процессов деятельности или отношений, в которых они возникают, являют себя действительности, функционируют и «перемещаются» в

идентичность субъекта. Это означает всего лишь, что в конструкте, используемом субъектом для в той или иной мере осознанного выстраивания отношений с миром, эти качества содержатся как существенные, т. е. устойчивые и нагруженные значимостью элементы. Элементы конструкта идентичности затем включаются в процессы оценки явлений внешнего мира, в функционирование самооценки и деятельность по ее укреплению и стабилизации, они служат сюжетным содержанием и ценностями в нарративах, которые обеспечивают преемственность личной истории субъекта. Эти же элементы работают в субкультуре общности, в которой протекает социальная жизнь субъекта, и служат категориями для описания субъекта во множестве его образов, которыми пользуются взаимодействующие с ним люди. Но этими элементами являются не сами типичные реакции на определенные ситуации, стратегии поведения, способности к осуществлению деятельности – то, что мы привычно называем свойствами личности, а их знаки – либо слова, используемые при многочисленных проговариваниях происходящего с субъектом (отсюда потребность в разговорах о жизни, которая чаще всего свойственна женщинам), либо чувственно-эмоциональные комплексы переживания способности что-то сделать (чувство уверенности в себе в проецируемой ситуации: я сделаю нечто и получу такой-то результат). Последнее может существовать как особое переживание самоэффективности (А. Бандура) или осознание, или переживание обладания некоторой компетенцией – способностью решить на приемлемом уровне определенную социальную или профессиональную задачу или тип задач.

Таким образом, анализ концепта идентичности показывает, что исследователь, привлекающий его для создания теоретической модели изучаемого социального или социально-психологического процесса, может:

а) рассматривать идентичность как данность (осознание, переживание, образ) субъекту его конкретных характеристик, существенных / актуальных для ситуации, в которой разворачивается его активность;

б) работать с отдельными идентичностями как аспектами личности, актуализирующимися в определенных пространствах социальной активности;

в) выделять элементы идентичности как те значимые для данного пространства и спектра присущих ему деятельностей качества, способности и установки человека, по которым он различается и определяется другими акторами этого пространства и которые он затем использует для понимания и определения себя;

г) описывать взаимное влияние отдельных идентичностей как фасилитацию – использование (и усиление) ими одних и тех же качеств субъекта – или же как ингибицию – периодическую актуализацию качеств субъекта, находящихся в реципрокных отношениях с ведущими элементами других его идентичностей;

д) концептуализировать идентичность (в тех исследованиях, где она используется вместе с категорией субъекта) ситуативно-конкретную форму существования субъекта.

Библиографический список

1. *Бахтин М.М.* Автор и герой в эстетической деятельности // Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000.
2. *Бурдые П.* Начала / Пер. с фр. Н.А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1994.
3. *Ожигова Л.Н.* Проблема субъектности: гендерная идентичность и профессиональные стратегии женщины // Субъект, личность и психология человеческого бытия / Под ред. В.В. Знакова и З.И. Рябикиной. М.: Изд-во «Ин-т психологии РАН», 2005.
4. *Abrams D.* Social identity, social cognition and the self: The flexibility and stability of self-categorization // Social identity and social cognition / Eds. D. Abrams, M. Hogg. Oxford: Blackwell, 1999.
5. *Aries E., Olver R., Blount K. Christaldi K., Fredman S, Lee T.* Race and gender as components of the working self-concept // Journal of Social Psychology. 1998. Vol. 138. Issue 3.
6. *Billig M.* Discursive, rhetorical and ideological messages // The message of social psychology / Eds. C. McGarty, S.A. Haslam. Oxford: Blackwell, 1997.
7. *Carver C.S., Scheier M.F.* Attention and Self-Regulation. A Control Theory Approach to Human Behavior. N. Y.: Springer-Verlag, 1981.
8. *Epstein S.* The self-concept. A review and the proposal of an integrated theory of personality // Personality Basic Issues and Current Research / Ed. E. Staub. Englewood Cliffs. N. Y.: Prentice-Hall, 1980.
9. *Greenwald A.G., Pratkanis A.K.* The self // Handbook of Social Cognition / Ed. R.S. Wyer, T.K. Srull. Hillsdale. N.Y.: Erlbaum, 1984. Vol. 3.
10. *Grube J.A., Piliavin J.A.* Role identity, organizational experiences, and volunteer performance // Personality & Social Psychology Bulletin. 2000. Vol. 26.
11. *Kihlstrom J.E., Cantor N.* Mental representation of the self // Advances in Experimental Social Psychology. 1984. № 17.
12. *Markus H., Wurf E.* The dynamic Self-concept: social psychological perspective // Annual Review Psychological, 1987. № 38.
13. *Neisser U.* Cognition and Reality. San Francisco: Freeman, 1976.
14. *Waterman A.S.* Personal expressiveness: Philosophical and psychological foundations // Journal of Mind and Behavior. 1990. № 11.

СТРУКТУРА ЦЕННОСТНЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ И КАТЕГОРИИ САМОВОСПРИЯТИЯ

.....

А. А. Лузаков

Понятия «картина мира», «образ мира», «карта реальности» все чаще используются психологами разных, не обязательно когнитивных, теоретических ориентаций. Многие, не выяснив феноменологию, структуру и функции изучаемого предмета, поддаются соблазну сразу перейти от описания субъективной картины мира личности к объяснению и прогнозированию ее поведения. Однако прежде чем искать прямые поведенческие корреляты картины мира субъекта, нужно сосредоточиться на выяснении специфики взаимосвязей различных ее составляющих. В частности, на том, как соотносятся на теоретическом и операциональном уровне понятия «ценности», «субъективная структура ценностей», «идентичность», «категории восприятия», «личностные семантические пространства» и т.д. Эта работа далека от завершения. Не все из упомянутых и смежных с ними научных конструктов (точнее, явлений, которые обозначаются этими конструктами) имеют чисто когнитивную природу, многие несут значительную аффективную нагрузку, обладают мотивационным потенциалом и, следовательно, способны влиять на поведение. Ранее мы уже обосновывали актуальность проблемы соотношения мотивационно-ценностных и когнитивных структур личности и перспективность подхода к этой проблеме с помощью психосемантических методов [7; 8]. Данная статья отражает продолжение наших теоретических и методических поисков в этом направлении.

Личность осознает мир через призму ценностей. В литературе существует множество определений понятия «ценности». Одна из причин многозначности в том, что ценности могут быть рассмотрены и как элементы когнитивной структуры личности, и как элементы ее мотивационно-потребностной сферы. Ценности способны как бы связывать когнитивную и мотивационную сферы,

---

* Лузаков Андрей Анатольевич — канд. психол. наук, доцент кафедры социальной психологии и социологии управления Кубанского государственного университета. Электронная почта: luan@manag.kubsu.ru.

интегрировать их в единую смысловую сферу, придавая личности определенную целостность.

Обобщая различные исследования, Д.А. Леонтьев выделил несколько основных вариантов понимания психологической природы индивидуальных ценностей [6]. Иногда ценности трактуются в одном ряду с такими понятиями, как мнение, представление или убеждение. Другая трактовка рассматривает индивидуальные ценности или ценностные ориентации как разновидность или подобие социальных установок (отношений) или интересов. Третий подход сближает ценности с понятиями потребности и мотива, подчеркивая их реальную побудительную силу. Эти подходы не исключают друг друга.

М. Рокич определял ценность как устойчивое убеждение в том, что определенный *способ* поведения (инструментальная ценность) или конечная *цель* существования (терминальная ценность) предпочтительнее с личной или социальной точки зрения, чем противоположный им способ поведения либо конечная цель существования [14].

В рамках подхода, рассматривающего индивидуальные ценности или ценностные ориентации как подобие социальных установок или интересов (В.А. Ядов, Ч. Моррис), им приписывается структурирующая функция. Ценности здесь предстают как «оси сознания», вокруг которых организуется восприятие человеком мира. Нам близок именно такой подход.

Методики выявления ценностных ориентаций, как правило, предлагают субъекту тем или иным способом обозначить свои предпочтения в некотором перечне ценностей-целей, идеалов (уважение окружающих, красота, свобода и т.п.) или ценностей-средств (названий личностных черт или поведенческих описаний), которыми субъект готов руководствоваться в повседневной жизни. Эти методики вызывают споры. Предпочитая одни ценности другим, т.е. указывая на актуальные ценности, субъект указывает больше на то, чего ему лично сейчас не хватает (эту актуальную необходимость он осознает, отсюда выбор данной ценности), или здесь декларируется иерархия ценностей, относительно независимая от актуальных потребностей субъекта, т.е. то, что называется мировоззрением? Ответ на этот вопрос в значительной степени определяет принципы интерпретации данных. Но ответ не может быть общим для всех респондентов, поскольку сформированность, устойчивость и действенность мировоззрения у разных людей так же различна, как и степень осмысленности жизни [6]. Следует отметить, что для индивидуальной работы с субъектом нужны углубленные, в том числе качественные, методы. Иногда удается обнаружить, что декларируемая иерархия ценностей – результат большой рефлексивной работы, эта иерархия относительно независима от актуальных обстоятельств жизни субъекта и влияет на поведение. И такая позиция – далеко не всегда признак ригидности или недостаточного развития навыков адаптации к среде. По словам Бернарда Шоу, «разумный человек приспособляется к

окружающему миру, неразумный упорно старается приспособить мир к себе. Поэтому прогресс всегда зависит от неразумных людей» [5, с. 235].

Не будем углубляться в интересную тему о природе ценностных ориентаций личности и их изменениях в течение жизни. Сосредоточимся на том, как в *актуальной* системе своих ценностных предпочтений личность выстраивает иерархию ценностей и как именно они для нее структурированы. Еще более интересно, как в ее субъективном мире ценностные ориентации связаны с предпочитаемыми способами восприятия и оценивания других людей и себя (т.е. с личностными семантическими пространствами – ЛСП).

Все основные ценности, выработанные человечеством, воспринимаются людьми как важные. Люди обычно стараются ориентироваться сразу на несколько ценностей, иногда конкурирующих между собой. Именно поэтому ситуации вынужденного ценностного выбора, как на уровне реальных поступков, так и на уровне выполнения тестов, предложенных психологом, вызывают у многих чувство дискомфорта. Однако при достаточно развитой рефлексивности индивидуального сознания ценности в нем рано или поздно выстраиваются иерархически, по приоритету, поскольку трудно одновременно «и капитал приобрести, и невинность соблюсти». Иерархия ценностей в индивидуальном или групповом сознании отражает *содержательные* особенности ценностной системы. Также следует учесть, что между разными ценностями-целями в сознании людей обнаруживаются определенные связи. Эти *структурные особенности* мира ценностей тоже являются важной характеристикой человеческих групп и отдельных субъектов. Можно изучать это на уровне всеобщего (людей вообще), особенного (конкретных культур, социальных групп) и единичного (уникального, индивидуального).

Изучение общих тенденций на базе широких межкультурных исследований позволяет не только описать спектр возможных ценностных предпочтений людей, но и привести их в некую систему. Из общих моделей такого рода наиболее интересна модель Ш. Шварца и его соавторов [4, 15, 16]. Опираясь на работы М. Рокича, других психологов и философов, а также на эмпирические данные, полученные в 1990-е гг. от тысяч респондентов в разных странах, Ш. Шварц с соавторами выделяют 10 типов ценностей, соотношение которых для разных личностей и разных культур неодинаково.

Ценности, по которым выстраивается «ценностный профиль» личности или группы, следующие:

- конформность (предотвращение действий и побуждений, способных причинить вред другим или не соответствовать социальным ожиданиям);
- традиции (близки к предыдущей ценности; уважение традиций, следование им, принятие своей участи);

- доброта (благополучие в повседневном взаимодействии с близкими людьми);
- универсализм (более обобщенная ценность по сравнению с «добротой», касается понимания, терпимости, защиты благополучия всех людей и природы);
- самостоятельность (в мышлении и выборе способов действий, в творчестве и исследовательской активности);
- стимуляция (производна от организмической потребности в разнообразных и сильных переживаниях для поддержания оптимального уровня активности, стремления к новизне и глубоким переживаниям);
- гедонизм (наслаждение жизнью, чувственные удовольствия);
- достижения (личный успех через проявление компетентности в соответствии с социальными стандартами и при взаимодействии с непосредственным окружением);
- власть (достижение социального статуса, престижа, контроля или доминирования над людьми и средствами; в отличие от предыдущей ценности подчеркивает достижения не в непосредственном взаимодействии, а в рамках целой социальной системы);
- безопасность (для себя и других, социальный порядок, стабильность общества и гармония взаимоотношений).

Они вписаны в круговую схему, которая задает теоретическую структуру системы ценностей. Одни близки друг другу, занимая соседние сектора круга, другие, расположенные в противоположных секторах, являются конкурирующими. Например, ценности достижения могут вступать в конфликт с ценностями доброты, а ценность власти плохо совместима с ценностями универсализма (понимания и защиты благополучия всех людей и природы). Десять ценностных типов на круговой схеме, согласно Шварцу, можно структурировать по двум биполярным осям: 1) открытость изменениям (ценности самостоятельности, стимуляции) в противоположность консерватизму (ценности безопасности, конформности и традиций); 2) самовозвышение (ценность власти и достижений) в противоположность самоотрансцендентности (ценности универсализма и доброты).

Даже если принять предложенное Шварцем «размещение» ценностей в круговой модели, на наш взгляд, указанные оси координат – не единственный вариант деления круга на части. Это вытекает уже из самой возможности мысленно вращать круг так, чтобы на вертикальной и горизонтальной осях акцентировались новые сочетания ценностей. Все зависит от того, какое основание категоризации оказывается продуктивно для решения той или иной психологической задачи. Например, для лучшего понимания некоторых человеческих проблем можно проводить ось так, чтобы на одном полюсе акцентировались

ценности самостоятельности и универсализма, а на другом – ценности власти и безопасности. К. Хорни, Э. Фромм и другие авторы психодинамической ориентации убедительно показали, как стремление к власти часто вырастает из стремления к безопасности занимая соседние сектора круга, занимая соседние сектора круга [11, 12]. В модели Ш. Шварца мы видим рядоположность, равноправие всех ценностей и такой выбор ключевых осей, при котором сохраняется эмоциональная нейтральность и предлагается возможность толерантного отношения ко всем конкурирующим ценностям. Это достоинство и одновременно недостаток. Модель, призванная охватить всё и отразить наиболее общие аспекты, с неизбежностью игнорирует особенное и единичное. Но именно на этих уровнях анализа виден весь драматизм противостояния разных ценностных систем, идеологий, культурных стереотипов и индивидуальных убеждений, порой доходящих до фанатизма. Именно здесь приходится временно забыть известное в гуманитарных науках положение об ограниченности дихотомических конструктов. Пока такие конструкты активно работают в массовом сознании, их нельзя игнорировать. Очевидно, актуальная ситуация, определяемая местом, историческим временем, культурной средой и особенностями «участников» (больших или малых групп, личностей), всегда заставляет исследователя из всех возможных осей противостояния ценностей выбрать одну-две главных.

Применительно к современному этапу развития западных обществ (а Россия все больше входит именно в эту «колею») можно вслед за К. Хорни, Э. Фроммом и другими указать на одно ключевое противоречие. С одной стороны, существуют идеалы и ценности достижения, самоутверждения в условиях жесткой социальной конкуренции, а с другой – идеалы и ценности доброго отношения и даже любви к ближнему, построения хороших отношений с другими. Эта классическая дилемма западной цивилизации, по мнению К. Хорни, является культурной матрицей для формирования невротической личности [12]. Если поставить вопрос о том, какая из позиций дилеммы имеет более глубокие исторические корни, станет очевидным, что ценность любви к ближнему захватила умы и чувства больших масс людей сравнительно недавно – в эпоху распространения христианства. До этого в бесконечную глубину веков уходят идеалы и ценности, связанные с удовлетворением базовых потребностей человека, с борьбой, с выживанием сильнейшего.

А. Маслоу также утверждал, что разные ценности не рядоположны, что с точки зрения перспектив человеческого развития можно выделить высшие ценности: истину, красоту, совершенство, гармонию, уникальность, аутентичность, ясность, справедливость, миролюбие и т.п. Они имеют отношение к метамотивации, т.е. мотивации, выходящей за пределы базовых потребностей. В модели Ш. Шварца к ним, очевидно, можно отнести «универсализм» и «доброту». Удовлетворение базовых потребностей является необходимым, но далеко

не достаточным условием для развития высших потребностей. В одном из своих поздних определений самоактуализированного человека Маслоу подчеркивает, что такой человек «не только а) психологически здоров, б) удовлетворил свои базовые потребности и в) позитивно использует свои возможности, но и – г) устремлен к неким «высшим» ценностям, взыскует их и преклоняется перед ними» [9, с. 314–315].

Описывая специфику высших ценностей по сравнению с более традиционными, этот автор отмечает: «...высшее» выступает в роли слабейшего, его сила быстро истощается, оно не столь настырно, оно уступчиво и трудно постижимо. В отличие от высших, базовые потребности доминантны, даже можно сказать, бесцеремонны, как более насущные для человеческого существования, для элементарного выживания и физического здоровья. Но несмотря на это, метамотивация *существует*, мы замечаем ее присутствие в мире природы и у подавляющего большинства окружающих нас людей. ...Высшие ценности не могут быть придуманы, разрешены или сотворены. Они могут быть только выявлены...» [9, с. 319].

Здесь возникает много проблем методического характера. Например, надо иметь в виду, что часто за одним и тем же ценностным термином у разных людей может скрываться разный смысл. Чтобы понять, какое значение вкладывает большинство респондентов в тот или иной термин, нужно исследовать, с какими ценностными терминами в их сознании он связан, а каким противостоит. Необходимость трактовки каждого конкретного значения (понятия, образа) не изолированно, а с учетом соответствующего семантического поля – один из важных принципов психосемантического подхода к исследованию когнитивных структур индивидуального и группового опыта.

Какие ключевые основания разделения ценностей у сегодняшней городской молодежи и людей среднего возраста могут оказаться продуктивными? Наши исследования и исследования, выполненные под нашим руководством в разных группах респондентов (студенты разных специальностей, недавние выпускники вузов, люди среднего возраста с высшим образованием, всего более 300 человек), показали следующее. Одним из наиболее общих оснований для типологии ценностных ориентаций личности выступает отношение к социальному успеху (и материальному благополучию как его составляющей), с одной стороны, и отношение к познанию, творчеству, обретению жизненной мудрости – с другой. Это косвенным образом связано с бытующим в психологии личности различием ориентации на результат или на процесс. Для диагностики ценностных ориентаций нами часто использовался список ценностей-целей из методики М. Рокича (в адаптации В.А. Ядова с соавторами), при этом применялась процедура попарного сравнения ценностей, а не их ранжирование. Компьютерная многомерная классификация индивидуальных матриц ценностных предпочтений позволила выделить, помимо группы лиц со сбалан-

сированными ценностными ориентациями, две контрастные группы, получившие условные названия «прагматиков» и «ориентированных на познание» [2]. Последних меньше в количественном отношении (примерно один к трем), а их название требует пояснений. Этот ценностный «синдром» не только включает ценность расширения кругозора, роста образованности, но и предполагает ее *сочетание* со стремлением к независимости суждений, свободе поступков, построению хороших отношений с близкими (друзья, семейная жизнь). Для субъектов этого типа также характерно то, что высокая материальная обеспеченность не относится у них к числу ведущих ценностей, и низка субъективная значимость общественного признания, уважения окружающих, развлечений, удовольствий. Группе «прагматиков», напротив, близки ценности внешней самореализации и связанные с нею социальные маркеры – общественное признание, материальная обеспеченность, уважение окружающих, развлечения. Предпочтение этих ценностей сочетается у них с низкой значимостью ценностей красоты, творчества, жизненной мудрости и познания. Между указанными типами обнаружены различия в степени однозначности/противоречивости ценностных ориентаций. Более противоречивая структура характерна для «ориентированных на познание». Это косвенно подтверждает мнение некоторых авторов (см., например, [10]) о большей невротичности субъектов, ориентированных на познавательные и творческие виды деятельности. Возможно, предложенные названия ценностных групп не являются самыми удачными. Альтернативная версия названий – *«социальные прагматики»* и *«ориентированные на личностное развитие»*.

Конечно, попытка выделить полярные ценностные группы – это упрощение достаточно пестрой картины различных паттернов предпочтений. Но использование дихотомических описаний часто продуктивно может способствовать пониманию труднообозримого многообразия.

Прослеживаются аналогии с уже существующими моделями. Так, шесть типов личности из модели Э. Шпрангера [13] можно сгруппировать сходным образом: экономический, политический и социальный типы могут быть отнесены к ориентированным на ценности внешней самореализации («прагматики»), а теоретический, религиозный и эстетический – к ориентированным на более трансцендентные ценности (сходно с нашей группой «ориентированных на личностное развитие»).

При сопоставлении с моделью Ш. Шварца обнаруживается определенное сходство постулируемой нами оси противопоставления с дихотомией «самовозвышение – самотрансцендентность».

Также можно увидеть некоторые параллели с отмеченным К. Хорни основным противоречием в сознании современного западного общества. Но у наших респондентов есть отличительная особенность. Ценностям достижения, социального самоутверждения противопоставлены не идеалы любви к людям

и отношений с ними. В «западном» варианте обе стороны дилеммы находятся в плоскости социальных взаимодействий. Не выйдя за ее пределы, действительно трудно избежать внутреннего конфликта и угрозы невротического развития. У части наших респондентов («ориентированных на личностное развитие») альтернативой социальным достижениям является своеобразный уход от проблем прямого социального взаимодействия и перенос акцента на ценности познания, мудрости, красоты, творчества. В этой группе происходит снижение значимости не только общественного признания и его материальных атрибутов, но и развлечений/удовольствий. Эта интровертная тенденция напоминает «восточный путь».

Если до этого мы говорили о классификации респондентов по их ценностным ориентациям, то теперь, чтобы проверить особенности структурирования ценностей в сознании, обратимся к результатам корреляционного и факторного анализа ценностных предпочтений.

Интеркорреляции ценностей выявляются небольшие (0,19–0,40), но статистически значимые ($p \leq 0,05$). Приведем наиболее типичные из обнаруженных нами связей.

Ценность жизненной мудрости отрицательно связана с ценностью развлечений и удовольствий, уверенности в себе, но положительно связана с ценностью познания и самостоятельности как независимости в суждениях. Ориентация на познание (расширение кругозора и образования) позитивно связана с ценностью творчества, но имеет отрицательную связь с ценностями материально обеспеченной жизни, развлечений / удовольствий, уважения окружающих.

Ценность красоты (переживания чувства прекрасного) позитивно связана с ценностью любви и отрицательно связана с ценностями материально обеспеченной жизни, развлечений. Любовь имеет позитивные связи с ценностью семейной жизни и красоты и негативные – с ценностью общественного признания, равенства, уверенности в себе.

Ориентация на материально обеспеченную жизнь, помимо отрицательных связей с ценностями познания и творчества, имеет также отрицательные связи с ценностями самостоятельности суждений и равенства.

Ценность уверенности в себе позитивно связана с ценностью развлечений/удовольствий, но обнаруживает отрицательную связь с ценностью жизненной мудрости, любви и интересной работы.

Результаты факторного анализа часто приводят к выделению такого биполярного фактора, в котором противопоставлены, с одной стороны, ценности познания, жизненной мудрости и иногда, самостоятельности суждений, с другой – ценности развлечений/удовольствий, уважения окружающих, общественного признания, материальной обеспеченности.

Это, так сказать, общие тенденции. Но вернемся к контрастным ценностным группам, которые ранее были названы «социальными прагматиками» и «ориентированными на личностное развитие» (на трансцендентные ценности). Мы предположили, что в сознании двух этих групп по-разному структурируется сам перечень ценностей. Это могло дополнить характеристики групп. В каждой из них на основе матрицы интеркорреляций ценностей был проведен факторный анализ. Анализировались факторы, полученные методом главных компонент без вращения, в этом случае наиболее информативными считаются первые один-три фактора.

Несколько предварительных замечаний о том, можно ли соотносить содержательную специфику каждой ценностной группы (см. результаты многомерной классификации субъектов) со структурой ценностей в групповом сознании по результатам факторного анализа. Ожидать прямого соответствия этих данных друг другу нет оснований, поскольку это разные углы зрения, и их следует использовать согласно принципу дополнительности. При интерпретации результатов кластерной группировки респондентов применялся, если использовать термины В. Дильтея, больше метод понимания, а не объяснения. Учитывался как абсолютный, так и относительный вес ценностей в каждой группе. Но они далеко не всегда совпадали. Чтобы учесть абсолютный вес той или иной ценности, группы сравнивались между собой по среднему баллу, т. е. числу выборов, полученному данной ценностью при парных сравнениях её с другими. Относительный вес ценности определялся по месту, которое она заняла в ранговом ряду предпочтений конкретной группы, построенному на основании количества полученных выборов. Ценность N могла иметь в группе A довольно большой относительный вес, но по абсолютному весу заметно уступать такой же ценности в группе B и наоборот. Поэтому итоговое описание ценностных групп во многом построено на герменевтических основаниях, а утверждение, что в конкретной группе ценность N предпочитается больше, а ценность F меньше, не обязательно означает, что между ними удастся найти отрицательную корреляцию или что они не могут обнаружить признаков сходства (коррелировать) на каком-то уровне субъективной семантики. Факторный анализ ценностей дает информацию о субъективном сходстве или противопоставлении разных ценностей.

В группе «ориентированных на личностное развитие» счастливая семейная жизнь, любовь и здоровье находятся на одном полюсе первого фактора (имеют один и тот же знак), а красота, самостоятельность, активная деятельная жизнь, жизненная мудрость, общественное признание – на другом. Учитывая, что любовь, здоровье и счастливая семейная жизнь у большинства наших респондентов относятся к ведущим ценностям, можно заключить, что здесь мы имеем дело с представлением о том, чем именно человеку приходится поступиться ради них. Можно сказать иначе: это представление о том, ради достижения ка-

ких целей и ценностей люди могут жертвовать счастливой семейной жизнью, или любовью, или здоровьем.

Обратим внимание на еще одну поляризованную группу ценностей, существующую в сознании этих субъектов (вторая главная компонента факторной матрицы). Здесь на одном полюсе жизненная мудрость, самостоятельность, свобода, любовь, а на другом – уверенность в себе и материальная обеспеченность. Значит, в их представлении любая из ценностей первого полюса может оказаться под угрозой, если, скажем, последовательно руководствоваться стремлением к материально обеспеченной жизни. Это выглядит странно, ведь согласно распространенному мнению, ни о какой свободе и самостоятельности не может быть и речи, если нет достаточных материальных средств (в заостренной форме: чем больше денег, тем больше свободы). Но ясно, что имел в виду поэт Е. Евтушенко: «Будь при деньгах свободен, словно нищий. Не будь без денег нищим никогда». Можно вспомнить и слова Бернарда Шоу: «Почему это так устроено: люди, умеющие веселиться, не имеют денег, а люди, имеющие деньги, не умеют веселиться» [5, с. 239]. Не будем забывать, что речь идет о представлениях, существующих в субъективном мире определенной группы людей. Такой мир всегда выглядит странным, если судить о нем с позиций мировоззрения некой иной группы или так называемого среднего человека, большинства. Специфика данной группы субъектов проявилась также в том, что ценность уверенности в себе оказалась у них противостоящей мудрости, свободе и любви. Воздержимся от суждений, насколько правомерно такое представление, ведь понятие «уверенность», как и «свобода», имеет неоднозначную семантику. Между тем известно, что многие крупные ученые высказывались примерно в таком ключе: «Чем больше я узнаю, тем меньше я уверен в правильности своих предыдущих представлений». Сократу приписывают известное «Я знаю, что я ничего не знаю». И еще одно высказывание об уверенности, автор которого нам неизвестен: «Дурак никогда не заходит в тупик, потому что там полно умных».

В группе «прагматиков» в первом факторе на одном полюсе оказались представлены: активная деятельная жизнь, общественное признание, интересная работа, на противоположном – равенство, красота, уверенность в себе и свобода. Ценности первого блока имеют высокую значимость у этой группы, значит, следует предположить, что ценности другого полюса отражают представление о том, чем именно придется поступиться ради них. Во втором факторе у них на одном полюсе любовь, здоровье, на другом – общественное признание и уважение окружающих.

Таким образом, различия контрастных групп проявляются не только в иерархии (содержании) ценностей, но и в их структурной организации.

Индивид осознает мир через призму ценностей. Ценности влияют на избирательность восприятия, новая информация отбирается и интерпретируется

ется так, чтобы “поддержать” структуру ценностно-нагруженных категорий. В частности, ценности определяют, на что именно в другом человеке субъект обращает внимание в первую очередь. Поэтому содержание оценок, даваемых субъектом другим людям, характеризует не только их, но и его самого. На этом основаны психосемантические эксперименты, в которых реконструируется личностное семантическое пространство субъекта или группы. Система категорий, конструктов, сквозь призму которых личность воспринимает и классифицирует людей и ситуации, относится к числу основных факторов, объясняющих субъективные причины «предвосхищения» результата восприятия.

Г.М. Андреева отмечает, что самым «значительным эффектом, а по существу, сердцевинной межличностного восприятия, является стереотипизация» [1, с. 46]. Заметим, что в основе стереотипизации лежат процессы категоризации, т.е. процессы образования, функционирования и изменения категорий, используемых индивидом, группой или целым обществом. Это позволяет нам рассматривать категоризацию как базовый процесс по отношению к ситуациям межличностного или межгруппового восприятия и к социальному познанию вообще.

В исследовании, выполненном под руководством автора статьи, эмпирически показаны структурные и содержательные различия социальной перцепции у контрастных ценностных групп, охарактеризованных ранее [3]. У них выявлены различия категориальной структуры межличностного познания, семантических пространств. Показано, что их представители используют неодинаковые системы координат при восприятии и оценивании других людей, стараются выделить в познаваемых людях разные свойства, определяемые ими как ключевые.

Самостоятельной задачей является установление и описание таких различий применительно к самовосприятию. Здесь мы как бы изменяем фокусировку и сосредоточиваем внимание на более конкретном и, может быть, самом важном объекте социальной перцепции, тем более что многие авторы подчеркивают: Я-концепция является мощным фактором, влияющим на субъективную картину мира в целом; отношение к себе в значительной степени обуславливает отношения к другим людям. За аргументами обратимся к концепции М. Рокича [14]. Согласно этому автору, понятие «Я» занимает в субъективной ценностной системе центральное место. Это сложное когнитивное образование, которое включает эмоционально нагруженные представления о своих физических данных, личных успехах, социальном положении. Вокруг этого ядра функционально организована терминальная и инструментальная ценностная система, система установок, представлений о собственном поведении и поведении других.

Мы исходили из следующего. Если между различными ценностными типами личности обнаруживаются структурные и содержательные отличия в вос-

приятии и оценивании людей, то в их Я-образе, в способах самокатегоризации такие различия тем более могут иметь место. Описание этих различий может иметь существенное значение для понимания взаимосвязи мотивационных и когнитивных структур личности.

Применялась авторская методика – «семантический поведенческий дифференциал» (СПД), разработанный нами в конце 1990-х гг. на основе некоторых идей В.Ф. Петренко. В методике не используются личностные прилагательные. Дескрипторы предъявляются в виде 40 утверждений (в более раннем варианте – 43 утверждения), описывающих поведение, предпочтения или переживания человека. Например: испытывать постоянную потребность в новых людях, знакомствах; сплетничать; переживать бессмысленность своей жизни; во всем предпочитать стабильность и постоянство и т.д. Респондентам предлагалось описать себя, используя семибалльные шкалы. Точки на шкале отражали то, насколько данное поведение или переживание типично. Предварительно в общей выборке (129 человек, студенты и слушатели ИППК разных специальностей) по уже описанному алгоритму были выделены контрастные ценностные группы – субъекты, ориентированные на ценности социального прагматизма и на ценности личностного развития (познания-творчества-мудрости). В каждой группе анализировалась матрица «субъекты – шкалы СПД», полученная при оценивании объекта «Я сам (Я сама)». Статистический анализ методом главных компонент позволил получить список тех шкал (поведенческих описаний), которые являются для исследуемой группы субъектов наиболее важными основаниями самокатегоризации, оценки себя. Рассмотрим шкалы, получившие максимальную нагрузку по первой главной компоненте (первому фактору).

В группе «Социальных прагматиков» на одном полюсе первого фактора оказались следующие характеристики: стремиться сделать карьеру и настойчиво следовать намеченному плану; заниматься устройством своих дел, а не абстрактными проблемами; активно участвовать в общественной жизни (различных общественных комитетах и т.п.); испытывать постоянную потребность в новых людях. Данные дескрипторы имеют положительную эмоциональную окраску; об этом свидетельствует то, что некоторые из шкал, оказавшихся на противоположном полюсе, несут в себе, наоборот, явно негативную оценку. Вот другой полюс фактора: сплетничать; вскрыть чужое письмо; переживать бессмысленность своей жизни; расстроиться из-за событий в кинофильме или книге; чувствовать постоянные интриги и сплетни за своей спиной; отказаться помогать престарелым родителям; поступать назло, если кто-то пытается командовать без оснований.

Этот биполярный фактор отражает на одном полюсе позитивную моральную оценку одновременно с проявлениями социальной активности, прагматизма, экстраверсии, на другом – негативную моральную оценку и признаки

высокой эмоциональной чувствительности, интровертированности, депрессивности. Именно эта ось различения, субъективная мерка лежит в основании самокатегоризации, типичной для группы респондентов, которых из-за их ценностных ориентаций мы ранее назвали «прагматиками» (количественно они обычно заметно преобладают над представителями противоположной группы). Обратим внимание, что на полюсе негативно оцениваемых качеств здесь оказалась склонность «поступать назло, если кто-то пытается командовать без оснований», хотя в иных контекстах она выступает одобряемым признаком свободолюбия, гордости, позитивного нонконформизма. Также осуждается переживание бессмысленности своей жизни, которое в других случаях, как мы далее увидим, не имеет негативных коннотаций.

В группе «ориентированных на личностное развитие» первый фактор тоже биполярный, но образующие его качества – иные. Кроме того, нелегко сразу определить, какой из полюсов несет позитивную оценочную нагрузку, одобрение, а какой – негативную (расположение Я-идеала позволило прояснить ситуацию). Эта нечеткость эмоциональной оценки уже не раз проявлялась в наших исследованиях как атрибут данного типа личностей. Она может трактоваться и как признак невротичности (так считает, например, А.Н. Собчик, размышляя о субъектах с ведущими тенденциями тревожности, сензитивности, лабильности, которые склонны к занятиям творческими и кабинетными видами деятельности [10]). Но это можно рассматривать и как признак диалектичности картины мира, способности видеть относительность любых однозначных оценок. На одном полюсе первого фактора: доверять своим внезапным решениям, не обдуманном заранее; получать удовольствие от возможности побыть одному; переживать бессмысленность своей жизни; много времени уделять мечтам и фантазиям; в отношениях открыто выражать свои чувства, даже если это может привести к неприятным последствиям; бояться показаться слишком чувствительным; считать, что для выражения смысла возможности речи ограничены, истина – вне слов; чувствовать постоянные интриги и сплетни за своей спиной.

На противоположном полюсе оказались следующие дескрипторы: быть в компании в центре внимания; стараться выводить людей на чистую воду; использовать других людей как средство для достижения своих целей; во всем предпочитать стабильность и постоянство. Данный фактор задает ось различения, где, с одной стороны, просматривается интровертированность, мечтательность, эмоциональная импульсивность, а с другой – социальная смелость в сочетании со склонностью манипулировать другими людьми, использовать их, консерватизм. Таким образом, ключевое основание самокатегоризации в данной группе лежит между указанными полюсами. Заметим, что признак «переживать бессмысленность своей жизни» здесь не соседствует с неодобряемы-

ми поступками, как у «прагматиков», а значит, не имеет прямых негативных коннотаций.

Каково в каждой группе положение объектов Я и Я-идеал на выявленной оси оценивания? У «ориентированных на личностное развитие» расположение Я-идеала говорит о том, что полюс интровертированности, мечтательности, импульсивности является для них более предпочтительным, так как Я-идеал отклоняется от Я именно в этом направлении. Напомним, что у «социальных прагматиков» позитивный полюс оценки – социальная активность, прагматизм, экстраверсия. Расстояние между Я-идеалом и актуальным Я на оси первого фактора (в каждой группе он свой) в обеих ценностных группах примерно одинаковое, но у «ориентированных на личностное развитие» обе эти точки больше смещены к позитивному для данной группы полюсу (этому факту еще предстоит найти объяснение).

Таким образом, главная ось самокатегоризации в каждой из ценностных групп согласуется с содержательной спецификой их ценностных предпочтений (ценностей-целей). Представители этих групп используют неодинаковые конструкции при самовосприятии. Иными словами, в качестве ключевых свойств, позволяющих вынести себе позитивную или негативную оценку, ими выделяются разные признаки поведения и ментальных состояний. Полученные данные углубляют имеющиеся представления о взаимодействии ценностно-мотивационных и когнитивных структур личности, а также подтверждают тезис о важной роли Я-концепции в субъективной ценностной системе.

Библиографический список

1. *Андреева Г.М.* Психология социального познания. М., 1997.
2. *Гаврилова Е.В.* К проблеме типов ценностных ориентаций // *Личность и бытие: субъектный подход: Матер. II Всерос. науч.-практ. конф.* Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2004. Кн. 1.
3. *Гаврилова Е.В.* Субъективная категоризация в межличностном познании и ценностные ориентации личности: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2003.
4. *Карандашев В.Н.* Методика Шварца для изучения ценностей личности. СПб.: Речь, 2004.
5. *Ларец острословов: Афоризмы. Парадоксы. Шутки. Эпиграммы.* М.: Политиздат, 1991.
6. *Леонтьев Д.А.* От социальных ценностей к личностным: социогенез и феноменология ценностной регуляции деятельности // *Вестник МГУ. Сер. 14. Психология.* 1996. № 4; 1997. № 1.
7. *Лузаков А.А.* Типологии личности: основания, иллюзии и перспективы // *Личность и бытие: Теория и методология: Матер. Всерос. науч.-практ. конф.* Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2003.

8. *Лузаков А.А.* Проблемы изучения категорий субъективного опыта: психосемантический подход // *Субъект, личность и психология человеческого бытия* / Под ред. В.В. Знакова, З.И. Рябикиной. М.: Изд-во «Ин-т психологии РАН», 2005.
9. *Маслоу А. Г.* Дальние пределы человеческой психики. М.: Евразия, 1997.
10. *Собчик Л.Н.* Введение в психологию индивидуальности. М.: Ин-т прикл. психологии, 2000.
11. *Фромм Э.* Человек для самого себя // *Фромм Э. Психоанализ и этика*. М.: Республика, 1993.
12. *Хорни К.* Невротическая личность нашего времени. Самоанализ. М.: Айрус, 1993.
13. *Шпрангер Э.* Основные идеальные типы индивидуальности // *Психология личности. Тексты*. М.: Изд-во МГУ, 1982.
14. *Rockeach M.* The nature of human values. N.Y.: Free Press, 1973.
15. *Schwartz S.N., Bilsky W.* Toward a psychological structure of human values // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1987. Vol. 53.
16. *Schwartz S.H.* Are there universal aspects in the structure and contents of human values // *Journal of Social Issues*. 1994. № 50.

КОМПЕТЕНТНОСТЬ КАК СОВОКУПНОСТЬ СПОСОБНОСТЕЙ РЕШАТЬ ЗАДАЧИ

.....

С. Д. Некрасов

В конце XX в. в России и европейских странах начато решение задач повышения качества образования на основе компетентностного подхода к результату образования. В принятой стратегии модернизации содержания общего образования в России компетентность рассматривается как понятие более широкое, чем знания – умения – навыки, которое включает их в себя, но не сводится к их простой сумме. Подчеркнуто, что понятие «компетентность» включает когнитивную, операционно-техническую, мотивационную, этическую, социальную и поведенческую составляющие. Таким образом, требования времени актуализировали необходимость определения понятия «компетентность» в психологии.

Употребление термина «компетентность»

В обыденной речи можно часто встретить словосочетания с прилагательным «компетентный»: компетентный специалист, компетентные органы власти, компетентная помощь и т.п. То есть компетентными называют отдельного человека, группу лиц, а также различные действия.

Исследователи (Е.Д. Божович, А.Р. Мамбетова, Н. Хомский) констатируют, что появление этого понятия в науке вызвано потребностями языкознания и практики обучения языку, а также общению. Как следствие, термин «компетентность» нашел свое место в социальных науках [13]. Например, культурная компетентность как обретенная система ценностей национальной культуры, социальная компетентность как обретенная причастность к обществу, рефлексивная компетентность как способность понимать себя, эстетическая компетентность как способность понимать красоту, экологическая компетентность

---

* Некрасов Сергей Дмитриевич — канд. психол. наук, доцент кафедры психологии личности и общей психологии Кубанского государственного университета. Электронная почта: nekrasov@manag.kubsu.ru.

как обретенная система представлений о взаимодействии с окружающей средой и др.

Есть работы, где компетентность употребляется как синоним квалификации. Считаем, что использование терминов «компетентность» и «квалификация» как синонимов не удачно. Смысл термина «квалификация» – в социальной внешней оценке результата подготовки специалиста, причем этот смысл закреплен нормативно в профессиональных сферах. Компетентность же является компонентом внутреннего мира личности человека, частью его субъектности, следовательно, термин «квалификация» отражает социальный аспект понятия «компетентность», больше формальное проявление компетентности, чем ее сущность.

В психологии термин «компетентность» чаще всего используют в исследованиях особенностей мышления, интеллекта и обретения способностей.

Под компетентностью А. де Грот, В.Г. Чейз и Ч.А. Саймон понимают личностные базы знаний индивидов, которые различаются по содержанию и структуре [16]. Компетентным лицом Д. Вейлланд называет человека, который знает, «как эффективно сделать то, что он хочет и должен сделать как носитель определенной профессии» и может объединить знания и навыки для решения конкретной проблемы [2]. По мнению Е.А. Григоренко, Б. Зева, Д. Смита, Р. Стернберга, М. Феррари, Э. Эриксона, компетентные специалисты, анализируя условие задачи и затем продвигаясь вперед от формулировки к решению, способны распознавать глубинную структуру проблемы, способны видеть перспективу ее решения. Некомпетентные новички чаще всего идут от обратного, с большей вероятностью начинают с известного или подразумеваемого решения, а затем действуют в обратном направлении, размышляя, можно ли решить задачу, исходя из ее условия и учитывая уже пройденные ими моменты [16, с. 14–15]. Таким образом, под компетентностью авторы понимают способности решения задач, которые различаются в подходах к решению – от общего к частному или от частного к общему.

В психологии общения социально-психологическая компетентность определяется как способность индивида эффективно взаимодействовать с окружающими его людьми в системе межличностных отношений. Социально-психологическая компетентность предполагает умение ориентироваться в социальных ситуациях, правильно определять личностные особенности и эмоциональные состояния других людей, выбирать адекватные способы обращения с ними и реализовывать эти способы в процессе взаимодействия. Особую роль здесь играет способность поставить себя на место другого.

Коммуникативная компетентность рассматривается как свойство субъективного мира человека, состоящее из способности прогнозировать предстоящую ситуацию общения, программировать процесс общения, опираясь на своеобразие коммуникативной ситуации, осуществлять социально-психологическое

управление процессами общения в коммуникативной ситуации [20]. Таким образом, коммуникативная компетентность – это способность индивида эффективно прогнозировать, программировать, осуществлять взаимодействие.

Н.В. Кузьмина под компетентностью понимает «свойство личности» [9, с. 90]. А.К. Маркова трактует профессиональную компетентность педагога как «сочетание психических качеств, как психическое состояние, позволяющее действовать самостоятельно и ответственно, как обладание человеком способностью и умением выполнять определенные трудовые функции» [14, с. 31]. В.И. Тузлукова дает следующее определение компетентности: «Психолого-педагогическая компетентность – максимально адекватная, пропорциональная совокупность профессиональных, коммуникативных, личностных свойств учителя, позволяющая достигать качественных результатов в процессе обучения и воспитания учащихся» [23]. То есть, по Кузьминой, Марковой, Тузлуковой, компетентность – это свойство личности, позволяющее человеку действовать самостоятельно и ответственно.

Согласно С.В. Макарову, «акмеологическая компетентность – это системно-структурное многоуровневое интегральное личностно-деятельностное образование, которое опосредует постановку и эффективное решение задач и проблем разного уровня сложности в области самоактуализации, самосовершенствования и самореализации человека в различных сферах жизнедеятельности» [12, с. 3]. Э. Шейн, В.Э. Винокурова, В.А. Чикер профессиональную компетентность рассматривают как ориентацию, которая связана с наличием способностей и талантов в определенной области. По А.В. Хуторскому, компетентность – это свойство субъектности личности, которое позволяет человеку успешно выполнять ту или иную деятельность [25, с. 139]. Итак, компетентность определяется как компонент личности, от которого зависит постановка и эффективное решение задач, содержащий способности и таланты в определенной области деятельности.

Исследователь типов мотивации Джон Равен субъектную часть мотивации разделяет на два вида: ценности и компетентности [18, с. 297]. Компетентность и эффективность ученый рассматривает как синонимы, предназначенные для описания конкретных поведенческих тенденций.

По определению А.А. Деркача, профессиональная компетентность – это «главный когнитивный компонент подсистемы профессионализма деятельности, сфера профессионального ведения, постоянно расширяющаяся система знаний, позволяющая осуществлять профессиональную деятельность с высокой продуктивностью» [4, с. 253]. По Э.Ф. Зееру, компетентный работник представляет собой специалиста, «обладающего необходимыми для качественного и производительного выполнения труда знаниями, умениями, качествами, опытом и индивидуальным стилем деятельности» [6, с. 30–31]. М.А. Дмитриева под профессиональной компетентностью понимает знания, опыт, кругозор,

позволяющие успешно решать профессиональные задачи [5]. Здесь исследователи, выделяя профессиональный аспект деятельности, определяют компетентность как личностный компонент, позволяющий осуществлять деятельность и содержащий знания, необходимые для этого.

Из теоретических попыток определить понятие «компетентность» отметим также модель персональной компетентности Гринспена и Дрискола как конструкт, обобщающий знания и навыки, вовлеченные в процесс достижения целей, решения проблем. В модели выделяются различные области компетентности. Основу каждой области составляют соответствующие способности: физиологические, коммуникативные, практические, когнитивные [16, с. 91–92].

Рассматривая различия понятий «компетенция» и «компетентность» в рамках новой парадигмы результата образования, И.А. Зимняя трактует компетентность «как основывающийся на знаниях, интеллектуально и личностно обусловленный опыт социально-профессиональной жизнедеятельности» [7, с. 34–42]. Моделируя качество подготовки специалиста, Ю.Г. Татур, дает определение: «Компетентность – качество человека, завершившего образование определенной ступени, выражающееся в готовности (способности) на его основе к успешной (продуктивной, эффективной) деятельности с учетом ее социальной значимости и социальных рисков, которые могут быть с ней связаны» [21, с. 24].

Проведенный анализ позволяет выделить основные аспекты рассмотрения понятия «компетентность» в психологии: социально-психологическая компетентность, коммуникативная компетентность, профессиональная компетентность, акмеологическая компетентность. Можно зафиксировать пять различных точек зрения авторов, которые в компетентности видят: 1) совокупность свойств человека; 2) психическое состояние; 3) систему знаний, умений, качеств, опыта и стиля деятельности; 4) системно-структурное многоуровневое интегральное личностно-деятельностное образование; 5) отношение к деятельности, ее значению и определенным специфическим задачам в совокупности со всеми знаниями и навыками, используемыми при ее осуществлении.

Обобщая сказанное, можно выделить основные составляющие понятия «компетентность»:

- это характеристика «человека знающего», который владеет структурированными знаниями, необходимыми для осуществления той или иной деятельности, решения задач и проблем;
- это характеристика «человека способного», имеющего опыт осуществления той или иной деятельности и обладающего способностью решения задач;
- это характеристика «человека знающего и способного», который владеет структурированными знаниями, имеет опыт осуществления той или иной деятельности и обладает способностью решать задачи.

Необходимо отметить, что исследователи солидарны в том, что компетентность представляет собой свойство субъектного мира человека, при этом содержательно различаются описания этого свойства. В большинстве из анализируемых смыслов употребления понятия «компетентность» присутствует категория «способность».

Исходя из этого, полагаем, что компетентность представляет собой свойство субъектного мира человека, содержащее совокупности способностей соиздательно действовать, познавать мир, эффективно общаться – это характеристика «человека, способного решать задачи». Компетентность является компонентом субъектности личности, обретаемым (а не врожденным) человеком в процессе познания, общения и деятельности. Компетентность проявляется в бытии субъекта как способности обучения, освоения систем общения, осуществления практической деятельности.

Способности как элементы компетентности

Рассмотрение компетентности как совокупности способностей ставит нас перед необходимостью определения понятия «способность». Теоретические основания психологии способностей сформулировал Б.М. Теплов, рассматривая термин **способности** «при употреблении его в практически разумном контексте» [22, с. 42]. Способности, по Теплову, – это особые свойства человека, его индивидуально-психологические особенности, позволяющие отличить одного человека от другого, имеющие отношение к успешности выполнения какой-либо деятельности, уже выработанные у данного человека, но не сводимые к знаниям, навыкам или умениям.

Согласно Теплову, в основе развития способностей лежат врожденные анатомо-физиологические особенности человека, задатки. Этот признак *способностей* уточняет С.Л. Рубинштейн, который пишет, что наследственны не сами способности, а лишь органические предпосылки их развития, задатки [19, с. 536]. А.Н. Леонтьев строго различает задатки и способности: «...способности... нетождественны задаткам. Задатки – вообще не психологическая категория. Другое дело – способности. <...> Это не сами задатки, а то, что формируется на их основе» [10, с. 46–47].

Таким образом, задатки – это природный потенциал человека, материал для развития способностей, то, из чего появляются способности. Есть задатки, значит, могут появиться способности.

Человек, по мнению А.Н. Леонтьева, наделен задатками лишь к природным, или естественным, *способностям*, которые являются общими у человека и у высших животных. Эти способности «формируются на основе врожденных задатков в ходе развития процессов деятельности, их развитие идет в силу как бы «вовлеченности» задатков в деятельность... Задатки эти как бы «безлики» по отношению к исторически возникшим видам человеческой деятельности, т. е.

они не являются специфическими для них. Развитие этих способностей происходит в процессе приобретения индивидуального опыта, который есть результат приспособления индивида к изменчивым условиям среды на основе врожденного, унаследованного им видового опыта, опыта, выражающего природу его вида, процесс этот свойственен всему животному миру» [10, с. 48–52].

Итак, встреча человека с миром вынуждает его обретать способности общаться с людьми, пользоваться языком, считаться со сложившимися в обществе нормами и логикой рассуждений, овладевать и применять орудия и инструменты, «наконец, он не остается равнодушным к творениям искусства и вступает в эстетическое отношение к ним. Он, однако, не обладает готовыми задатками к тому, чтобы, например, говорить на определенном языке или усматривать геометрические отношения» [10, с. 50–51].

По определению В.Д. Шадрикова, «способности реализуют функцию отражения и преобразования действительности в практической и идеальной формах», которые являются одними «из базовых качеств психики наряду с содержательной стороной, включающие знания об объективном мире и переживания» [26, с. 184–185]. Способности – «свойства функциональных систем, реализующих отдельные психические функции», которые «не формируются из задатков» [26, с. 184]. Таким образом, задатки являются только условием для развития способностей. По результатам исследований В.Д. Шадрикова, способности на 40–70% определяются генетическими задатками, а на 60–30% – условиями развития человека [27, с. 10].

Следовательно, человек наделен от рождения задатками к природным естественным способностям, которые принято называть общечеловеческими способностями. Условием для обретения человеком общечеловеческих способностей вместе с задатками является также формирующее воздействие ближайшего социального окружения в определенные сензитивные периоды развития человека.

Согласно различным теоретическим концепциям развития личности, общечеловеческие способности формируются в первые три–пять лет жизни.

Общечеловеческие способности есть совокупность обретенных ребенком в начале жизненного пути на основе задатков быть человеком и формирующего воздействия социального окружения простых способностей доверять окружению, познавать мир и себя, элементарных способностей действовать.

Какой термин более уместен при обсуждении процесса появления у индивида способностей? У А.Н. Леонтьева находим словосочетания «процесс усвоения способностей», «процесс приобретения способностей», «процесс овладения способностями», «процесс приобретения способности», «процесс приспособления», что свидетельствует о поиске им более точного обозначения появления способностей. Терминологические поиски он завершает, остановившись

на терминах «процесс приобретения опыта» и «процесс формирования специфически человеческих способностей». Результатами этих процессов являются способности, названные А.Н. Леонтьевым подлинными «органами его индивидуальности», внутренним достоянием личности человека [10, с. 52].

Соглашаясь с этим утверждением, считаем уместным различать процессы обретения и становления способностей согласно результатам этих процессов. Общечеловеческие способности – результат развития природных задатков, поэтому в данном случае уместно говорить о возрастном становлении врожденных способностей. Специфические способности есть результат взаимодействия человека с культурой и обществом, сознательного приобретения опыта бытия, поэтому в данном случае речь должна идти об обретении способностей решать задачи.

Таким образом, способности становятся органами субъектности человека, результатом сознательного приобретения опыта или внешних воздействий формирования способностей.

Итак, врожденные задатки и сформированные общечеловеческие способности служат предпосылками обретения специфических человеческих способностей, предназначенных для бытия человека в мире. Но при этом способности не являются простой суммой задатков и предспособностей. Приобретая новую способность, человек не утрачивает ранее обретенные способности, а при возможности их улучшает.

Для того чтобы отличать сформированные общечеловеческие способности от обретенных специфических способностей будем первые называть предспособностями, а вторые – просто способностями.

По Б.М. Теплову, «способность существует только в движении, только в развитии. В психологическом плане нельзя говорить о способности, как она существует *до начала* своего развития, так же как нельзя говорить о способности, достигшей своего развития, так же как нельзя говорить о способности, достигшей своего *полного* развития, закончившей свое развитие. Признав, что способность существует только в развитии, мы не должны упускать из виду, что развитие это осуществляется не иначе, как в процессе той или иной практической и теоретической деятельности. А отсюда следует, что способность не может возникнуть вне соответствующей конкретной деятельности» [22, с. 43–44]. Р. Кеттелл способности понимал как черты, связанные с умениями человека и эффективностью в достижении желаемой цели. По С.А. Рубинштейну, способности, с одной стороны, вырабатываются «лишь в процессе определенным образом организованной деятельности» [19, с. 537], а с другой – выступают как «особенность личности, которая определяет ее пригодность к деятельности» [19, с. 538]. Говоря об особенностях формирования способностей, А.Н. Леонтьев уточняет, что способности «развиваются онтогенетически, в самой деятельности и, следовательно, в зависимости от внешних условий» [10,

с. 47]. Согласимся с этим утверждением лишь наполовину. Действительно, обретение способностей зависит от внешних условий, но только до определенного момента развития. Наступает время, когда обретение новых способностей начинает зависеть от уже обретенных способностей, которые стали элементами компетентности. Процесс обретения и улучшения отдельной способности имеет открытые (без фиксированных границ) временные промежутки своего развития.

Заметим, что Б.М. Теплов употребляет рассматриваемое понятие как в единственном, так и во множественном числе: способность и способности. По утверждению С.А. Рубинштейна, «в результате индивидуального жизненного пути у человека формируется – на основе задатков – *индивидуально своеобразный склад способностей*» [19, с. 549]. А.Н. Леонтьев говорит о способностях во множественном числе, как об *ансамбле* свойств индивида [10, с. 47].

Итак, *в компетентности есть* отдельные способности, совокупность отдельных *способностей*, системы способностей.

Выделим еще один аспект понятия способности. С.А. Рубинштейн пишет, что способность, будучи элементом компетентности, «сохраняется за личностью как потенция и в тот момент, когда она не действует» [19, с. 538]. Когда способность действует, то становится *актуальной способностью* к определенной деятельности, но «ни одна способность не является *актуальной способностью* к определенной деятельности, пока она не вобрала в себя, не инкорпорировала систему соответствующих операций, но способность никак не сводится только к такой системе операций. Ее необходимым исходным компонентом являются процессы генерализации отношений, которые образуют внутренние условия эффективного освоения операций. Актуальная способность необходимо включает оба этих компонента» [19, с. 548]. Французский психолог Л. Сэв называет *способности* совокупностью «актуальных потенциальностей», как врожденных, так и обретенных, которые дают возможность совершить любой акт на любом уровне, где акт – поступок индивида, существенный элемент биографии человека.

Таким образом, способности могут проявляться или не проявляться, т. е. быть потенциальными и актуальными. Потенциальная способность становится актуальной, когда человек, принявший решение взяться за задачу, осуществляет необходимые для этого операции.

Сформулируем следующий признак понятия «способность»: каждый человек обретает на жизненном пути уникальную монотонно развивающуюся совокупность потенциальных и актуальных способностей, которую мы назвали *компетентностью*. Отличительная особенность компетентности – ее проявление в результатах познания, общения и деятельности человека. Причем уникальность компетентности состоит в том, что в нее входят *отдельные способности, совокупности способностей, системы способностей*.

Субъектный подход к понятию «задача»

В основе методов, с помощью которых исследователи узнают что-то новое о человеческой психике, лежат научные представления о «единицах психики». Для исследования способностей выберем в качестве единицы анализа субъектности личности понятие «задача». Основание для этого находим в утверждениях таких известных исследователей, как У. Джеймс, В.Н. Дружинин, С.Л. Рубинштейн, Ю.К. Стрелков, М.А. Холодная.

Решение задач является характеристикой мышления человека, что позволяет рассматривать задачу как психологическое понятие. По определению Рубинштейна, «соотношение цели с условиями определяет задачу, которая должна быть разрешена действием» [19, с. 443]. Согласно Леонтьеву, «задача – это и есть цель, данная в определенных условиях» [10, с. 107]. С точки зрения А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского, «задача – данная в определенных условиях цель деятельности, которая должна быть достигнута преобразованием этих условий согласно определенной процедуре. Задача включает в себя требования (цель), условие (известное) и искомое (неизвестное), формулирующееся в вопросе» [17, с. 119].

Дифференцируем смысл понятия «задача» на осознание личностью сущности задачи и своего личностного отношения к ее решению: субъектность задачи и общий характер задачи.

Общий характер заключается в том, что каждая задача имеет инвариантную логическую структуру: задание – условие для выполнения задания – искомый результат; задание объективно и формулируется для человека в директивной форме (найти, описать, сравнить, объяснить, получить искомый результат); условия для выполнения задания объективны.

Субъектность задачи: потребность в результате решения задачи; личное отношение к условиям задачи; моделирование результата решения задачи; отношение к директивному характеру задания, которое в случае позитивного отношения и потребности становится целью решить задачу.

Общий характер и субъектность решения задачи имеют инвариантную логику, а также отличия. То есть *проявления этапов решения задачи имеют в мышлении человека не только подобную логику, но и своеобразие.*

Почему человек принимает цель решить задачу? Каков механизм появления целей решения задачи? Что детерминирует в субъектности личности человека принятие цели решить задачу? В каких случаях особенности бытия личности побуждают человека обязательно приступить к решению задачи?

В различных теориях личности постулируется, что субъектным регулятором принятия цели решить какую-либо задачу является потребность. Потребность в чем-то объективном для личности, заложенная в ид индивида, согласно Фрейдю, выражается в бессознательном его влечении к этому объекту.

По Рубинштейну, испытываемая человеком нужда в чем-то, лежащем вне его, определяет связь человека с окружающим миром и его зависимость от него. «Объективная нужда, отражаясь в психике человека, испытывается им как потребность» [19, с. 518]. Потребности как «исходные побуждения к деятельности» [19, с. 166] являются субъектными регуляторами принятия цели решить задачу. Для классификации потребностей обратимся к концепциям А. Маслоу и Д.Н. Узнадзе.

В соответствии с концепцией самоактуализации А. Маслоу человеку присущи две основные группы потребностей: общечеловеческие «дефицитарные» потребности (физиологические, в безопасности, сопричастности, в любви и уважении), которые могут быть удовлетворены только извне, с помощью других людей; и особенные субъектные самоактуализационные потребности (в самостоятельности, самопознании, самодостаточности, неповторимости), которые определяются относительной независимостью от внешнего мира, психологической свободой, достижением собственного призвания [15, с. 59–61].

По Маслоу, при удовлетворении «дефицитарных» потребностей, человек – «это зависимая переменная; окружение – это жесткая, независимая переменная». При удовлетворении же субъектных самоактуализационных потребностей человек подчиняется прежде всего субъектным детерминантам, законам собственной внутренней природы, потенциальным способностям, творческим импульсам, стремлению к реализации своего потенциала, аутентичности собственного бытия.

Исходя из этого, можно выделить два вида регуляторов актуализации задания решить задачу в цель получить искомый результат: общечеловеческие «дефицитарные» потребности и субъектные самоактуализационные потребности. Причем самоактуализационные потребности появляются после удовлетворения «дефицитарных» потребностей.

Д.Н. Узнадзе предлагает различать два основных рода потребностей: субстанциональные и функциональные [24, с. 43]. Для удовлетворения субстанциональных потребностей необходимо что-нибудь сущее, объективное, реальное, например, «состояние голода представляет собой пример определенной субстанциональной потребности: для того чтобы утолить голод, необходимо иметь, например, хлеб» [24, с. 44]. Функциональные потребности удовлетворяют естественное состояние постоянной подвижности живого организма, стремление к тому или иному виду активности. «В зависимости от условий, в которых приходится жить организму в каждый данный момент, у него появляются потребности к деятельности и функционированию в том или ином направлении. Этого рода потребности мы и называем функциональными потребностями» [24, с. 44]. Следовательно, субстанциональные – потребности в сущем, а функциональные – потребности в деятельности.

Интерес представляет разработанная Д.Н. Узнадзе модель потребностей, которые появляются у человека «по мере развития условий его социальной, его культурной жизни». Такими являются, например, теоретические потребности. «Если мы вдумаемся в понятие теоретической потребности, мы найдем, что речь идет о случаях, в которых субъект, стоящий перед теоретическим разрешением задачи, останавливается, прекращает соответствующие манипуляции, к которым он прибегает в процессе работы над задачей, и обращает ее, эту задачу, в специальный объект своего размышления» [24, с. 45].

Теоретические потребности возникают в помощь субстанциональным потребностям. Однако «потребности теоретического характера могут иметь место и в случаях удовлетворения функциональных потребностей, но от этого сами они далеко еще не становятся потребностями функционального содержания» [24, с. 47]. Итак, теоретические потребности есть следствие двух основных видов потребностей.

На наш взгляд, субстанциональные и функциональные потребности по Узнадзе представляют собой классификацию общечеловеческих «дефицитарных» потребностей по Маслоу. А теоретические потребности – одна из причин самоактуализационных потребностей.

Самоактуализационные потребности решения задачи – следствие теоретических потребностей, которые являются следствием субстанциональных и функциональных потребностей.

Таким образом, в момент встречи человека с задачей теоретические или самоактуализационные потребности побуждают человека к «ревизии» своей обретенной к этому времени компетентности. Но и обретенная компетентность также может быть причиной появления теоретической потребности, т. е. возможны два варианта.

Первый вариант. Человек, столкнувшись с задачей, осознает свою компетентность, позволяющую решить эту задачу. Тогда, исходя из потребности в результате ее решения, человек принимает решение взяться за задачу.

Второй вариант. Человек, столкнувшись с задачей, осознает свою некомпетентность, так как не обладает какими-либо способностями для ее решения. Тогда, учитывая потребность в результате ее решения, человек должен преодолеть собственную некомпетентность, а только затем решить задачу.

Что влияет на принятие решения о преодолении собственной некомпетентности? Как пишет В.В. Знаков, «смысловой анализ и понимание ситуации зависит от личностного и субъективного значения, которое она имеет для человека» [8, с. 98]. Таким образом, можно предположить, что принятие решения определяют, с одной стороны, самоактуализационные потребности, потребности самостоятельно справиться с трудностями, потребности в обретении новых способностей решать задачи, а с другой стороны, обретенная компетент-

ность решенных ранее задач и самооценка (как позитивных, так и негативных) переживаний успеха или неуспеха при их решении.

Таким образом, обретенная компетентность вместе с теоретическими или самоактуализационными потребностями входит в состав субъектных регуляторов принятия цели решить задачу, актуализирует объективное задание решить задачу в субъектную цель получить искомый результат.

Основываясь на положении Б.Ф. Ломова о трех функциях психики: коммуникативной, регуляторной и когнитивной [11], предложении В.Н. Дружинина отдельно рассматривать коммуникативные, регуляторные и когнитивные способности, утверждении А.В. Брушлинского, что «важнейшее из всех качеств человека – быть субъектом, т. е. творцом своей истории, вершителем своего жизненного пути» [1, с. 30], в качестве основания классификации различных задач выберем общие формы проявления активности человека, к которым относятся познание, общение и практическая деятельность. То есть будем говорить о трех типах задач: когнитивных, коммуникативных, созидательных.

Заключение

Компетентность состоит из совокупностей способностей решать задачи и проблемы, обретаемых в процессе обучения, практических действий в окружающем мире, осуществления общения. Можно выделить два вида совокупностей способностей – общие и профессиональные, а также три вида задач – коммуникативные, созидательные и когнитивные.

Совокупность общих способностей решения коммуникативных задач состоит из способностей ориентироваться в социальных ситуациях и способностей выбирать и реализовывать адекватные способы общения с другими. Совокупность общих способностей решения созидательных задач состоит из способностей производить, делать что-либо в бытовых ситуациях и осуществлять оценку результатов творения. Совокупность общих способностей решения когнитивных задач включает способности моделирования образов реальности, обретения интеллектуального багажа личности, познания мира и самопознания.

Совокупность профессиональных способностей решения коммуникативных задач составляют способности ориентироваться в профессиональных ситуациях и способности выбирать и реализовывать адекватные способы общения в профессиональных коллективах. Совокупность профессиональных способностей решения созидательных задач состоит из способностей выполнять функциональные обязанности, различные задания в профессиональных ситуациях и осуществлять оценку результатов выполнения профессиональных задач. Совокупность профессиональных способностей решения когнитивных задач включает способности использования обретенной компетентности для понимания конкретных профессиональных заданий, нахождения способов их

решения, контроля процесса и результатов выполнения заданий, решения проблем в новых профессиональных ситуациях.

Библиографический список

1. *Брушлинский А.В.* Психология субъекта: некоторые итоги и перспективы // Известия Российской академии образования. М.: Магистр, 1999.
2. *Вейлланд Д.* «Компетентностный подход» в правовом образовании // Проблемы правового образования в контексте модернизации общего образования: Матер. Всерос. науч.-практ. конф. М., 2002.
3. *Гарифуллин Р.Р.* Мир психологии // psychology.net.ru.
4. *Деркач А.А.* Акмеологические основы развития профессионала. М.: МПСИ; Воронеж, 2003.
5. *Дмитриева М.А.* Исследование представлений субъектов труда о необходимых для деятельности свойствах личности // Практикум по инженерной психологии и психологии труда / Под ред. А.А. Крылова. Л., 1983.
6. *Зеер Э.Ф.* Психология профессий. М.; Екатеринбург: Академ. проект; Деловая книга, 2003.
7. *Зимняя И.А.* Ключевые компетенции – новая парадигма образования // Высшее образование сегодня. 2003. № 5.
8. *Знаков В.В.* Понимание как проблема психологии человеческого бытия // Психологический журнал. 2000. № 2.
9. *Кузьмина Н.В.* Профессионализм личности преподавателя и мастера производственного обучения. М.: Высшая школа, 1990.
10. *Леонтьев А.Н.* О формировании способностей // Хрестоматия по возрастной психологии / Сост. А.М. Семенюк; Под ред. Д.И. Фельдштейна. М.: Междунар. пед. академия, 1975.
11. *Ломов Б.Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984.
12. *Макаров С.В.* Акмеологические задачи и задания как средство формирования акмеологической компетентности кадров управления. М., 2002.
13. *Мамбетова А.Р.* О возможностях повышения компетентности преподавателя на основе современных информационных технологий // Формирование профессиональной компетентности как цель модернизации образования: Матер. Всерос. науч.-практ. конф. Бузулук; Оренбург, 2005.
14. *Маркова А.К.* Психология профессионализма. М.: Знание, 1996.
15. *Маслоу А.* Психология бытия. М.: Рефл-бук; Киев: Ваклер, 1997.
16. *Практический интеллект* / Р.Дж. Стренберг, Дж.Б. Форсайт, Дж. Хедланд и др. СПб.: Питер, 2002.
17. *Психология: Словарь* / Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. М.: Политиздат, 1990.
18. *Равен Дж.* Компетентность в современном обществе: выявление, развитие и реализация / Пер. с англ. В.И. Белопольского. М.: Когито-центр, 2002.
19. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. СПб.: Питер, 1999.

20. Руденский Е.В. Социальная психология: Курс лекций. М.: ИНФРА-М; Новосибирск: ИГАЭиУ, 1997.
21. Татур Ю.Г. Компетентность в структуре модели качества подготовки специалиста // Высшее образование сегодня. 2004. № 3.
22. Теплов Б.М. Способности и одаренность // Хрестоматия по возрастной психологии / Сост. А.М. Семенюк. Под ред. Д.И. Фельдштейна. М.: Междунар. пед. академия, 1994.
23. Тузлукова В.И. Научно-педагогический глоссарий Психолого-педагогическая компетентность // <http://rspu.edu.ru/li/journal/lexicography/glossary.htm>.
24. Узнадзе Д.Н. Психология установки. СПб.: Питер, 2001.
25. Хуторской А.В. Ключевые компетенции как компонент личностно-ориентированной парадигмы образования // Ученик в обновляющейся школе: Сб. М.: ИОСО РАО, 2002.
26. Шадриков В.Д. Психология деятельности и способности человека. М.: Логос, 1996.
27. Шадриков В.Д. Индивидуализация содержания образования // Школьные технологии. 2000. № 3.

ГЕНДЕРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ПОИСК, ДОСТИЖЕНИЕ И САМОРЕАЛИЗАЦИЯ ЛИЧНОСТИ ИЛИ ОЧЕНЬ ЛИЧНОЕ О ГЕНДЕРНОЙ ПСИХОЛОГИИ

.....

Л. Н. Ожигова

В то время я гостила на земле.
Мне дали имя при крещеньи – Анна...
А. Ахматова

Жизнь каждого человека имеет начало и конец, причем как рождение, так и смерть человека могут быть и радостными, и драматичными. Но самое интересное – в середине – это сама жизнь! Вся жизнь человека – это большое потрясающее «реалити шоу», где есть определенные правила, возможности и ограничения, другие игроки и зрители, но ответственность за собственную жизнь лежит в основном на тебе. Человек ищет себя, достигает поставленных целей, изменяет себя и стремится реализовать мечты, способности, качества.

В момент рождения ты получаешь минимальный комплект правил – социальных маркеров, которые и определяют во многом твою роль в большой игре под названием «жизнь». Это приписанный тебе социальный пол (мужчина или женщина), социальный статус (ребенок), гражданство (национальность), имя и т.д. А вот, что ты будешь делать с этими правилами? Как ими распорядишься? Найдешь свое истинное Я или будешь гостем в этой жизни? Все это будет понятно тебе, может быть, только в конце...

Возьму на себя смелость заявить, что, по сути, психология как наука занимается поиском ответов на вопросы о том, как же в человеке взаимодействуют заданные (биологические, социальные и пр.) и индивидуальные качества (его мотивы, смыслы и т.д.). Как человеку удастся выжить и реализовать себя в ситуации почти вечных внутренних и внешних противоречий? В чем смысл чело-

---

* Ожигова Людмила Николаевна — канд. психол. наук, доцент кафедры психологии личности и общей психологии Кубанского государственного университета. Электронная почта: ojigova@lenta.ru.

веческой жизни, каков он для каждого человека в отдельности? И, пожалуй, на многие вопросы уже есть ответы. Мне важны и интересны именно те ответы, которые связаны с проблемой самореализации личности в зависимости от ее гендерной идентичности.

Как говорится в известной русской пословице, «У кого что болит, тот о том и говорит». Да и феминистские исследования середины XX в. доказали, что в гуманитарных науках ученый не может быть абсолютно объективен. Он заметно или незаметно для себя влияет на сбор и интерпретацию полученных результатов. Поэтому лучше сразу определять границы своей субъективности или даже некоторой пристрастности.

Субъективность отражается в тех темах и исследованиях, которые я осуществляю. Все они лежат в области гендерных исследований, активно развивающихся в зарубежной и отечественной науке в последние 30–20 лет.

Гендерные исследования в настоящий момент представляют собой широкое научное поле, в котором предмет, методы и стратегии исследования носят междисциплинарный характер. Междисциплинарность выступает как важнейший методологический принцип всякого гендерного исследования. Именно благодаря междисциплинарности существенно расширяется поле научного знания и исследовательские стратегии

Центральное понятие этой области научного знания «гендер» уже по своему определению принадлежит одновременно нескольким научным дисциплинам: философии, социологии, психологии и т.д. По словам О.А. Ворониной, в современных гендерных исследованиях гендер понимается то, как социально-психологическая категория, то как набор отношений или идеологический конструкт, то как метафора в философских и постмодернистских концепциях [2].

Во всех случаях понимания и использования гендера, отмечают Е. Здравомыслова и А. Темкина, можно выделить следующие характеристики: биологический пол; поло-ролевые (или гендерные) стереотипы и нормы, гендерную идентичность [5].

Гендер понимается не просто как социальный пол личности, а как система межличностного взаимодействия, посредством которой создается, утверждается, подтверждается и воспроизводится представление о мужском и женском как базовых категориях социального, исторического, культурного порядка. Задачей исследователя тогда становится необходимость выяснения того, каким образом создается «мужское» и «женское» во взаимодействии. В каких сферах и каким образом оно поддерживается и воспроизводится.

Анализ социального воспроизводства пола, осуществленный в рамках феминистских исследований (Д. Гримшоу, Дж. Митчелл, С. Файерстоун, Б. Фриден и др.), показал, что гендерные отношения представляют собой отношения стратификации. В результате ряд социально-психологических исследований

вышел на политическую арену, стимулировав различные политические движения: борьбу женщин, афроамериканцев и сторонников различных сексуальных практик за равные права или за привилегии. То есть осмысление термина гендер и оформление гендерного подхода как научного направления шло в «связке» с социально-политическим осмыслением данного феномена в рамках феминистского движения. Это в какой-то степени объясняет «скандальную» репутацию термина в академической науке.

Однако творческое многоголосье исследователей «истории женщины» в последние несколько лет демонстрирует усиленное взаимодействие *women's studies* с разными науками и научными школами, которые рассматривают философию, социологию и психологию пола.

С одной стороны, идет активный процесс «обособления» гендерных исследований в отдельную область научного знания или некую научную дисциплину, с другой – активное включение понятия «гендер», феминистской и гендерной теории в научное пространство и исследовательскую практику других наук: психологии, педагогики, лингвистики и т.д.

Гендерный подход к изучению психологической реальности – состояний и отношений человека с миром – в настоящий момент широко представлен в исследовательской практике. Так, гендерные исследования в российской психологии в настоящий момент все больше оформляются в самостоятельный раздел (отрасль) психологического знания. Гендерной психологией пройдены все этапы понимания пола и гендера: от биолого-эволюционного (психоанализ), через теории социальных ролей (М. Мид, Т. Парсонс, Д. Морено и др.) до современной теории гендерной идентичности (М. Фуко, И. Гоффман, Дж. Батлер). Сформулировано и институционализировано (изданы учебники, пособия, читаются учебные дисциплины в вузах и колледжах) определение гендерной психологии как отрасли психологической науки, изучающей «закономерности формирования и развития характеристик личности как представителя определенного пола, обусловленные половой дифференциацией, стратификацией и иерархизацией» [21].

Определены и ведутся конкретные прикладные исследования в области психологической поддержки личности в различных направлениях: гендерные различия и характеристики личности, гендерная социализация, гендерные отношения и др. [6; 22; 23]

То есть можно говорить о том, что гендерная психология, сохраняя свою междисциплинарную позицию по отношению к другим наукам, все больше интегрируется с общепсихологическим знанием и перестает быть «скандальным» и эпатазирующим направлением в психологической науке. Об этом свидетельствуют, с одной стороны, авторитетные имена исследователей, занимающихся вопросами гендера (В.В. Знаков, И.С. Кон, В.А. Лабунская и др.), а с другой – фундаментальность, академизм и глубина рассматриваемых вопросов. От про-

стого описания гендерных различий и сетований по поводу неравенства в гендерной социализации гендерная психология перешла к системному анализу механизмов и закономерностей индивидуальных и коллективных жизненных путей (циклов, стратегий) людей с различной гендерной идентичностью.

Растет число прикладных психологических исследований и учебников, использующих понятия «гендер», «гендерная идентичность», «гендерные отношения» как центральный конструкт исследования. Теоретический анализ особенностей использования понятия «гендер» в психологических исследованиях позволяет сделать вывод о том, что в последние 3–4 года чаще всего является центральным понятие «гендерная идентичность». Можно сформулировать некоторые положения о том, что же следует понимать под гендерной идентичностью и условиями ее формирования [11; 16].

Гендерная идентичность понимается как аспект самосознания, описывающий переживание человеком себя как представителя определенного пола. Гендерная идентичность, будучи одной из базовых характеристик личности, формируется в результате психологической интериоризации мужских или женских черт, в процессе взаимодействия Я и других, в ходе социализации.

Развитие психических качеств, способов поведения не имеет жестких биологических предписаний. Осознание собственной половой принадлежности и становление гендерной идентичности человека – одно из направлений его социализации.

Процесс гендерной социализации определяется и направляется с помощью различных социальных и культурных механизмов определения гендерных ролей. В широком смысле понятие роли означает способ поведения людей в системе межличностных отношений, зависящий от их позиции в обществе и отвечающий принятым в данном обществе нормам, предписаниям и ожиданиям. Под гендерной ролью понимают систему социальных стандартов, предписаний, стереотипов, которым человек должен соответствовать, чтобы его признавали как мальчика (мужчину) или девочку (женщину).

Гендерная роль как осваиваемая внешняя данность должна быть органично встроена в структуру личности. И.И. Серегина пишет, что главной «субъективной характеристикой социального статуса с позиций гендерного подхода являются социальные ожидания самого себя и других, связанные с гендерными стереотипами – стандартизованными представлениями о моделях поведения и чертах характера, соответствующих понятиям „мужское“ и „женское“» [28].

Центральной темой (предметом) гендерного исследования в психологии является рассмотрение гендерной идентичности: того, как она конструируется, воспроизводится, влияет на отношения на всех уровнях (индивидуальном, межличностном и макросоциальном).

Конечно, я перечислила не полный перечень базовых теоретических позиций гендерного исследования в психологии. Однако эти положения служат достаточно четкой основой, методологическим минимумом, которым я руководствуюсь в своих работах и который любой начинающий исследователь в данной области может использовать, планируя свою работу.

Вас интересуют новые, острые или даже маргинальные темы в психологии? Вы стремитесь сказать свое слово в разработке новых подходов в теории и практике современной психологии? Вы готовы брать на себя ответственность за результаты своих научных экспериментов? Тогда у вас есть возможность найти все это в гендерной психологии.

Я не случайно дважды в статье упоминаю такое понятие, как ответственность. Ведь субъективность и пространность являются определенной нормой в гендерных исследованиях. Доставшиеся в наследство от феминисткой методологии, они требуют от исследователя ответственности, а значит, личностной и профессиональной открытости, искренности, решительности, корректности в своей работе и умения признавать свои ошибки.

Как и всякий путь в науке, путь исследователя, изучающего гендерные проблемы, тернист. Но, говоря словами Дона Хуана (героя Карлоса Кастанеды), это путь, у которого есть сердце! Этот путь делает путешествие по нему радостным: сколько ни странствуй, ты и твой путь нераздельны. Но ты всегда должен помнить, что путь – это только путь. Если ты чувствуешь, что он не по тебе, то должен оставить его.

Для меня гендерные исследования – это тот путь, у которого есть сердце и который дает силы. Здесь ответы на вопросы ставят новые вопросы, а полученные результаты и практика психологического консультирования показывают высокую востребованность этого направления в жизни людей.

В традиционном обществе жить проще и понятнее – все определено и предопределено. В нем, как утверждал З. Фрейд, «анатомия – это судьба». Но современный трансформирующийся мир шире простой заданной природой дуальности – мужчина/женщина. Трагедия нашего времени обозначена Симоной де Бовуар по-другому. Она считала, что нужно не просто родиться женщиной, но еще ею стать. То есть не просто определить себя как «Я – женщина», но и ответить на вопрос, какая ты женщина, затем достичь этого статуса, подтвердить его или опять меняться, чтобы выжить и реализоваться в потоке событий.

Так, я – типичная современная женщина, живущая и теряющаяся в потоке мировой глобализации, в динамике и стрессах мужской цивилизации. Вместе со своими респондентами и клиентами я нахожусь в поиске, конструировании, достижении, подтверждении и самореализации своей гендерной идентичности, переживаю различные кризисные состояния и ищу смысл своей жизни.

В поле изучения проблем гендерной идентичности меня интересуют три важнейших направления.

1. Поиск и конструирование гендерной идентичности: проблема формирования гендерной идентичности в подростковом и юношеском возрасте; влияние различных факторов и агентов гендерной социализации (семья, школа, сказки); гендерные различия в выборе жизненных и профессиональных планов [3; 4; 13; 24; 26].

Здесь существует широкое поле для дальнейших исследований, а главное, для практических разработок в области гендерного образования и психологической поддержки личности. Изменились нормативные образцы маскулинности и феминности в обществе, существует мощное межкультурное влияние на эти важнейшие составляющие культуры, а целостного представления о содержании и направленности этих изменений в психологии пока нет. То есть отсутствует и целостный, и дифференцированный (по возрастам, социальным статусам, этническим особенностям и т.д.) образ современного подростка и юноши. Пока неизвестно, по каким закономерностям осуществляется его гендерная социализация, какие факторы социализации оказывают на него важнейшее влияние и какая гендерная идентичность и личность в целом получится в результате.

2. Достижение и подтверждение гендерной идентичности: проблема ролевого конфликта личности и кризис гендерной идентичности; психологические переживания личности в процессе ее профессионализации, связанные с необходимостью подтверждать свою гендерную идентичность в профессии (проблема совмещения карьеры и семьи; стратегии подчинения профессиональной роли гендерной и т.д.); проблема эффективности личности в профессии (гендерные различия в удовлетворенности жизнью; управлении персоналом и т.д.) [8; 9; 10; 12; 14; 17; 25].

В процессе исследования этих проблем наиболее значимым для меня было изучение особенностей гендерной идентичности гетеросексуальных женщин. То есть в большей степени представлено такое направление гендерных исследований, как Women's studies. Все больше я убеждалась в том, что в современном мире, говоря словами А. Ахматовой, быть женщиной – великий шаг, да и сводить с ума, т. е. оставаться «настоящей женщиной», – геройство.

Я глубоко благодарна моим респонденткам за то, что они раскрыли мне мир женщины, которая, преодолевая ролевой конфликт, выполняя двойную нагрузку, подвергаясь правовой, психологической и сексуальной дискриминации, иногда демонстрируя жесткие маскулинные стратегии в конкурентной профессиональной борьбе, достигает своей истинной идентичности и реализации, оставаясь любимой и любящей женщиной, женой, матерью, дочерью.

Тот личный опыт и социальные практики, которые мои респондентки использовали и которым, по-сути, учили меня в ходе исследований, я пытаюсь использовать в процессе психологического консультирования, направленного на социально-психологическую поддержку гендерной идентичности личности [19; 27].

Но здесь для меня и, пожалуй, для других исследователей все только начинается. Действительно, сейчас существует много работ, раскрывающих перечисленные проблемы, причем, как правило, это тоже женские исследования или исследования различий между мужчинами и женщинами. Пока немного исследований о проблемах и особенностях личности с другими видами или типами гендерной идентичности (гомосексуальных мужчин и женщин, транссексуалов и т.д.), о кризисах гендерной идентичности на разных возрастных этапах или в соотношении с другими социальными статусами (этническая, религиозная и прочие идентичности).

В 1957 г. в СССР – стране, где на самом деле женщины не имели права голоса и совершенно по другому поводу, все та же А. Ахматова в одной из эпиграмм написала: «Могла ли Биче словно Дант творить, /Или Лаура жар любви восславить? /Я научила женщин говорить... /Но, боже, как их замолчать заставить!». Эпиграмма, на мой взгляд, наилучшим образом отражает мысли и чувства, которые я пережила, когда проанализировала то, о чем я и часть моих коллег по гендерным исследованиям (а это как правило, исследовательницы) говорят в своих работах.

В тематике гендерных исследований и гендерной психологии сейчас наступает новый, очень перспективный поворот: появляются исследования о проблемах гендерной идентичности мужчин, о стратегиях социально-психологической адаптации личности в различных культурных и экономических пространствах. Утрачивают актуальность традиционные для гендерных исследований прошлого века вопросы: есть ли гендерные различия или нет; если есть, то в чем они; кто, кого и насколько дискриминирует. Ответы на них уже есть.

Важно понять то, как же все-таки до сих пор этот мир, сотрясаемый катастрофами и глобальными кризисами, и человек в этом мире выжили; каков ресурс человека; где то центральное образование в личности, эта ось его мира, его Шамбала, которая позволяет человеку пережить буквально все и продолжать верить, любить, надеяться.

Тема самореализации личности и смысла жизни все больше интересует исследователей и психологов-практиков, работающих в области психологической поддержки личности и терапии. Это третье исследовательское направление, которое является актуальным для меня на сегодняшний день.

3. Гендерная идентичность и экзистенциальные смыслы личности: проблема гендерных различий в переживании острых экзистенциальных кризисов

личности (утрата близкого, потеря доверия, измена и т.д.); гендерная интерпретация экзистенциальных смыслов личности (смысл жизни и смерти, свобода, забота, любовь, тревога и т.д.); страх потери / приобретения маскулинности / феминности [7; 15; 18; 20].

Проблема экзистенциальных смыслов личности рассматривалась учеными различных психологических направлений. Особое осмысление она нашла в работах представителей экзистенциального подхода: С. Кьеркегора, Ж.П. Сартра, А. Камю, М. Хайдеггера, К. Ясперса, Ф. Ницше, И. Ялома, Р. Мей, Л. Бинсвангера, М. Босса, Дж. Бюдженталя и др. Экзистенциализм подробно изучает проблемы времени, жизни, смерти, свободы, ответственности, выбора, одиночества, поиска смысла существования, бессмысленности и рассматривает человека через призму этих базовых экзистенциальных характеристик.

Однако именно проблема смысла жизни и смерти – основная в экзистенциальной психологии. Понимание смысла жизни и смерти различно у представителей экзистенциализма. Но в общем смысл жизни рассматривается как нечто такое, что человек может выбирать сам, независимо от того, в чем будет этот смысл. Смерть в свою очередь рассматривается как неизбежность, которую надо принять. То есть в экзистенциализме решающим вопросом является вопрос о том, как человек относится к факту своей смерти.

Уже в рамках экзистенциализма возникают предположения о возможности сопоставления разных типов отношения к жизни и смерти, а также о возможности сопоставления женского и мужского начала с противоположными и в то же время едиными полюсами экзистенциального бытия человека.

Особое место в анализе экзистенциального существования личности занимает тема женственности или загадки женственности. Женщина то является олицетворением Мира и Природы, то Сумрака и Смерти и т.д. Опять женщина / женственность в центре внимания экзистенциалистов, мужчина / мужское опять «прозрачен», «призрачен», «ускользает». А женщина – реальная, земная, из крови и плоти, и в этом смысл ее существования.

М. Арбатова в рассказе «Аборт от нелюбимого» очень метафорично определила суть различий в существовании мужчины и женщины. Она пишет о том, что женщины повязаны с мирозданием болью и кровью, а мужчины их ищут, т. е. изобретают бессмысленные поводы для боли и крови. Но как-то не верится, что мужчины ищут именно этого! А ищут ли вообще? И о женщинах все время пишется то слишком отрешенно или, наоборот, с пафосом...

Вполне естественно, что люди начинают задумываться о смерти и жизни и хотят найти здесь свой собственный смысл. Поэтому жизнь и смерть – понятия взаимопересекающиеся, и центральным звеном здесь является человек, его индивидуальность, его «инаковое» от других понимание.

Конечно, у исследователя существует великий соблазн определить и провозгласить базовые различия и закономерности в переживаниях экзистенциальных смыслов. Но это будет уже итогом исследований, выполненных в рамках этого направления.

Сейчас пока с уверенностью можно утверждать: несмотря на то что способность осмысливать свою жизнь является родовой особенностью человека, существуют различия в переживании смысла жизни и смерти, связанные с гендерной идентичностью личности. Причем связь эта носит (как и все в личности) двусторонний характер. Как отмечает С. Братченко, за любыми частными психологическими трудностями в жизни человека лежат более глубокие (и не всегда ясно осознаваемые) экзистенциальные проблемы свободы выбора и ответственности, изолированности и взаимосвязанности с другими людьми, поиска смысла жизни [1].

Это значит, что и кризис гендерной идентичности вызывает переосмысление смысла жизни и смерти личностью. Но личность как системно организованное пространство смыслов занимает позицию над пространствами бытийности, реализует глобальную интенцию быть, т. е. поддерживать и расширять свое бытие, делать его аутентичным.

Аутентичное бытие – это процесс переструктурирования среды в соответствии со структурой личностных смыслов, а неаутентичное бытие – воспроизводство и трансляция в среду формально освоенных личностью социальных предписаний, не связанных с глубинными ядерными образованиями личности (ее смыслами). Возможность адекватной реализации своей гендерной идентичности в пространстве своего бытия, во всех сферах своей внешней жизни позволяет личности пережить чувство осмысленности и удовлетворенности, делает бытие человека аутентичным.

Именно исследования индивидуальных проявлений аутентичности личности, достигающей собственной гендерной идентичности, имеют, на мой взгляд, большие научные и практические перспективы.

Наверное, вы согласитесь со мной в том, что быть гостем на этой Земле приятно. Не хочется быть незванным гостем. А может быть, важнее просто *быть*?!

Библиографический список

1. *Братченко С.* Экзистенциально-гуманистический подход в психологии и психотерапии // Психологическая газета. 1997. № 1 (16).
2. *Воронина О.А.* Введение в гендерные исследования // Материалы I Российской летней школы по женским и гендерным исследованиям «Валдай-96». М., 1997.
3. *Дзюба М.В., Жданова В.В., Ожигова Л.Н.* Семья в рисунках детей // Человек. Сообщество. Управление. 1999. № 1.

4. *Заев С.В., Ожигова А.Н.* Гендерная идентичность, гендерная социализация и сказочные образы // *Личность и бытие: Матер. Всерос. науч.-практ. конф.* / Под ред. З.И. Рябикиной, В.В. Знакова. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2003.
5. *Здравомыслова Е., Темкина А.* Социальное конструирование гендера как феминистская теория // *Социологический журнал.* 2000. № 11.
6. *Ильин Е.П.* Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины. СПб.: Питер, 2002.
7. *Иноземцева С.В., Ожигова А.Н.* Гендерная идентичность и особенности переживания смысла жизни и смерти // *Гендерные аспекты бытия личности: Матер. Всерос. науч.-практ. семинара.* Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2004.
8. *Ожигова А.Н.* Профессиональное самоопределение женщины в контексте проблем гендерных отношений // *Психологические проблемы самореализации личности: Сб. науч. тр.* Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 1998. Вып. 3.
9. *Ожигова А.Н.* Профессиональное образование и гендерный статус личности // *Содержание социально-гуманитарного образования в меняющемся мире: междисциплинарный подход: Матер. Южно-Рос. науч.-метод. конф.* Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2000.
10. *Ожигова А.Н.* Гендерная интерпретация профессиональных стратегий женщин-педагогов // *Основные направления развития региональной социально-психологической поддержки населения: Матер. XIII регион. науч.-практ. конф.* Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2000.
11. *Ожигова А.Н.* Гендерный подход в социально-психологических исследованиях // *Проблемы самореализации мужчины и женщины в современном российском обществе: Тез. докл. науч.-практ. конф.* Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2001.
12. *Ожигова А.Н., Шаруда Н.Н.* Профессиональная дискриминация по полу // *Проблемы самореализации мужчины и женщины в современном российском обществе: Тез. докл. науч.-практ. конф.* Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2001.
13. *Ожигова А.Н.* Гендер и карьера как две составляющие жизненной перспективы молодой личности // *Гендер и молодежь: проблемы карьеры и управления персоналом: Матер. регион. науч.-практ. конф.* Краснодар: ООО «Крайбибколлектор», 2002.
14. *Ожигова А.Н.* Гендер и безопасное общение в бизнесе: проблема доверия // *Психология общения – 2003: социокультурный анализ: Матер. Междунар. конф.* Ростов н/Д: РГУ, 2003.
15. *Ожигова А.Н.* Гендерная идентичность и бытие личности: мужчина и женщина в мире патриархатных ценностей // *Личность и бытие: Матер. Всерос. науч.-практ. конф.* / Под ред. З.И. Рябикиной, В.В. Знакова. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2003.
16. *Ожигова А.Н.* Гендерная идентичность как предмет исследования в психологии // *Социальная идентичность: способы концептуализации и измерения: Матер. Всерос. семинара.* Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2004.
17. *Ожигова А.Н.* Организационное консультирование: гендерная идентичность и гендерные технологии в управлении персоналом // *Гендерные технологии в современном мире: социальный, психологический, экономический анализ: Матер. науч.-практ. конф.* / Под ред. Я.О. Столярского. Калуга: ИД «Эйдос», 2004.

18. *Ожигова Л.Н.* Проблемы исследования гендерных аспектов бытия личности в психологии // Гендерные аспекты бытия личности: Матер. Всерос. науч.-практ. семинара. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2004.
19. *Ожигова Л.Н.* Гендерная идентичность личности: проблема аутентичности бытия и психологической поддержки личности // Психологическая поддержка личности в различных пространствах ее бытия: Матер. Всерос. науч.-практ. семинара. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2005. Ч. 2.
20. *Ожигова Л.Н.* Проблема субъектности: гендерная идентичность и профессиональные стратегии женщины // Субъект, личность и психология человеческого бытия / Под ред. В.В. Знакова, З.И. Рябикиной. М.: Изд-во «Ин-т психологии РАН», 2005.
21. Практикум по гендерной психологии / Под ред. И.С. Клециной. СПб.: Питер, 2003.
22. Психологические проблемы самореализации личности / Под ред. А.А. Реан, Л.А. Коростылевой. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1998. Вып. 2.
23. *Радина Н.К.* Об использовании гендерного анализа в психологических исследованиях // Вопросы психологии. 1999. № 2.
24. *Рымарев Н.Ю., Ожигова Л.Н.* Изучение маскулинности / феминности, агрессивности и эмпатии у студентов гуманитарных и технических специальностей // Личность и бытие: Матер. Всерос. науч.-практ. конф. / Под ред. З.И. Рябикиной, В.В. Знакова. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2004.
25. *Рябикина З.И., Ожигова Л.Н.* Женщина-руководитель: проблема самоактуализации в контексте полоролевых характеристик личности // Психологические проблемы личности: Сб. науч. тр. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 1998. Вып. 3.
26. *Рябикина З.И., Ожигова Л.Н.* Общество и человек: объективное в субъективном пространстве личности // Человек. Сообщество. Управление. 1999. № 4.
27. *Сапогова И.А., Ожигова Л.Н.* Проблема профессиональной идентичности и самовыражения в процессе профессионального самоопределения личности // Основные направления развития региональной системы социально-психологической поддержки населения: Матер. XII регион. науч.-практ. конф. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 1999.
28. *Серегина И.И.* Профессиональная карьера // Социс. 1999. № 4.

КАФЕДРА – ЭТО ПЕРЕПЛЕТЕНИЕ МНОГИХ СУДЕБ, МНОГИХ ЛИЧНЫХ ДИСКУРСОВ В НАУКЕ

.....

З. И. Рябикина

Тридцать лет жизни кафедры – это множество переплетенных, связанных общностью профессионального бытия людских судеб. Это тридцать лет моей профессиональной и личной жизни, в которой есть не предугадывавшаяся изначально, но сейчас по прошествии этих лет просматривающаяся логика.

Все исследовательские проекты, как осуществленные мною лично, так и реализованные под моим руководством, всегда касались проблем личности и ее развития.

В моей кандидатской диссертации («Социально-перцептивный эталон личности преподавателя вуза», 1983), обращенной к проблемам профессионального становления преподавателя, в центре внимания находилось противоречие между Образом-Я личности и ее профессиональным эталоном.

Исследование показало, что профессиональный эталон, дистанцированный от Образа-Я, остается в сознании как усвоенное значение, не ставшее личностным смыслом, как схематизированный стереотип. Если же эталон является целью саморазвития личности, он образует с Образом-Я тесно взаимодействующую диаду, становится значимым, обретает личностный смысл. И эта диада, находясь в напряжении, в противоречивом единстве, порождает побуждения, энергизирующие деятельность по саморазвитию личности. Возникающее противоречивое единство Образа-Я и профессионального эталона личности – обязательное, но недостаточное условие для того, чтобы профессиональный рост стал фактором развития личности. Поскольку эталон может быть «неправильным» ввиду несоответствия некоторых его характеристик реальным требованиям профессии, предъявляемым к субъекту профессиональной деятельности, задаваемое таким эталоном направление развития личности не

---

* Рябикина Зинаида Ивановна — д-р психол. наук, профессор, заведующая кафедрой психологии личности и общей психологии Кубанского государственного университета. Электронная почта: ryabikina@manag.kubsu.ru.

приведет к профессиональным успехам. Проблемы связаны как с инертностью общественного сознания, несущего в себе устаревшие стереотипы и имплантирующего их в индивидуальные сознания, так и с несостоятельностью образовательной системы, которая оказывается не способной трансформировать новый социальный опыт профессиональной деятельности в учебные циклы, программы и передать его учащимся.

Эталон может быть объективно верным, но не индивидуализированным, не «единичным», т.е. не соотношенным с потенциальными возможностями развития конкретной личности. Если личность надевает на себя не подходящую ей «профессиональную личину», формальный профессиональный рост может обеспечить профессиональную пригодность, но потенция личностного развития если не исчезает полностью, то значительно ослабевает. Соответственно, у человека нет чувства удовлетворенности от бытия в профессии.

Отслеженное в исследовании несовпадение процесса профессионализации и личностного развития послужило основанием для постановки следующего вопроса: *«При каких психологических условиях профессиональный выбор и разворачивающиеся этапы профессионализации не вступают в противоречие с развитием личности, а, напротив, обеспечивают это развитие?»*

Поиск ответа на этот вопрос в докторском исследовании («Развитие личности и профессиональный рост», 1995) реализовался в решении теоретической задачи по переосмыслению предметной сферы психологии, поскольку отсутствие достаточно эвристичной концепции личности в отечественной психологии было связано с искажениями и ограничениями в рассмотрении предметного пространства психологической науки.

Это позволило построить модель личности как полисистемного образования, включающего пространство личностных смыслов и объективные пространства личностной бытийности (организм, события среды, деятельность) и представить развитие личности как следствие возникающих и разрешаемых в этих пространствах противоречий. Последующее построение модели профессионального роста как частного случая личностного развития позволило выделить возникающие в процессе профессионализации противоречия и проанализировать их на эмпирическом материале. Речь идет о противоречиях между:

- а) профессиональным эталоном и Образом-Я;
- б) Образом-Я и реальными характеристиками личности, проявляющимися в поведении и во внешней картине ее отношений;
- в) потребностями личности и их обозначением в сознании через элементы системы культурных знаков профессионального пространства и профессиональные паттерны поведения;

г) сформулированными сообществом ожиданиями качеств личности профессионала (социальный стереотип) и формирующимся в сознании личности индивидуализированным эталоном;

д) реальными требованиями профессии к качествам формирующегося профессионала и декларируемыми сообществом ожиданиями.

В выполненном исследовании предметное пространство психологической науки, а также пространства личностной феноменологии представлены таким образом, что в нем находят свое место различные психотерапевтические подходы (гуманистический, бихевиориальный, психоаналитический, когнитивный), в разной мере соответствуя задачам, вытекающим из разных типов обозначившихся противоречий.

Центральное противоречие (между Образом-Я и профессиональным эталоном как целью саморазвития) нередко требует коррекции из-за «имплантации» в некритичное сознание личности упрощенно-стереотипизированного профессионального эталона, который, выполняя функцию вершины смысловой иерархии, разрушает сложившуюся в предшествующей жизни человека систему личностных смыслов. Стереотипизированный (не соответствующий индивидуальным особенностям личности) профессиональный эталон опосредованно оказывает деструктивное влияние на его образ мира и реальное пространство иницируемых им событий, на пространство форм активности личности, пространство ее потребностей и стоящих за ними организмических характеристик. Такой эталон, будучи чуждым для личности с ее индивидуальными особенностями, делает невозможной полноценную интеграцию личностного опыта, вступая в неразрешимые противоречия с тем, что сохраняет для личности ценность, с ее естественными побуждениями. Как следствие – невозможность овладения дезинтегрированными пространствами (внутриличностным и бытийными пространствами личности). Личность с расщепленным сознанием непредсказуема и противоречива, пребывает в постоянной борьбе с собой. Такое воплощение в себе инородного образца (профессиональный эталон) делает из личности функционера, службиста, человека отчужденного и отрешенного, нормативно закрепленного, не способного к позитивной спонтанности в профессиональных ситуациях и, следовательно, к самоактуализации в профессии. *Три основных признака развивающейся личности, а именно интеграция, овладение бытийными пространствами, самоактуализация* инволюционируют. Профессиональное становление в таком случае выступает препятствием развития личности.

Докторское исследование создало основания для оформления *бытийного подхода к рассмотрению личности*. Основные категории бытийного подхода – личность, бытие (аутентичное/неаутентичное), пространства бытия (предметно-пространственная среда, время, пространство межличностных отношений

и т.д.), границы пространств бытия, субъект бытия, самоактуализация, личностная идентичность и др.

Категория «бытие» – философская, но необходимость ее включения в новом качестве в категориальный аппарат психологической науки на современном этапе ее развития неоднократно обосновывалась нами и другими авторами (В.В. Знаковым, В.В. Селивановым и др.).

В фокусе нашего внимания – *психологические аспекты проблем бытия личности*. В отличие от онтологического подхода к предмету исследования, реализованного С.Л. Рубинштейном, мы подходим к анализу бытия в диаде «личность – бытие», подразумевая, что речь идет об определенном качественном состоянии (характеристике, свойстве) человека, обозначаемом как «личность», и в отношении к этому качеству человека мы рассматриваем «бытие». Как писал С.Л. Рубинштейн, бытие с появлением человека выступает в новом качестве – как *преобразованное* его сознанием и деятельностью. Также следует добавить, что пока человек жив и существует как субъект, наделенный сознанием, он «бытийствует», он сам и есть бытие (В.В. Селиванов). Таким образом, психическое (как идеальное) и его субъект есть бытие, а следствия внутренней жизни, объективированные субъектом в материальном мире, есть бытие.

В контексте бытийного подхода рассмотрение структуры личности предполагает, что не только бытие выступает внешней причиной, обуславливающей становление личности и ее функционирование, но и пространства бытия личности непосредственно включаются в ее организацию.

Итак, структурно личность предстает как полисистемное образование, включающее помимо пространства собственно психических субъективных явлений (структура личностных смыслов и бытийный слой психики) объективные пространства личностной бытийности (организм, события среды, деятельность). Как они возникают? Пространства объективной реальности, предваряющие личность, по мере ее (личности) формирования реорганизуются ею в соответствии со структурой складывающихся личностных смыслов, преобразуясь в *пространства ее бытия*.

Развитие личности и обретение человеком личностной зрелости сопряжены с появлением и возрастанием способности к порождению новых образований внутри пространства смыслов и самоактуализацией, трактуемой нами как *экспансия Я (структура личностных смыслов) на внешние пространства*, вследствие чего *пространства объективных феноменов (бытие до личности) становятся бытийными пространствами личности, её продолжением и частью*.

Глобальная интенция, с которой человек (как и все живое) появляется на свет, – БЫТЬ, т. е. *поддерживать и расширять свое бытие*. Поэтому еще одно существенное понятие в бытийном подходе к личности – понятие *овладения*.

Развитие личности есть *расширение ее бытийности*. Экспансия структуры личностных смыслов на внешние пространства осуществляется через овладение (расширение сферы *мое*). Признаками овладения является структурирование личностью различных пространств среды (время, предметно-пространственная среда, пространство межличностных отношений, пространство ее собственной телесности, включающее характер ее предьявленности другим в общении, т. е. имидж и т. д.) в соответствии со структурными и содержательными особенностями сложившегося пространства личностных смыслов.

Таким образом, мы рассматриваем *бытие как следствие самоактуализации личности, т.е. как бытие, создаваемое личностью*. Бытие личности – это объективированная в процессах и предметах мира субъективность, воспроизведение личностью структурных характеристик ее смыслового пространства в объективных пространствах ее организмичности, ее деятельности, ее жизненной среды.

Личность не может быть понята, а свойственная ей процессуальность квалифицирована, если ее бытие не будет включено в предметную область психологии личности.

Бытие как предмет психологии личности включает:

- преобразованную в соответствии с личностными смыслами телесность;
- предметно-пространственную среду, структурированную личностью в соответствии с ее представлениями о красоте, уюте, полезности;
- определенным образом организованное время, отражающее структуру ценностного отношения к различным видам занятости;
- индивидуальный стиль деятельности, отразивший личностное отношение к предмету деятельности и освоенные личностью способы обращения с предметами;
- определенным образом структурированное личностью пространство межличностных отношений;
- создаваемый личностью имидж, «помещающий» ее в систему значимых для нее отношений.

Этот список не является завершенным.

В контексте бытийного подхода к рассмотрению личности выполнены и защищены диссертационные исследования других авторов, и это направление продолжает реализоваться в новых темах.

Наше внимание к проблемам личности, усилия, направленные на осмысление этой области теоретических и практических задач, совпадают с общими процессами в науке. В 1990-е гг. многое свидетельствовало о всплеске интереса к теме личности в отечественной психологии. Были переведены на русский язык известные учебники К. Холла и Г. Линдсея, Л. Хьелла и Д. Зиглера

«Теории личности», а также работы многих крупных западных ученых-персоналогов. Издаются монографии, сборники научных статей, новые учебники, хрестоматии по проблеме личности, написанные известными отечественными психологами. Привычной стала тема личностно ориентированного подхода в образовании, в профессиональном становлении и других областях социальной практики. В.А. Петровский нашел в этом причину констатировать проявившуюся тенденцию – выделение психологии личности в самостоятельную область, не сливающуюся с общепсихологическими, социально-психологическими, дифференциально-психологическими и педагогическими разработками.

В русле общих процессов развития психологии в нашей стране и на Кубани симптоматичен приказ об открытии кафедры психологии личности и общей психологии, который был подписан ректором Кубанского университета В.А. Бабешко в августе 2001 г.

Создание кафедры психологии личности отвечало интересам не только Кубанского университета. Северо-Кавказский регион России, Краснодарский край испытывали острую потребность в хорошо подготовленных научно-педагогических кадрах высшей квалификации в области психологии личности и общетеоретических проблем психологической науки. Эта потребность обусловлена сложным методологическим состоянием, переживаемым психологической наукой, огромным запросом практики, обращенной к различным психологическим проблемам, в центре которых находится человек, личность, и необходимостью научного поиска, осмысления этих проблем на самом высоком уровне научной квалификации.

Открытая при кафедре аспирантура по специальности 19.00.01 – общая психология, психология личности, история психологии, а также успешная работа диссертационного совета, в котором прошли многие защиты кандидатских диссертаций (среди защитившихся доценты и преподаватели кафедры С.Д. Некрасов, Г.Ю. Фоменко, Е.Г. Сомова, М.А. Белоконь, Л.Н. Ожигова и др.), обеспечили квалификационный рост и подтвердили высокую результативность профильных фундаментальных и прикладных научно-исследовательских работ в области психологии личности, осуществленных преподавателями кафедры. Поскольку научный уровень и прикладная значимость защищаемых диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук продемонстрировали реальную готовность к обеспечению подготовки и защиты докторских диссертаций, была открыта докторантура, а диссертационный совет был преобразован в докторский.

В выполненных диссертационных исследованиях получены результаты, которые развивают и конкретизируют отдельные аспекты бытийного подхода в рассмотрении личности.

В диссертациях С.Д. Некрасова и Л.Н. Ожиговой проанализированы различные проблемы самоактуализации личности в профессии. Сейчас ими за-

вершается работа над докторскими исследованиями. Под их руководством выполняются исследования соискателей и аспирантов.

Одно из существенных научных направлений, развиваемых на кафедре, – личность и психология среды. Основная задача – показать неразрывное единство человека и предметно-пространственной среды, а также то, каким образом психологические особенности человека, склад его личности содержательно обуславливают структурирование среды и, выступая средообразующим фактором, наполняют ее смыслом. Потребность личности «продлить» себя в мире вещей является конкретизацией ее стремления к аутентичному бытию. Посредством работы с вещами и пространством (офис, квартира, одежда и пр.), посредством поддержания и совершенствования способности оформлять место своей жизни и работы человек реализует свойственную ему тенденцию развития, аутентичного бытия, а также потребность «подтвердить» свой субъективный мир определенным образом организованным пространственно-вещным окружением.

В диссертационном исследовании А.В. Бурмистровой («Личностные особенности средового поведения, направленного на регуляцию границ бытийного пространства»), выполненном в контексте проблем *средовой персонологии*, рассмотрен феномен «*бытийного пространства личности*», представляющий собой освоенные и реорганизуемые личностью объективные пространства бытия, присвоенные ею, находящиеся под ее контролем и переживаемые ею как «мое».

Исследование показало, что бытийное пространство личности индивидуально своеобразно и различается в зависимости от профессиональной принадлежности субъекта. Различия проявляются в «диаметре» (пространственная протяженность), объеме и классе включаемых в него объектов. Так, например, если это профессиональная принадлежность к типу «человек – человек», значительное место в структурировании занимают межличностные отношения, если это профессия типа «человек – образ», бытийное пространство личности включает профессиональные инструменты формирования образа и изменения среды, а также продукты и результаты творческой деятельности.

Личность реализует свое стремление к самоактуализации, осуществляя экспансию, расширяя границы бытийного пространства, реорганизуемого ею в соответствии со структурой ее смыслов. Это реальное изменение объектов среды или переосмысливание, переозначивание объектов. Личности различаются типами поведения, обеспечивающими присвоение (приращение). При этом индивидуальный репертуар поведенческих паттернов, обеспечивающих присвоение, уникален.

Выявлены эмоционально-поведенческие паттерны, являющиеся индикатором нарушения границ бытийного пространства личности.

В исследовании показано, что локус контроля, будучи интегральной личностной характеристикой, в значительной степени обуславливает репертуар средового поведения, направленного на регуляцию границ бытийного пространства личности. Интерналы проявляют субъектную позицию по отношению к среде, им свойственен более широкий репертуар средового поведения, эмоционально позитивная экспрессия в ситуациях вторжения в их бытийное пространство, большая удовлетворенность своей личной жизнью (тем, что наполняет их бытийное пространство, и тем, как оно организовано). Экстерналы чаще переживают из-за недостаточной структурированности своего бытия, из-за неспособности определить границы своего бытийного пространства в отношениях с другими. Это создает непредсказуемость внешних вмешательств, зависимость личности от них и ощущение неаутентичности.

В диссертационном исследовании Д.А. Панова («Личность и дизайн предметно-пространственной среды») внимание сфокусировано на анализе взаимодействия двух субъектов – дизайнера и клиента. Средообразование (дизайн ППС) осуществляется по инициативе обеих сторон. Сложность взаимодействия определяется тем, что при таком активном со-творчестве (определяющем частное жизненное пространство пользователя и обусловленном уровнем компетентности дизайнера), нелегко достичь оптимального результата, устраивающего обе стороны.

Еще одно направление, реализованное в диссертации А.Н. Чистилина, обращено к проблемам самоактуализации личности в ситуации свободного времени. В работе проанализирован мотивационный профиль, обуславливающий содержание свободного времени (СВ), выявлены типы личности, по-разному проявляющие себя в организации СВ.

К активно развиваемым на кафедре направлениям также можно отнести исследования психологических аспектов создания и поддержания имиджа. Создавая имидж, мы помещаем себя (позиционируем) в систему значимых для нас отношений. В этом смысле имидж – социальный феномен, но одновременно это и личностное образование, следствие психологического содержания и психологических закономерностей развития и функционирования личности. Имидж – продолжение личности, способ ее бытия (аутентичного/неаутентичного) в глазах других. Имидж детерминирован личностью и имидж детерминирует личность, как и другие объективные феномены, которые она порождает и которые затем ее обуславливают. Анализ возможных деструктивных влияний имиджа на личность (ее состояния, направление ее изменений) позволяет прийти к выводу о необходимости психологической экспертизы этого социального феномена на конгруэнтность внутреннему миру личности. Эта проблема анализируется в диссертации Е.М. Забазновой «Влияние «Я-концепции на формирование конгруэнтного имиджа личности».

Т.К. Хозяинова исследовала особенности самоактуализации личности матери как фактор ее отношения к детям. Материнство – существенная сторона

жизни женщины и область бытия, в которой осуществляется самоактуализация ее личности. Это значимый фактор, обуславливающий ее отношение к детям. Чем ярче выражен у матери потенциал самоактуализации, тем более позитивно складывается ее отношение с ребенком: матери становятся более требовательными и последовательными, в то же время они предоставляют ребенку больше самостоятельности, автономии, в результате возрастает позитивная эмоциональность в отношениях. Матерям со сниженными показателями самоактуализации свойственен более жесткий контроль за ребенком, непоследовательность, эмоциональные отношения ухудшаются, что проявляется в отвергающем поведении, эмоциональной дистанцированности, снижении удовлетворенности отношениями. При этом качества личности ребенка (инициативность, активность, доминантность, самостоятельность, успешность, эмоциональный комфорт) значимо обусловлены параметрами самоактуализации личности матери.

Т.Ф. Куликова изучала психологическое содержание кризиса середины жизни у работающей женщины. В исследовании были выявлены признаки кризиса:

- личность «рассыпается», интегрированность ее характеристик снижается;
- смысл жизни теряет определенность и усилия направляются на его поиск с тем, чтобы создать основания для интеграции нижележащих смыслов и обусловленных ими побуждений к деятельности, моделей поведения, образа мира, личностных черт (каждая из которых есть синтез мотива, предмета и способа действия);
- уровень самоактуализации снижается в связи с переориентацией усилий на разрешение возникших внутриличностных противоречий.

Е.В. Абаева подвергла научному осмыслению организуемую на факультете управления и психологии психологическую поддержку личности на начальном этапе профессионализации.

Процесс овладения первокурсниками вузовским пространством рассмотрен как частный случай процесса овладения личностью новыми бытийными пространствами через актуализацию субъектной позиции и процесс персонализации среды.

Исследование проблем первокурсников на начальном этапе овладения вузовским пространством позволило выявить следующие группы проблем:

- аффективно-мотивационную неготовность быть субъектом (59,7%);
- поведенческую неготовность быть субъектом (86,2%);
- информационную неготовность быть субъектом (77,9%).

В результате поддержки субъектной позиции личности и процесса ее персонализации в среде групповая динамика возрастает, а процесс взаимодействия личности с новым пространством строится не как адаптация (приспособление), а как овладение им.

Развитие субъектности связано с большой степенью эмоциональной вовлеченности, что обеспечивает в развитии личности повышение степени ее самокритичности, ответственности, реалистичности взглядов, автономности и в результате помогает ей обрести позитивный личностный опыт. Исследование также показало, что поддержка субъектности, осуществляемая в групповом пространстве и направленная на решение актуальных проблем первокурсников, способствует формированию феномена со-бытийности в пространстве группы.

Я привела только некоторые из результатов диссертационных исследований, выполненных под моим руководством, с тем, чтобы приблизительно очертить круг изучаемых мною и моими коллегами научных и прикладных проблем личности. К сожалению, невозможно упомянуть все темы, назвать всех авторов. В настоящее время это в большей степени проблемы со-бытия личности со значимыми другими в различных бытийных пространствах: со-бытие во времени (П.Ю. Бякова); со-бытие в предметно-пространственной среде (У.В. Петрищева); социальная креативность, обуславливающая профессиональную успешность личности (Е.Ю. Чичук); предметно-пространственные и временные аспекты со-бытия супругов (Е.В. Диденко) и др.

В статьях докторантов С.Д. Некрасова, Л.Н. Ожиговой, Г.Ю. Фоменко, предложенных вниманию читателей в этом же номере журнала, представлено их виденье развития исследований в области проблем личности и ее бытия.

В Кубанском государственном университете в этом году проводится III Всероссийская научно-практическая конференция «Личность и бытие: субъектный подход». Пожалуй, сложнейшая задача, которая была нами поставлена и которую мы продолжаем решать, – это построение единого категориального поля, обеспечивающего возможность разговора и взаимопонимания при обсуждении различных аспектов бытия человека. Постулируя единство, целостность личности, мы дробим пространство ее жизни на фрагменты, которыми занимаются исследователи и практики, принадлежащие к различным областям науки, разговаривающие на разных языках, что изначально вступает в противоречие с декларируемой целостностью человека. Общность психологических механизмов самореализации личности, генерализующий характер ее направленности на формирование аутентичного бытия в различных пространствах своей жизни (профессия, политика, семья, досуг, предметно-пространственная среда и пр.) дают основание для разговора специалистов за общим столом.

Бытийный подход к рассмотрению личности продолжает оформляться. Каждый из нас – исследователь психологических закономерностей бытия личности и одновременно автор своего собственного жизненного проекта. Когда-то Сомерсет Моэм написал: «...больше всего красоты заключено в прекрасно прожитой жизни. Это – самое высокое произведение искусства». И это всегда коллективное творчество. Темы наших исследований переплелись в сложной конфигурации научного дискурса, обусловленные нашими общими научными

ТОЛЕРАНТНОСТЬ: ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ И ЛИЧНОСТНЫЕ ФАКТОРЫ

.....

Е. С. Сухих

Благодаря усилиям ЮНЕСКО в последние десятилетия понятие «толерантность» стало международным термином и одним из ключевых слов в проблематике мира. В Декларации принципов толерантности ее суть формулируется на основе признания единства и многообразия человечества, уважения прав другого (в том числе и права быть иным), а также воздержания от причинения вреда. В августе 2001 г. Постановлением Правительства Российской Федерации была утверждена Федеральная целевая программа «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в Российском обществе на 2001–2005 гг.». Это обстоятельство и поддержка различных фондов способствовали активизации исследований толерантности в психологической науке. Основная проблематика исследований толерантности в психологии связана с изучением ее психологической реальности [1], описанием и диагностикой в контексте коммуникативных установок [5], рассмотрением на уровне межэтнического взаимодействия [15], исследованием этнических стереотипов в русле психосемантики [11], разработкой прикладных аспектов формирования толерантного сознания [14]. Однако единого понимания природы толерантности и причин толерантного/интолерантного поведения пока нет. В зависимости от контекста рассмотрения – личность, межличностное восприятие и взаимодействие, социальные ситуации, установки массового сознания – толерантность наполняется особым специфическим смыслом. Психологический смысл толерантности трактуется многозначно: устойчивость к неопределенности, устойчивость к стрессу, конфликту, поведенческим отклонениям, этническая устойчивость. Таким образом, становится ясно, что толерантность – явление многоуровневое и может проявляться в различных формах: 1) терпимость как отстраненность от социума, неучастие, равнодушие; 2) смиренность во имя со-

---

* Сухих Екатерина Станиславовна — преподаватель кафедры социальной работы, психологии и педагогики высшего образования Кубанского государственного университета. Электронная почта: suhih_ekaterina@mail.ru.

хранения мира и соответствия социально одобряемым образцам; 3) позиция снисходительного отношения к различиям; 4) нравственные ориентации на признание и уважение прав другого; 5) открытость в отношении других, любопытство, интерес к различиям, их одобрение и восприятие в качестве ресурса развития личности и общества.

Несмотря на широкую трактовку понятия «толерантность», отсутствие жестко отобранных общепризнанных его характеристик, а также дифференцированности, обоснованности по уровням и формам проявления и по отношению ко многим близким по смыслу терминам (включаемым или выводимым за его пределы – содружество, сотрудничество и т.д.), в обществе постепенно складывается общее понимание его смысла. Толерантность понимается как терпимость к инокультуре, иномыслию, иноверию, соответствующее понимание и т.д., как сосуществование в рамках определенных отношений, в том числе и в процессах взаимодействия. Проблематика толерантности лежит на пересечении сразу нескольких отраслей психологии: психологии личности, дифференциальной и когнитивной психологии, социальной психологии и конфликтологии, политической психологии и психотерапии.

Таким образом, актуальной задачей является анализ понятия «толерантность» как психологической категории, предполагающей рассмотрение некоторого эмпирического явления (явлений), соотносимого с этим понятием. На сегодняшний день можно выделить две основные тенденции использования термина в психологии: 1) как обозначения индивидуального свойства (стабильного или ситуативного), заключающегося в способности к сохранению саморегуляции при фрустрирующих (реально или потенциально) воздействиях среды; 2) как обозначение способности к неагрессивному поведению по отношению к другому человеку на основе открытости в относительной независимости от действий другого. В первом случае акцент делается на способности к самосохранению, во втором – на готовности к взаимодействию.

Мы определяем толерантность как способность индивида без возражений и противодействия воспринимать отличающиеся от его собственных мнения, образ жизни, характер поведения и прочие особенности других индивидов, если это напрямую не угрожает его здоровью и жизни. Подчеркнем, что толерантность не тождественна равнодушию или безразличию, а проявляется в значимой для человека ситуации. Следует различать стремление (желание) индивида проявить толерантность (сдержаться) и его психические возможности (ресурсы) к этому.

Толерантность как личностное свойство также может означать диапазон некоего пространства, в пределах которого человек открыт для взаимодействия с миром без утраты чувства сохранности собственного я (эго-идентичности), его устойчивость во времени [2]. Проявления толерантности можно разграни-

чить на виды по трем основаниям, определяющим базовые диапазоны сходства-различия:

– социальное выражение возрастно-половых и индивидуально-типических различий между людьми (гендерная, детская, межпоколенческая, возрастная толерантность);

– личностные и социально-психологические различия (межличностная и межгрупповая толерантность, включающая в себя несколько срезов: психофизиологический, характерологический, личностный, потребностно-мотивационный, нормативно-целевой, ценностный, морально-этический, смыслообразующий, деятельностно-стилевой и др.);

– социокультурные и культурно-исторические различия (социально-экономическая, политическая, профессиональная, межэтническая, межконфессиональная, межкультурная толерантность).

Уровневые проявления толерантности связаны с теми социально-психологическими явлениями, на которые она распространяется. Толерантность сложно рассмотреть в качестве самостоятельного явления, так как она пронизывает практически все известные социально-психологические явления, образуя их конкретные формы (подвиды). В частности, толерантность можно рассматривать на уровне установки (аттитюда), отношения, ценностной ориентации, групповой и индивидуальной нормы, морально-этической нормы, личностного свойства, стиля деятельности, потребностно-мотивационного образования, цели взаимодействия.

Пространство толерантности-интолерантности многомерно. И.Б. Гриншпун выделяет следующие взаимосвязанные измерения толерантности [4]:

1) установочное, соотносимое с бессознательными эталонами самоотношения, межличностных, межгрупповых отношений;

2) отношенческое, в контексте концепции В. Н. Мясищева, где отношения представляют осознанные и активные связи человека с миром – преимущественно с другими людьми (толерантность как отношение означает наличие потребности во взаимодействии с другим, понимании другого при изначально позитивном эмоциональном отношении к нему);

3) когнитивное – через представление о личностных конструктах Дж. Келли (как возможность понимания чужой «системы конструктов»);

4) рефлексивное – как способность к перестройке неадекватных установок, отношений, конструктов и поступков;

5) волевое – как сформированность средств саморегуляции в ситуациях фрустрации;

6) поведенческое – как навыки установления контактов, продуктивного разрешения конфликтов, ассертивности.

Толерантность или интолерантность как свойства личности связаны с двумя факторами: способностью к торможению (сдерживанию) негативных реакций и способностью адекватно оценить значимость той или иной ситуации.

Давно стали классическими исследования Т. Адорно и его коллег, подтверждающие существование особого типа авторитарной личности, предрасположенной к предрассудкам. К основным её характеристикам относятся: консерватизм, авторитарное подчинение (потребность в сильном лидере), авторитарная агрессия (потребность во внешнем объекте для разрядки), антиинтрацепция (боязнь проявлять собственные чувства и страх утраты самоконтроля), предвзятость и стереотипность, комплекс власти (склонность разделять конвенциональные ценности), деструктивность и цинизм, проективность (проекция подавленной агрессии во вне). Кроме того, еще в середине XX в. Г. Олпорт построил типологию личности в континууме толерантность-интолерантность. Опираясь на работу Т. Адорно и его коллег «Авторитарная личность», работы других психологов (в частности А. Маслоу), а также собственные исследования, он дал обобщенные характеристики толерантных и интолерантных личностей по ряду параметров. Перечислим их, рассматривая только полюс толерантности. Итак, для толерантного человека характерно: 1) знание самого себя; 2) защищенность; 3) ответственность; 4) отсутствие ярко выраженной потребности в определенности; 5) ориентация на себя; 6) отсутствие приверженности социальному порядку (для интолерантного человека, наоборот, свойственна приверженность социальному порядку: стремление принадлежать партии, национальности, группировке); 7) способность к эмпатии; 8) чувство юмора; 9) демократизм в противоположность авторитаризму [14]. Под защищенностью в данном случае понимается отсутствие угрозы или убежденность, что с ней можно справиться, поэтому толерантный человек не стремится защищаться от кого бы то ни было. Интолерантный же человек опасается своего социального окружения, себя, своих инстинктов, поэтому он «стремится принадлежать какому-либо группам, внешним институтам, где он находит безопасность и определенность. Эта принадлежность дает ему защиту от постоянного беспокойства» [14, с. 86].

Описание подобных черт мы находим в 16-факторной модели личности Р. Кеттела. Личностные предпосылки толерантности могут быть представлены через такие черты личности, как «эмоциональная устойчивость – неустойчивость» (фактор С); «подчиненность – доминантность» (фактор Е); «жесткость – чувствительность» (фактор I); «доверчивость – подозрительность» (фактор L); «практичность – развитое воображение» (фактор М); «консерватизм – радикализм» (фактор Q1). В наших исследованиях установлена связь между данными личностными чертами и уровнем коммуникативной толерантности личности [10]. М.А. Джерелиевская включает конструкт «терпимость (доброжелательность) – нетерпимость» в качестве одной из шкал Опросника коммуникативных диспозиций (ОКД), дающего возможность выявления лич-

ностных качеств, отражающих кооперативную или конфликтную установку к взаимодействию с другими [5].

В последнее время широкое распространение среди психологов-практиков получил подход Майерс – Бриггс, основанный на типологии К.Г. Юнга. К трем факторам старой типологии К.Г. Юнга (экстраверсия – интроверсия, сенсорика – интуиция, логичность – опора на чувства) И. Майерс и К. Бриггс добавили еще один двухполюсный фактор, согласно которому люди делятся на судящих (решающих) и воспринимающих [6]. Необходимо отметить, что данный фактор имеет когнитивную природу. Выделяемый параметр является одним из источников самых многочисленных конфликтов в человеческих взаимоотношениях, определяя, какой из двух функций – функцией сбора информации или функцией принятия решений – человек обычно пользуется в общении с внешним миром и отношении к нему. Для решающих любое дело может быть сделано «правильно» или «неправильно». Обстановка, создаваемая вокруг себя людьми воспринимающего типа, позволяет им быть гибкими, непредсказуемыми, приспосабливаться к обстоятельствам и воспринимать самые разнообразные изменения. Принимать решения и строго следовать за ними для них затруднительно. Они следуют выжидательной стратегии в отношении большинства проблем. Люди данного типа предпочитают узнавать и воспринимать новое, получать новую информацию, нежели выносить суждения по какому-либо вопросу или явлению. Решающие, напротив, предпочитают оценивать и критиковать, т. е. принимать определенные решения, нежели впитывать в себя информацию, особенно, если она может повлиять на изменение их решения. Люди решающего типа демонстрируют большую склонность к оценкам, так как активные действия требуют принятия решения, которое чаще всего основано на однозначной оценке и соответствующей интерпретации событий. Как правило, носителям такого типа сознания свойственны упрощенные когнитивные структуры и доминирование оценочной координаты, которая свидетельствует о предрасположенности субъекта выделять в воспринимаемом объекте те его качества, которые позволяют сразу же определить однозначное отношение к этому объекту, его оценку [9]. Категориальная структура такого типа обуславливает определенную избирательность к содержанию получаемой информации, легче откликаясь на упрощенные, однозначные «черно-белые» утверждения и избегая более многомерного, диалектического видения. Подобный феномен описан М. Рокичем через понятие «закрытого» сознания, которое он определяет как склонность субъекта к однозначным оценкам и категоричным выводам относительно каких-либо событий или людей. М.А. Холодная в качестве одной из форм метакогнитивного опыта выделяет открытую познавательную позицию. Открытая познавательная позиция предполагает особый тип познавательного отношения к миру, при котором индивидуальное умозрение отличается вариативностью и разнообразием субъективных способов осмысления одного и того же события, а также адекватной восприимчивостью

по отношению к необычным, в том числе потенциально психотравматичным аспектам происходящего.

Таким образом, в контексте прогноза толерантного/интолерантного поведения представляется перспективным подход, рассматривающий влияние когнитивного фактора как промежуточной переменной между установкой и поведением, т. е. то, как сама личность воспринимает ситуацию, каким образом организует познание мира и окружающих. Можно предположить, что учет когнитивных факторов (параметров когнитивного стиля, познавательной позиции, способов оценки и восприятия информации, картины мира) будет способствовать оптимальному прогнозу в отношении толерантного/интолерантного поведения, тем более что, по справедливому замечанию А.Н. Славской, действительность и социальный мир человека к концу века все более приобретает информационный характер [13]. Индивид воспринимает уже не только (и не столько) предметный мир, мир вещей и реалий, но и информацию об этом мире. В этом смысле можно говорить об информационной среде как отраженной и специфическим образом преобразованной и предметной действительности. Чем больший объем информации получает личность, тем сложнее определить свое мнение, исходя из многочисленных знаковых, закодированных, не связанных друг с другом информационных форм. Здесь очевидна потребность в особой интерпретационной работе. С точки зрения Е.Г. Луковицкой, одним из важных условий для успешного самовыражения и адаптации личности в современном мире является способность переносить ситуации неопределенности, адекватно воспринимать происходящие изменения [13]. Для целостной и эффективной интерпретации событий необходимо воспринимать их «в объеме» и быть способным к рассмотрению и, возможно, принятию различных точек зрения. При этом внутренним ресурсом, потенциалом, обеспечивающим этот процесс, является толерантность как в восприятии людей, ситуаций, так и в отношении к ним, которое реализует себя в поведении. Соответственно, бедность информационных процессов в обществе порождает, по мнению чешского психолога Й. Кхола, узкую ограниченную интерпретацию, а с ней и соответствующее мышление, условно обозначаемое как «черно-белое» [8]. То есть если сама информация несет эмпирическую описательную, беспроблемную оценку действительности, не включает в себе обобщений, остается на поверхности фактов, то порождается и ограниченность интерпретационных процессов на индивидуальном уровне, огрубление сознания.

В эмпирическом исследовании нами проверялось предположение о том, что толерантность обусловлена совокупностью определенных личностно-когнитивных характеристик. Исследование было проведено среди жителей г. Краснодара. Объем выборки составил 105 человек: из них 49 мужчин и 56 женщин в возрасте от 18 до 45 лет.

На первом этапе определялся актуальный уровень толерантности личности. Для этого использовалась методика определения уровня толерантности (опросник ВИКТИ), разработанная Г. Бардиер. Испытуемому предлагается опросник, представляющий собой список из 100 утверждений, разделенных на 20 групп. Выделенные группы являются шкалами и компонентами толерантности. Поскольку толерантность не выступает в качестве самостоятельного явления, а пронизывает практически все известные социально-психологические явления, то, по мнению автора методики, существуют следующие её виды: 1) межпоколенная; 2) гендерная; 3) межличностная; 4) межэтническая; 5) межкультурная; 6) межконфессиональная; 7) профессиональная; 8) управленческая; 9) социально-экономическая; 10) политическая. Данные виды понимаются нами скорее как сферы проявления толерантности. Согласно представлениям автора опросника, основу толерантности составляют различные компоненты: 1) аффективный; 2) когнитивный; 3) конативный; 4) потребностно-мотивационный; 5) деятельностно-стилевой; 6) этико-нормативный; 7) ценностно-ориентационный; 8) личностно-смысловой; 9) идентификационно-групповой; 10) идентификационно-личностный.

По сочетанию выраженности структурных компонентов, видов и форм толерантности можно делать выводы о типологических особенностях и характерных симптомокомплексах проявления толерантности / интолерантности как индивидуально у каждого тестируемого, так и в среднем по тестируемой группе.

Кроме того, нами подсчитывался средний балл по 20 шкалам. По результатам опросника ВИКТИ были выделены группы испытуемых со средними максимальными показателями, т. е. высокотолерантные (T_v), и с минимальными показателями, т. е. интолерантные (T_n).

Интересно, что выявленные преобладающие виды толерантности по группам толерантных и интолерантных испытуемых практически не отличаются. Наиболее выраженными видами в обеих группах оказались такие виды (сферы проявления) толерантности, как межпоколенная, гендерная, межличностная. Кроме того, толерантные испытуемые демонстрируют более высокий средний балл по шкалам межкультурной, социально-экономической, межконфессиональной толерантности. Это можно объяснить тем, что толерантные испытуемые в большей степени осознают различия между людьми, проявляющимися в данных сферах, и обладают большой чувствительностью к ним. Возможность отразить различия может рассматриваться как фактор повышения толерантности, что еще раз подтверждает значение когнитивного фактора, т. е. того, как сам человек воспринимает и понимает ситуацию, в формировании толерантности.

Такие сферы проявления толерантности, как политическая, управленческая, профессиональная, межэтническая, оказались одинаково низко выраже-

ны в обеих группах. По этим видам толерантности не обнаружено и значимых различий между выделенными группами испытуемых. Данные виды толерантности также оказывают меньшее влияние на общую толерантность личности, возможно, потому, что выделенные сферы не являются актуальными для всех респондентов. Человек может не иметь никакого отношения к политике, управлению, не иметь контактов с представителями других этнических групп, не рассматривать свою этническую и профессиональную идентичность в качестве определяющих, поэтому возможности для проявления толерантности или интолерантности ограничены.

Значимые различия между группами T_v и T_n испытуемых обнаружены по следующим видам толерантности: межпоколенная, межкультурная, межличностная, гендерная. Это позволяет нам рассматривать данные сферы проявления толерантности в качестве более значимых, влияющих на общую толерантность личности, а данные шкалы опросника – в качестве более валидных по отношению к тем видам толерантности, которые они измеряют.

Структурные компоненты, т. е. составляющие толерантности, у толерантных и интолерантных испытуемых имеют гораздо более существенные различия. Так, в основе толерантности группы T_v респондентов лежат когнитивный, аффективный, этико-нормативный компоненты. А в структуре толерантности группы T_n испытуемых преобладают личностно-смысловой, идентификационно-групповой компоненты. Таким образом, можно сделать выводы о том, что толерантность разных групп испытуемых обусловлена разными факторами. Например, высокотолерантные испытуемые склонны вести себя толерантно на основе собственного видения, знания и понимания ситуации (когнитивный компонент), исходя из понятий об этике и норме (этико-нормативный компонент). Кроме того, в структуре толерантности данной группы испытуемых выражен идентификационно-личностный компонент, т. е. позитивное понимание собственной идентичности (принадлежности респондента к определенной половой, этнической, возрастной и другим группам). Толерантность низкотолерантной группы испытуемых в большей степени определяется тем, какую значимость для них имеет та или иная ситуация (личностно-смысловой компонент) и как данную ситуацию интерпретирует и понимает группа, к которой они принадлежат (идентификационно-групповой компонент). Возможно, главное отличие толерантных и интолерантных испытуемых состоит в том, что для проявления толерантности последних очень важен фактор принадлежности к группе, включающий элемент социального одобрения, тогда как для толерантных респондентов этот компонент не является решающим. Яркая выраженность идентификационно-личностного компонента у толерантных испытуемых указывает на то, что они положительно воспринимают собственную принадлежность к какой-либо из выделенных групп (себя как представителя определенного пола, возраста, этноса, социальной группы и т.д.), осознают данные различия. Однако при этом для толерантных испытуемых фактор собственной

идентичности не служит отправной точкой при построении отношений с другими людьми.

На основании полученных нами данных в опроснике ВИКТИ можно выделить наиболее информативные шкалы, обнаружившие высокую корреляцию со средним показателем толерантности: межпоколенный, гендерный, межличностный виды толерантности. Поскольку именно эти показатели имеют максимальную выраженность на данной выборке испытуемых и максимально высокие корреляции со средним значением. Кроме того, шкалы имеют очень высокие корреляции друг с другом, образуя группы, поэтому можно сделать вывод о том, что они не являются независимыми. Количество выделенных автором структурных компонентов представляется нам несколько избыточным.

Для изучения ценностных ориентаций толерантных и интолерантных испытуемых нами применялась методика Ш. Шварца [7], включающая в себя следующие 10 шкал: 1) конформность; 2) традиции; 3) доброта; 4) универсализм; 5) самостоятельность; 6) стимуляция; 7) гедонизм; 8) достижения; 9) власть; 10) безопасность. Данные шкалы обнаружили значимые корреляции (0,34–0,68 при уровне значимости $p < 0,05$) со шкалами опросника толерантности, т. е. с ее компонентами и видами. Статистически достоверные различия (полученные при уровне достоверности $p < 0,01$) между группами толерантных и интолерантных испытуемых обнаружены в структуре ценностей.

Ценность доброты обладает для толерантных испытуемых гораздо большей степенью значимости, чем для интолерантных. Доброта понимается как «заинтересованность в сохранении и повышении благополучия близких людей и является производной ценностью от потребности в позитивном взаимодействии и аффилиации» [7, с. 29];

Для толерантных испытуемых большей значимостью обладает ценность универсализма, что согласуется с пониманием толерантности как принятия и уважения всего живого, основанным на признании единства и общности. Универсализм является типичным примером просоциальной ценности и толкуется шире, чем доброта. Ценность универсализма трактуется как понимание, терпимость и защита благополучия всех людей и природы, поэтому может рассматриваться как косвенный показатель толерантности.

Наибольшие различия между толерантными и интолерантными испытуемыми проявляются в значимости ценности власти. Власть, которая гораздо выше ценится интолерантными испытуемыми, понимается как социальный статус, доминирование над людьми и ресурсами [7].

Доминирующими в структуре ценностей толерантных испытуемых являются ценности доброты и самостоятельности. Согласно Шварцу, ценность доброты подразумевает ориентацию на сохранение благополучия людей, с которыми индивид находится в личных контактах (лояльность, честность, ответственность, дружба, зрелая любовь). Содержание самостоятельности как ценности

состоит в самостоятельности мышления и выбора способов действия, в творчестве и исследовательской активности. Толерантные люди характеризуются ориентацией на отношения и связи с другими людьми (ценности доброты и универсализма) и одновременно относительной независимостью, при этом стремятся сохранять баланс между собственными интересами и интересами окружающих. В работах Г. Олпорта, А. Маслоу мы находим упоминание о сочетании самодостаточности, независимости и стремления к гармоничным отношениям с другими людьми, характерном для зрелых, самоактуализирующихся личностей [12; 14], хотя толерантность, конечно, необходимое, но не достаточное условие самоактуализации.

Система ценностей интолерантных испытуемых характеризуется доминированием ценностей власти и достижения. Данные ценности заключаются в достижении социального престижа, контроля над людьми и средствами (авторитет, богатство, сохранение общественного имиджа), включают в себя элемент социального одобрения, соответствия социальным стандартам. Поэтому можно сказать, что интолерантные испытуемые, в отличие от толерантных, в большей степени ориентированы не на людей и на себя, а на социум, норму.

Отметим также, что шкалы доброты и власти дали максимальное количество связей (на уровне значимости $p < 0,05$) со шкалами толерантности (12 из 20 возможных). Соответственно, ценность доброты обнаружила положительную, а ценность власти отрицательную корреляционную зависимость, что позволяет рассматривать данные ценности в качестве значимых показателей при диагностике толерантности личности.

Также нами проверилось предположение о том, что толерантные и интолерантные люди имеют различия в такой области, как локус контроля. Для этого мы использовали тест-опросник уровня субъективного контроля (В.В. Бажин, Е.А. Голькина, А.М. Эткинд), состоящий из 7 шкал. Шкалы УСК обнаружили значимые корреляции (0,33–0,62 при $p < 0,05$) с видами и компонентами толерантности (шкалами опросника ВИКТИ).

Самую высокую корреляцию дали шкалы интернальности в межличностных отношениях (0,62) и интернальности в семейных отношениях (0,51) со шкалой межэтнической толерантности. Данный факт иллюстрирует положение о том, что межэтническая толерантность может рассматриваться как индикатор общей толерантности личности. Также корреляционная зависимость обнаружена между шкалами общей интернальности (0,57) и интернальности в производственных отношениях (0,52) со шкалой социально-экономической толерантности. Это можно интерпретировать как факт, что люди, привыкшие полагаться на себя, готовые принимать на себя ответственность за то, что с ними происходит на работе, меньше зависят от влияния социально-экономического статуса.

Максимальное количество связей со шкалами опросника толерантности обнаружили шкалы общей интернальности, интернальности в области неудач, интернальности в области здоровья. В таблице представлены значения данных корреляций.

Шкалы опросника толерантности	Ио	Ид	Ин	Ис	Ип	Им	Из
Когнитивный компонент	00,48	00,26	00,47	00,44	00,18	00,26	00,41
Потребностно-мотивационный компонент	00,43	00,44	00,37	00,41	00,13	00,38	00,33
Личностно-смысловой компонент	00,18	-0,11	00,39	00,06	00,12	00,22	00,11
Социально-экономический вид	00,57	00,33	00,38	00,44	00,52	00,33	00,51
Управленческий вид	00,08	00,36	00,01	00,07	00,03	00,12	00,06
Межконфессиональный вид	00,41	00,22	00,52	00,15	00,15	00,22	00,33
Межэтнический вид	00,26	00,18	00,46	00,51	00,14	00,62	00,41
Общий уровень толерантности	00,33	00,17	00,42	00,12	00,24	00,24	00,16

Из данных таблицы видно, что наибольшее число связей с интернальностью дает потребностно-мотивационный компонент и социально-экономический вид толерантности. Социально-экономический вид толерантности предполагает терпимое отношение к различиям людей, связанным с их материальным положением и социально-экономическим статусом. Соответственно, можно сделать вывод о том, что высокая интернальность, т. е. готовность рассматривать себя в качестве источника изменений, способствует тому, что людей устраивает собственный социально-экономический статус и они толерантно относятся к представителям различных социальных групп. Установлена достоверность различий между группами толерантных и интолерантных испытуемых по следующим шкалам: общая интернальность ($p = 0,098$), интернальность в области неудач ($p = 0,058$), интернальность в семейных отношениях ($p = 0,003$). Так как средние значения по шкалам у толерантных респондентов выше, можно сделать вывод: толерантные люди в целом более интернальны. Но наиболее ярко различия между локусом контроля толерантных и интолерантных респондентов обнаруживаются в сферах семейных взаимоотношений и объяснений причин неудач. Также установлена отрицательная связь (на уровне не ниже $p < 0,05$) общей интернальности ($-0,42$) и интернальности в области неудач ($-0,41$) с ценностью власти (по опроснику Шварца), что может свидетельствовать о том, что интолерантные люди, вероятнее всего, будут занимать обвинительную позицию по отношению к окружающим.

Толерантные испытуемые в большей степени характеризуются готовностью принимать на себя ответственность в разных ситуациях и объяснять происходящее с ними внутренними причинами (особенностями своей личности и т.д.). Интолерантные, напротив, склонны объяснять собственные неудачи внешними

обстоятельствами, а в отношениях (в частности, семейных) перекладывать ответственность за происходящее (например, ссоры, конфликты) на партнеров, обстоятельства, третьих лиц. Они считают, что происходящие события от них не зависят, что что-то совершается с ним, а не им. Естественно, данная позиция не способствует повышению толерантности в межличностных отношениях.

Таким образом, для толерантных респондентов чаще характерны доминирование ценностей доброты, универсализма, самостоятельности и внутренний локус контроля. А для интолерантных в большей степени свойственны высокая значимость ценностей власти, достижения и внешний локус контроля. Итак, в ходе эмпирического исследования группы толерантных и интолерантных респондентов обнаружены различия по ценностным ориентациям и по локализации локуса контроля, что позволяет рассматривать эти личностные характеристики в качестве значимых составляющих толерантности личности.

Библиографический список

1. *Асмолов А.Г.* Толерантность: различные парадигмы анализа // Толерантность в общественном сознании России. М.: Смысл, 1998.
2. *Бардиер Г.* Бизнес-психология. М.: Генезис, 2002.
3. *Бондырева С.К., Колесов Д.В.* Толерантность (введение в проблему). М.: МПСИ; Воронеж: НПО «Модек», 2003.
4. *Гриншпун И.Б.* Понятие и содержательные характеристики толерантности (к вопросу о толерантности как психическом явлении) // Толерантное сознание и формирование толерантных отношений (теория и практика). М.: МПСИ; Воронеж: НПО «Модек», 2003.
5. *Джерелиевская М.А.* Установки коммуникативного поведения. М.: Смысл, 2000.
6. *Крегер О., Тьюсон Дж.М.* Типы людей 16 типов личности, определяющих, как мы живем, работаем и любим. М.: Персей. Вече. АСТ, 1995.
7. *Карандашев В.Н.* Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. СПб.: Речь, 2004.
8. *Кхол Й.* Соотношение индивидуального и типичного мышления // Психология личности в социалистическом обществе: Активность и развитие личности. М.: Изд-во МГУ, 1989.
9. *Лузаков А.А., Базылева О.В.* Категориальные структуры и мотивационные образования личности // Психологические проблемы самореализации личности. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 1997. Вып. 2.
10. *Лузаков А.А., Сухих Е.С.* Стиль оценивания как фактор толерантности личности // Личность и бытие: личность и социальная реальность: Матер. Всерос. науч.-практ. конф. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2003.
11. На пути к толерантному сознанию. М.: Смысл, 2000.
12. *Олпорт Г.* Личность в психологии. СПб.: Смысл, 1998.
13. *Славская А.Н.* Личность как субъект интерпретации. Дубна: Феникс+, 2002.

ПРИУМНОЖАЯ НЕЗНАНИЕ

.....

Г. Ю. Фоменко

Развитие науки всё более и более превращает «известное» в неизвестное: *стремится* она как раз к *обратному* и исходит из инстинкта сведения неизвестного на известное.

Ф. Ницше

Существуют проблемы, которые, являясь общенаучными, особую остроту приобретают в русле психологии. Для того чтобы не быть голословными, обратимся к рассуждениям на тему, вынесенную нами в заглавие статьи, к авторитетному мнению. В.В.Налимов утверждает: «Мы отдаём себе отчёт в том, что всякая попытка построения модели личности несёт в себе не только и не столько знание, сколько незнание. Чем глубже и отчётливее мы зарисовываем образ личности, тем отчётливее выступают перед нами паттерны того, чего мы не знаем. Выявленное незнание даже важнее, чем полученное знание. Незнание всегда богаче нашего знания. Незнание – то незнание, контуры которого мы можем обрисовать, провоцирует нас, заставляет нас искать, заставляет удивляться Миру и нашему в нём бытию. В этом удивлении жизнь наполняется смыслом. Исчезает то страшное, что современные психиатры склонны называть *экзистенциальной пустотой*» [2, с. 14].

На наш взгляд, выработка подобного мироощущения, а на его основе и специфического способа существования – это та задача, постановке которой и попытке её решения должна способствовать система образования. В то же время непрекращающееся расширение «объёма незнания» – своеобразный критерий поступательного профессионального развития специалиста. Однако подобное положение дел естественным образом порождает у специалиста внутренний дискомфорт, преодолеть который можно разными путями.

---

* Фоменко Галина Юрьевна — канд. психол. наук, доцент кафедры психологии личности и общей психологии Кубанского государственного университета.

В психологии ситуация усугубляется дефицитом устойчивого знания, обилием альтернативных моделей понимания и изучения психического. А.В. Юревич (хотелось бы сказать, полемически заостряя проблему, а на самом деле синтезируя очевидное) говорит о том, что в психологии отсутствуют общие правила построения и верификации знания; различные психологические школы или, как их называл А. Маслоу, «силы» представляют собой «государства в государстве», которые не имеют ничего общего, кроме границ; психологические теории даже не конфликтуют, а, как и парадигмы Т. Куна, *несоизмеримы* друг с другом; то, что считается фактами в рамках одних концепций, не признаётся другими; отсутствует сколь-либо осязаемый прогресс в развитии психологической науки, ибо обростание психологических категорий взаимно противоречивыми представлениями трудно считать прогрессом и т. д. [23, с. 3–4]. Соответственно проблему интеграции научной картины профессиональных представлений каждому специалисту приходится решать самостоятельно. В данной статье мы обращаемся в качестве иллюстративного примера к собственному опыту, размышляем о том, как попытки справиться с этой проблемой приводят к возрастанию объёма незнания и расширению круга проблем, требующих дальнейшего более глубокого рассмотрения.

Каждый специалист, пытаясь упорядочить свой профессиональный опыт, неизменно обращается к проблеме *интеграции*. Попытаемся обозначить её *структурные составляющие применительно к психологии*. Выделение их, на наш взгляд, необходимо начинать с *проблемы интеграции исследовательской и практической психологии*. Этот вопрос выходит для нас на первый план, с одной стороны, в силу профессионального статуса самого автора (в ходе своей деятельности задействованного одновременно в этих двух направлениях психологии), с другой стороны, вследствие усугубляющегося раскола, «схизиса» между исследовательской и практической психологией [1], который А.В. Юревич называет одним из симптомов кризиса психологии. Относительно проблем интеграции в психологической науке американские психологи Лоуренс Первин и Оливер Джон выделяют следующие три составляющие:

- 1) *интеграция теории и исследований* (в основе их книги «Психология личности» лежит стремление продемонстрировать связь между теорией личности и эмпирическими исследованиями личности, т. е. показать, как развитие в одной из этих областей может и должно порождать развитие в другой);
- 2) *интеграция индивидуального случая с теорией*;
- 3) *объективное, равноправное отношение к разным теоретическим подходам* [4, с. 30].

В плане осмысления проблемы интегративности можно выделить и другие её составляющие. Прежде чем их перечислить, напомним, что интеграция (лат. *integratio* – восстановление, восполнение, *integer* – целый) – это объединение в целое каких-либо частей, элементов. Интеграция – это поиск общего в различ-

ном, а не механическое соединение фиксированных различий. Итак, структурными составляющими проблемы интеграции, помимо названных, являются:

1) сближение различных типов рациональности (метадигм, по А.В. Юревичу) – западной науки, восточной науки, религии, паранауки (сближению различных метадигм способствует то, что любая из них в качестве системы *объяснения* мира неполна, не способна объяснить все переживаемые человеком события, и поэтому они регулярно заимствуют объяснительные схемы друг у друга [23, с. 9]);

2) интеграция изучения теорий личности, диагностических процедур и психотерапевтических (психокоррекционных) воздействий;

3) комплексное рассмотрение явлений на физиологическом уровне, психологическом и философском;

4) рассмотрение явлений в русле нормы и патологии;

5) подход к изучаемому явлению со стороны разных способов познания: теоретического, эмпирического, экспериментального, интуитивного и т.п.

Исследование личности в практической деятельности (в нашем случае – в клинической психологии и при психофизиологическом отборе кандидатов на службу в силовые ведомства) начинается прежде всего с обращения к характерологии. Пытаясь сориентироваться в характерологическом многообразии индивидов, мы неизменно обращаемся за помощью к тем или иным типологиям, не забывая о том, что типологии – это всегда упрощение, интеллектуальный приём для того, чтобы сделать нагляднее и более выпуклым известное сходство в людях, найти опорные точки, более твёрдую почву для продуктивной ориентировки в многообразии индивидуального материала. Для повышения точности диагностирования индивидуального своеобразия конкретного человека нами используются теоретические типологические схемы П.Б. Ганнушкина, К. Леонгарда, А.Е. Личко, Дж.М. Олдхэма и Л.Б. Морриса, Н. Наранхо и типология Майерс – Бриггс, имеющая в своей основе юнговскую классификацию психологических типов.

При оперировании перечисленными типологическими подходами возникает ряд трудностей. Преимущественная опора на одну из них сразу же задаёт определённую внутреннюю «систему координат», как бы исключая остальные из поля зрения. Это лишает исследователя так называемой панорамности мышления, столь необходимой практике. Причина же данного явления кроется в отсутствии предварительной теоретической работы по содержательному сопоставлению всех указанных типологических схем.

Соответственно, жизненно важной является проблема надёжных ориентиров в этом обилии научных направлений, причём не на схематически-классификационной основе, а в сущностно-содержательном плане. Это привело нас к созданию дифференциально-типологической модели анализа личности [7].

Подчеркнём, что, не претендуя на теоретическую безукоризненность и чистоту, наша модель достаточно наглядна и функциональна; позволяет осуществить синтез используемых типологических схем и одновременно даёт возможность выделить внутренние сущностные механизмы его функционирования, а также более дифференцировано использовать их в индивидуальной психодиагностике и психокоррекционной работе. С помощью дифференциально-типологической модели личности мы можем также проанализировать *неосознанные мотивы* поведения человека и их взаимосвязь с когнитивными особенностями и экзистенциальной проблематикой, выделить и рассмотреть системы противоречий в различных бытийных пространствах личности [5; 7].

Создание дифференциально-типологической модели анализа личности, казалось бы, частично приблизило нас к тому, чтобы «всё это Вавилонское сообщество заговорило на одном языке», позволило индивидуализировать работу с клиентами, однако на этом фоне возникла группа новых вопросов. В первую очередь нас интересовало, каким образом можно научиться рассматривать и решать вопросы профессионального отбора и психологической работы с кадрами в контексте масштабных задач, стоящих перед ведомством в целом.

Речь прежде всего идёт о том, что автору в контексте практической и научной работы (каждое из направлений – часть единого целого) приходилось постоянно находиться внутри встречных процессов. С одной стороны, обобщение и концептуализация практического опыта, с другой стороны, осмысление методологических основ нашей науки и общетеоретических положений применительно к решаемым прикладным проблемам. По мере накопления профессионального опыта приходило ясное понимание того, что применение общепсихологической методологии к анализу конкретных социальных проблем и явлений позволяет разрабатывать соответствующие теории, концепции и решать частные вопросы на фундаментальном уровне. В то же время всегда присутствовала необходимость показать значимость результатов, казалось бы, сугубо академических исследований для объяснения процессов, происходящих в современном обществе в целом.

Перед каждым практическим психологом встаёт проблема интеграции теоретических оснований психологического знания и целостного научно-практического мышления.

Интегративный подход был применён нами при обследовании поступающих на службу в силовые ведомства и создании программы медико-психологического сопровождения сотрудников, выезжающих в служебные командировки в районы боевых действий.

На основании концептуализации собственного практического опыта, а также рассмотрения общеметодологических принципов развития, детерминизма и системности применительно к проблемам психологического обследования, изучения личности и воспитания нами была создана методология прикладного

психологического исследования [7]. Коротко перечислим принципы, которые легли в её основу.

1. *Принцип единства методологии и практики.* Его суть заключается в необходимости осмысления узких задач прикладного плана на качественно ином, более высоком уровне на основе общенаучных принципов развития, детерминизма и системности.

Основные положения этого принципа излагались нами в виде наглядной иллюстрации его применения к проблеме повышения эффективности взаимодействия структурных подразделений, занимающихся кадровой, психологической, воспитательной работой с поступающими на службу в ОВД, стажёрами и молодыми сотрудниками.

2. *Принцип личностно-центрированной диагностики.* Его суть заключается в следующем: поскольку влияние личности обследуемого на исход психологической диагностики является решающим, то основные резервы эффективности психодиагностической процедуры заключены в области совершенствования отношений между обследуемым и психологом.

3. *Принцип динамически-конструктивной диагностики.* Практическая работа, осуществляемая в русле психологического отбора сотрудников, всегда очень остро ставила проблему сопряжения их психологического изучения и выработки на этой основе дальнейшей адекватной тактики и стратегии воспитательной работы и психокоррекционных воздействий. Возникает очень интересная и сложная задача преемственности диагностических процедур и дальнейших конструктивно-развивающих технологий. Пунктом, объединяющим эти два направления работы, синтезирующим их, нам видится применение биографического метода, а шире – подхода к реализации задач, стоящих перед обоими направлениями.

Принцип динамически-конструктивной диагностики позволяет рассматривать каждое жизненное явление так, как будто в нём сосуществуют одновременно прошлое, настоящее и будущее, подчинённые определённой целевой установке.

4. *Принцип индивидуализации обследования через дифференцированное использование типологических схем анализа личности* [7; 15]. Генеральной линией деятельности психологов силовых ведомств всегда была нацеленность на предотвращение личностной и профессиональной деформации сотрудников.

Подобная установка требовала максимальной индивидуализации в работе с кандидатами на службу в силовые ведомства, а также с любым сотрудником, если он попал в поле зрения медиков и психологов. Индивидуализация обеспечивалась также максимальной интеграцией информации со всех уровней жизнедеятельности кандидата, а впоследствии стажёра и сотрудника.

Опора на методологические ориентиры, задаваемые данными принципами, позволяет приблизиться к решению задачи развития способности человека к осознанию и осмыслению своей жизни, а не восприятию её как цепи случайных событий. Именно на их основе осуществляется анализ каждого эмпирического случая и выстраивается концептуальный подход к формированию стратегии диагностико-воспитательных и диагностико-коррекционных мероприятий.

Дальнейшая работа в этом направлении предполагает создание нового методического арсенала, направленного на стимуляцию смыслопоисковой активности человека. Данная структурно-организационная система, функционирующая в рамках решения вопросов отбора кандидатов на службу в органы внутренних дел и при должностных перемещениях сотрудников, была использована, хотя и с определенными модификациями под задачу иного порядка, при отборе сотрудников для участия в контртеррористических операциях и их дальнейшем психологическом рассмотрении.

Принципы построения этой программы, её содержание, этапы реализации были достаточно подробно освещены в публикациях [6–12].

Однако работа по направлению, которое условно на тот момент могло быть обозначено как «личность в экстремальных условиях», велась нами на гораздо более широких основаниях. Так, нами изучались особенности профессионализации сотрудников силовых ведомств [9; 10; 21]; особенности эмоциональных и личностных изменений военнослужащих различных родов войск, принимающих участие в боевых действиях [20]; специфика эмоционально-волевой сферы сотрудников МЧС в зависимости от уровня классности [19]; проводилась работа с экзистенциальной проблематикой заключённых исправительно-трудовых учреждений [22]; исследовалось качество жизни больных туберкулёзом и сахарным диабетом [16; 18].

Однако осмыслить весь массив эмпирического материала и теоретических разработок именно на том уровне, который оформился в предлагаемую нами тематику исследований «Личность и бытие: предельное существование как повседневная реальность», позволили тенденции современного этапа развития психологии. А именно: расширение предметного поля нашей науки (до масштабов «личность и бытие»), возможность соотнесения с философскими мировоззренческими горизонтами и использование в качестве методологической основы субъектного подхода. Последний рассматривается нами в качестве принципа, позволяющего переосмыслить различные философско-антропологические концепции в контексте изучения специфики бытия личности в условиях предельного существования.

Предметное поле «личность и бытие» дает возможность не ограничиваться анализом поведения человека только в контексте конкретной ситуации, а также в соотношении «личность – среда», а подняться до уровня осмысления

происходящего в реальном бытии личности во всём динамизме и многогранности этого процесса.

В связи с этим многие психологические феномены применительно к жизнедеятельности и профессионализации сотрудников силовых ведомств, и прежде всего спецподразделений, можно рассматривать в свете специфичного модуса их бытия. Причём эта специфика изучается нами не в плане традиционного анализа перегрузок экстремального и сверхэкстремального характера, а именно в аспекте существования, которое было обозначено применительно к данной категории лиц как предельное.

Предельность существования с самого начала связывалась нами прежде всего с *обострением экзистенциальных противоречий* ввиду постоянно балансирующей личности на грани жизни и смерти, с повышением степени вероятности последней как в прямом, так и в психологическом смысле. Профессиональные и жизненные обстоятельства данной категории лиц требуют постоянного выхода за пределы своих возможностей – *трансцендирования* с целью продуктивного осуществления своих непосредственных профессиональных обязанностей в условиях преодоления нагрузок, субъективно непереносимых и не приемлемых для «обычного» среднестатистического человека, при необходимости сохранения при этом *целостности* собственной личности.

Сознательный и высокомотивированный выбор именно данного модуса бытия позволяет ставить вопрос о рассмотрении *специфики субъектов предельного существования*. А сам модус их бытия во всей противоречивости и неоднозначности можно представить как модель для широкого класса явлений применительно к другим категориям лиц, с иной профессиональной направленностью (спорт, политика, топ-менеджмент, шоу-бизнес и т. п.). Изучение вопроса о возможности аутентичного бытия сотрудников спецподразделений в условиях предельного существования требует анализа механизмов самодетерминации личности, сложной диалектики внешних и внутренних условий в рамках дихотомии «свобода – детерминизм». Актуальность данной темы, на наш взгляд, определяется также тем, что о предельном существовании мы можем говорить не только применительно к специфике бытия личности в её профессиональном пространстве, характеризующемся «предельными» нагрузками, при сознательном и целенаправленном выборе, но и в случае вынужденного, обусловленного совокупностью внешних обстоятельств такого способа бытия. Поясним, что здесь мы имеем в виду людей, оказавшихся лицом к лицу с болезнью, серьёзно снижающей качество их жизни, а также людей, поставленных социально-политической и экономической ситуацией на грань физического выживания.

Обращение к понятию «способ существования» выводит нас на широкий круг проблем в области междисциплинарных исследований. Нами сделаны

первые попытки при изучении качества жизни больных сахарным диабетом и психологических проблем женского бесплодия выйти на специфику способов существования, присутствующих данным категориям лиц [15–18].

Исходя из изложенного, мы видим, что наблюдается постоянное расширение проблемного поля исследований с одновременным наращиванием мощности объяснительного потенциала предлагаемых теоретических построений и методологических принципов. Разрабатываются собственные методологические подходы и методические приёмы. Естественно, описанный нами процесс не осуществлялся линейно и поступательно, таковым в нашем изложении мы его сделали для наглядности. Кроме того, ввиду ограниченности объема статьи мы указали не все направления проводимых нами исследований. Добавим только, что нами изучаются проблемы истинного и условного существования, а также взаимосвязанные с этим проблемы технологии скрытого управления человеком.

Главное, что постепенно вырисовывается методологический и теоретический «стержень», который позволяет изучать указанные проблемы не эклектично, а достаточно системно.

Завершить статью хотелось бы словами исследователя, с высказывания которого мы и начали нашу статью. В.В. Налимов подчёркивает следующее: «Думается, что степень осознаваемого нами незнания всё время будет расти, по крайней мере, до тех пор, пока мы будем осознавать себя людьми. И именно к этому мы, прежде всего, должны быть готовы при попытке понять природу человека.

В непрерывном расширении горизонта нашего незнания и приобщения к Миру в том его величии, которое раскрывается нам в осознании всей грандиозности его *незнания*, – *наверное, прежде всего и заключается смысл нашего существования*» [2, с. 15].

Библиографический список

1. *Васильюк Ф.Е.* Методологический смысл психологического схизиса // Вопросы психологии. 1996. № 6. С. 25–40.
2. *Налимов В.В.* Спонтанность сознания: Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. М.: Прометей, 1989.
3. *Ницше Ф.* Воля к власти: опыт переоценки всех ценностей. М.: REFL-book, 1994.
4. *Первин Л., Джон О.* Психология личности: Теория и исследования / Пер. с англ. М.С. Жамкочьян; Под ред. В.С. Магуна. М.: Аспект Пресс, 2001.
5. *Рябкина З.И.* Личность. Личностное развитие. Профессиональный рост. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 1995.
6. *Флоровская Г.Ю.* Медико-психологическое сопровождение сотрудников, командированных в зоны служебно-боевого применения (предварительные итоги) // Основные направления развития межрегиональной системы социально-психоло-

- гической поддержки населения: Матер. XIII регион. науч.-практ. конф. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2000.
7. *Флоровская Г.Ю.* Методология психологического обследования и воспитания личности как субъекта самопознания и саморазвития (на материале сотрудников органов внутренних дел ГУВД Краснодарского края): Дис. ... канд. психол. наук. Краснодар, 1998.
  8. *Флоровская Г.Ю.* Предварительные итоги практической реализации программы по медико-психологическому сопровождению и реабилитации сотрудников ГУВД Краснодарского края, командированных в зону ЧС // Психологическое обеспечение профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел: Сб. тез. выступлений участников региональных семинаров практических психологов. М.: ЦИ и НМОКП МВД России, 2000.
  9. *Флоровская Г.Ю., Галкина А.С., Фурса О.А.* Динамика самовосприятия и переструктурирование «картины мира» у лиц, побывавших в «горячих точках» // Основные направления развития межрегиональной системы социально-психологической поддержки населения: Матер. XIII регион. науч.-практ. конф. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2000.
  10. *Флоровская Г.Ю., Ковалёва Л.В.* Профессия как образ жизни (специфика самосознания участников боевых действий) // Проблемы самореализации мужчины и женщины в современном обществе: Тез. докл. науч.-практ. конф. Краснодар, 2001.
  11. *Флоровская Г.Ю., Левченко Б.Д., Ковалёва Л.В.* Системный подход в реализации Программы медико-психологического сопровождения и реабилитации сотрудников ОВД в процессе профессиональной деятельности // Психологическое обеспечение профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел и внутренних войск МВД России. М.: Управление воспитательной работы ГУК и КП МВД России, ЦОКП МВД России, 2000.
  12. *Флоровская Г.Ю., Сазыкин Л.А., Тимченко С.М., Ковалёва Л.В.* Медико-психологическое сопровождение сотрудников, выполнявших служебно-боевые задачи в экстремальных условиях // Психологическое обеспечение профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел и внутренних войск МВД России. М.: Управление воспитательной работы ГУК и КП МВД России, ЦОКП МВД России, 2000.
  13. *Фоменко Г.Ю.* Оптимизация психологического сопровождения сотрудников органов внутренних дел при выполнении служебно-боевых задач // Материалы III Всерос. съезда психологов: В 8 т. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. Т. 8.
  14. *Фоменко Г.Ю.* Психологические проблемы сотрудников, выполняющих служебные задачи в районах со сложной оперативной обстановкой (на материале сотрудников органов внутренних дел) // Личность и бытие: теория и методология: Матер. Всерос. науч.-практ. конф. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2003.
  15. *Фоменко Г.Ю.* Социально-психологические аспекты проблемы женского бесплодия // Личность как субъект экономического бытия: Гендерный аспект. Теория и практика гендерного анализа / Под ред. Л.Н. Ожиговой. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2005.
  16. *Фоменко Г.Ю.* Социально-психологические факторы качества жизни больных сахарным диабетом (гендерные аспекты) // Личность и бытие: субъектный подход:

- Матер. II Всерос. науч.-практ. конф. / Под ред. З.И. Рябикиной, В.В. Знакова. Кн. 3. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2004.
17. *Фоменко Г.Ю., Ермошенко Б.Г., Крутова В.А.* Целостность личности в контексте психологических проблем женского бесплодия // *Личность и бытие: Субъектный подход. Психология субъекта и гендерные аспекты бытия личности* / Под ред. З.И. Рябикиной, В.В. Знакова. Кубан. гос. ун-т, 2005.
  18. *Фоменко Г.Ю., Колесников В.В., Безоян Н.С., Белоножкин С.А., Слаута Ю.С.* Роль психоэмоционального статуса больных сахарным диабетом в улучшении качества жизни // *Наука Кубани*. 2003. № 3.
  19. *Фоменко Г.Ю., Резец Г.Ю.* Специфика профессионализации спасателей МЧС: особенности тревожности и рискованного поведения в зависимости от уровня «классности» // *Личность и бытие: Личность и профессия: Матер. Всерос. науч.-практ. конф.* / Под ред. З.И. Рябикиной, В.В. Знакова. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2003.
  20. *Фоменко Г.Ю., Рожкова Г.В.* Сравнительный анализ психологических состояний у военнослужащих различных родов войск – участников боевых действий // *Личность и бытие: субъектный подход: Матер. II Всерос. науч.-практ. конф.* / Под ред. З.И. Рябикиной, В.В. Знакова. Кн. 3. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2004.
  21. *Фоменко Г.Ю., Фурса О.А.* Особенности адаптации молодых сотрудников органов внутренних дел к служебной деятельности // *Матер. III Всерос. съезда психологов: В 8 т.* СПб: Изд-во СПбГУ, 2003. Т. 8.
  22. *Фоменко Г.Ю., Чугайкова Т.В.* Проблема поиска смысла существования (на материале спецконтингента ИТУ) // *Личность и бытие: субъектный подход: Матер. II Всерос. науч.-практ. конф.* / Под ред. З.И. Рябикиной, В.В. Знакова. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2004. Кн. 3.
  23. *Юревич А.В.* Системный кризис в психологии // *Вопросы психологии*. 1999. № 2.

ЛИЧНОСТНЫЕ ФАКТОРЫ РЕГУЛЯЦИИ СОВМЕСТНОЙ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ

.....

С. Ю. Флоровский

Жизнедеятельность современных организаций, групп и сообществ осуществляется в чрезвычайно динамичной, изменчивой, внутренне противоречивой внешней среде. В России ситуация осложняется наложением «турбулентности» социально-экономического контекста (естественной для постиндустриального общества) на хронически-кризисный характер общественных преобразований. Как следствие, многократно усложняется система психологической регуляции социального поведения, которая, адекватно реагируя на парадоксы и противоречия социальной действительности, приобретает аналогичные характеристики [6, 11, 12, 19, 20, 30, 32]. При этом большинство закономерностей регуляции поведения и взаимодействия индивидов и групп претерпевает серьезную трансформацию. Одни «классические» закономерности попросту исчезают, редуцируются; другие – неоправданно гипертрофируются; третьи – искажаются вследствие изменения меры выраженности при сохранении общей направленности; четвертые – инвертируются с «точностью до наоборот» и т.д. [8, 9, 12, 27]. Поскольку направленность подобных трансформаций не может быть в полной мере спрогнозирована средствами логико-теоретического анализа, возрастает значимость мониторинговых исследований, отслеживающих реальную динамику факторов и механизмов психологической регуляции социального поведения в условиях социоэкономических и культурно-идеологических преобразований.

В социальной психологии организаций подобный мониторинг особенно актуален в отношении руководителей высшего и среднего статусно-должностных рангов, осуществляющих совместную управленческую деятельность (СоУД).

---

* Флоровский Сергей Юрьевич — канд. психол. наук, доцент кафедры социальной психологии и социологии управления Кубанского государственного университета. Электронная почта: psychodep@manag.kubsu.ru.

Сфокусированная на регуляции межгруппового взаимодействия структурных подразделений и/или организационных подсистем СоУД представляет собой один из важнейших синергетических механизмов функционирования и развития организации как целостного субъекта социально-экономической активности. Система психологической регуляции СоУД объединяет разноуровневые и разнопорядковые детерминанты, среди которых существенную роль играют стабильные качества личности управленцев. Личностные характеристики, обуславливающие приемлемость руководителей в качестве партнеров по СоУД для большинства членов управленческого коллектива (команды), служит валидным индикатором складывающейся в организации управленческой культуры [22, 23]. При этом речь идет о глубинном уровне этой культуры [25], являющемся наиболее труднодоступным для сколь-либо надежной операциональной верификации. Механизм этих взаимосвязей может быть представлен следующим образом: культура организации ↔ управленческая культура ↔ управленческое взаимодействие (как форма ситуационной реализации и центральный психологический процесс СоУД) ↔ функционально-ролевые ожидания участников взаимодействия ↔ поддержка/неподдержка участниками взаимодействия определенных личностно обусловленных паттернов организационного поведения партнеров. Анализ личностной детерминации СоУД позволяет лучше понять социально-психологические механизмы организационно-культурного тренда в условиях общественных изменений, которые действуют на уровне интерперсонального взаимодействия представителей топ- и мидл-менеджмента – самой элитарной группы внутри любой фирмы или компании.

Организация и методы исследования

Предметом исследования выступало соотношение тенденций стабильности/вариативности личностной регуляции СоУД в условиях динамичного организационно-экономического контекста. Результаты социально-психологического анализа личностной детерминации СоУД, выполненного нами в 2001–2004 гг. в пяти организациях, сопоставлялись с данными, полученными в период 1989–1996 гг. Выборка была представлена 149 руководителями высшего и среднего ранга в первом случае и 122 – во втором (общее количество респондентов – 271 человек).

Все обследованные нами фирмы и компании принадлежали к реальному сектору экономики, в структуре осуществляемой ими социально-экономической деятельности превалировала производственная составляющая. В 1989–1996 гг. эти предприятия характеризовались как достаточно последовательно воплощающие в своей деятельности парадигму закрытой организации [28]; кланово-бюрократические, сфокусированные на проблемах внутренней среды и интеграции [7]; административные, сочетающие невысокую степень риска и

замедленную обратную связь [29]; ориентированные на приоритет коллективистических ценностей, поддержание высокого уровня дистанции власти, избегание неопределенности [33]; с превалированием культуры отношений над культурой задачи [31]; склонные к дисфункциональным изменениям организационной культуры по депрессивному, параноидному, компульсивному и в меньшей степени – к драматическому и шизоидному типам [34].

Вектор организационно-экономических изменений, имевших место в последние годы, оказался общим для рассматриваемых нами производственных структур. Практически сходными были и проекции этих изменений на культуру организаций. В 2001–2004 гг. анализируемые нами предприятия при сохранении в качестве ведущей кланово-бюрократической направленности имели четко выраженную рыночную ориентацию, успешно решили (или решали) проблему позиционирования во внешнем социально-экономическом окружении; на фоне преобладания административной культуры достаточно большой была доля компонентов, соответствующих «культуре перспектив» и/или «культуре мгновенных результатов»; происходил постепенный «дрейф» культуруобразующих ценностей в направлении возрастания индивидуализма, дистанции власти, маскулинизации и толерантности к неопределенности; более частыми становились дисфункциональные проявления драматического и шизоидного типов.

По оценкам многих авторов [1, 17, 27], описанные черты и динамические тенденции продолжают доминировать в российской деловой культуре, и прежде всего в организациях, принадлежащих к так называемому реальному сектору экономики. Будучи «генетически исходным» для постсоветской экономической психологии, этот тип организаций по-прежнему остается системообразующим для отечественной экономики, выступая в качестве основного места работы почти для половины трудоспособного населения России [4, 16, 27].

Изучались особенности функционального вклада в регуляцию взаимодействия руководителей следующих категорий личностных детерминант: профессионального опыта (сконцентрированного в социально-демографических характеристиках); терминальных и инструментальных ценностей; ценностных ориентаций, актуализируемых при разрешении проблемных (конфликтных) ситуаций организационной жизнедеятельности; эмоционально-волевых и коммуникативных качеств; локуса контроля.

Диагностический инструментарий исследования составили методика анализа терминальных и инструментальных ценностей личности М. Рокича [18], проективная методика А.А. Ершова для выявления доминирующих ценностных ориентаций руководителей при разрешении конфликтных организационно-управленческих ситуаций [5], тест 16PF Р.Б. Кеттела (форма А) [14], опросник локализации субъективного контроля (в исследованиях 1989–1996 гг. был использован вариант Е.Ф. Бажина, Е.А. Голынкиной, А.М. Эткинда [2], в

2001–2004 гг. – версия Е.Г. Ксенофонтовой) [10]. Выявление интегральных характеристик СоУД осуществлялось при помощи авторской методики изучения эффективности общения в условиях совместной управленческой деятельности [22].

Данное методическое средство, будучи модификацией экспресс-методики оценки руководителей высшего и среднего звена управления, разработанной Н.П. Грибалевым, А.П. Марьяненко и И.И. Проскуриной [3], соответствует всем основным требованиям, предъявляемым к методикам групповой оценки личности (ГОЛ) [13].

Процедура проведения опроса предполагает «перекрестное» оценивание друг друга руководителями высшего и среднего управленческих рангов, осуществляемое по принципу «каждый–каждого». Как правило, теснота и устойчивость их деловых коммуникаций, включенных в совместную деятельность по управлению организацией, являются достаточными для уверенного взаимооценивания.

Опрос проводится в два этапа. Вначале опрашиваемым предлагается при помощи одного из альтернативных суждений, обобщенно описывающих собственный опыт взаимодействия с оцениваемым руководителем, последовательно охарактеризовать своих партнеров по СоУД. Список оценочных суждений представляет собой результат попарной комбинации полюсов двух составляющих оценки: продуктивности–непродуктивности (содержательная составляющая) и легкости–трудности (формальная составляющая) взаимодействия с данным лицом. Также предусмотрены две альтернативы: «С этим человеком не связан по работе» и «Затрудняюсь ответить». Через некоторое время после проведения интерперсонального взаимооценивания и вне какой-либо связи с ним управленцам предлагается при помощи простой 6-балльной шкалы (от 0 до 5) оценить степень интенсивности взаимодействия между ними.

При обработке результатов для каждого руководителя подсчитывается общее количество экспертов, выбравших ту или иную категорию оценки. С помощью несложных формул вычисляются индексы продуктивности – непродуктивности взаимодействия, легкости – затрудненности взаимодействия и суммарный – общей эффективности взаимодействия. Данные показатели характеризуют *реальный социально-психологический статус* руководителя в системе производных от СоУД организационно-управленческих связей и отношений и могут интерпретироваться как индикаторы *уровня функционально-ролевой приемлемости* конкретного руководителя в качестве партнера по управленческому взаимодействию со стороны других менеджеров. Также дополнительно могут быть получены индекс интенсивности коммуникаций между опрашиваемыми и экспертами и коэффициент согласованности, отражающий разброс индивидуальных оценок по отношению к средней.

Наряду с рассмотренными «прямыми» («объективными») индексами, характеризующими руководителя как субъекта СоУД (на основании получаемых им экспертных оценок в роли *объекта* оценивания), предусматривается и система индексов «обратных» («субъективных»), имеющих аналогичную структуру. Исходным материалом для их вычисления являются оценки, которые выставляет своим коллегам-руководителям тот или иной участник опроса, выступающий в этом случае в роли *субъекта* экспертного оценивания. В содержательном плане «обратные» индексы, отражая характер инициированных участием в СоУД *интраперсональных коммуникативных состояний* [24], могут рассматриваться как показатели *степени субъективной интегрированности* руководителя в систему производных от СоУД организационно-управленческих связей и отношений. Кроме того, опосредованно они указывают на реальные трудности и проблемы делового общения, характерные для данного руководителя при взаимодействии с другими членами управленческого коллектива. В нашем исследовании акцент был сделан на «объективных» характеристиках управленческого взаимодействия, целенаправленный анализ коммуникативных состояний субъектов СоУД не проводился.

Регулирующее воздействие личностных свойств руководителей на осуществляемую ими совместную деятельность по управлению организацией изучалось путем выявления корреляционных взаимозависимостей между перечисленными параметрами личности менеджеров и интегральными характеристиками СоУД (продуктивность – непродуктивность, легкость – трудность и общая эффективность управленческих интеракций).

Результаты исследования

Полученные данные свидетельствуют о том, что различные категории личностных регуляторов СоУД характеризуются неодинаковой степенью сензитивности к изменению организационно-экономического контекста реализации управленческого взаимодействия руководителей. Наибольшей трансемпоральной стабильностью отличается регулирующее влияние на систему повседневных интеракций руководителей высшего и среднего ранга со стороны *личного профессионального опыта* субъектов СоУД и их *ценностных ориентаций, актуализируемых при разрешении конфликтных ситуаций организационной жизнедеятельности*. Связи дескрипторов СоУД с характеристиками *ценностной сферы и локуса контроля* управленцев, напротив, претерпевают наиболее выраженную трансформацию в связи с происходящими организационно-экономическими изменениями. Регулятивные эффекты *коммуникативных и эмоционально-волевых качеств* руководителей занимают промежуточное положение на шкале стабильности – изменчивости. В составе этой части детерминационного поля управленческого взаимодействия присутствуют как инвариантные компоненты, обладающие устойчивостью к динамике социо-

экономического и организационно-культурного фона осуществления СоУД, так и компоненты, обнаруживающие открытость и «податливость» подобным изменениям.

В управленческих коллективах всех обследованных нами производственных организаций на протяжении последних 10–15 лет сохраняется одна и та же закономерная связь *опыта руководителей* и эффективности СоУД. С увеличением общего управленческого стажа и продолжительности труда руководителей в занимаемой должности, а следовательно, и длительности опыта совместной работы топ- и мидл-менеджеров повышается уровень их функционально-ролевой взаимоприемлемости в качестве партнеров по управленческому взаимодействию. В свою очередь, этот эффект обусловлен минимизацией субъективных трудностей, испытываемых руководителями при взаимодействии друг с другом и не связан сколь-либо определенным образом со степенью продуктивности деловых контактов.

Столь же высокую устойчивость в условиях организационно-экономических преобразований обнаруживает и характер регулирующего влияния на СоУД со стороны *ценностных предпочтений руководителей при разрешении конфликтных управленческих ситуаций*. Совместная управленческая деятельность оптимизируется по мере усиления стремления менеджеров при разрешении конфликтных ситуаций руководствоваться приоритетами сохранения позитивных межличностных отношений с окружающими («контактная ориентация»). Приверженность руководителей официально-нормативным способам регулирования конфликтов и организационно-управленческих трудностей («официальная ориентация»), направленность на собственные интересы, представления, личный опыт («самоориентация»), напротив, дестабилизируют систему деловых интеракций в «аппарате управления» организаций. При этом, в отличие от данных 1989–1996 гг., свидетельствовавших об одинаково негативном влиянии «эгоцентрической» и «официальной» ориентаций на формальные и содержательные аспекты СоУД, результаты последних исследований обнаруживают большую избирательность регулятивного воздействия этих ценностных предпочтений на менеджерские интеракции. С ростом «самоориентированности» руководителей *снижается степень продуктивности СоУД*, а «официальная ориентация» по мере своего усиления способствует все большей *затрудненности* делового взаимодействия.

Наиболее яркие различия в результатах последних и более ранних исследований выявляются в отношении ценностных установок руководителей, связанных с решением предметных задач и проблем, «интересами дела» («деловая ориентация»). Результаты, полученные нами в период «поздней перестройки» и «раннего постсоветизма», свидетельствовали о том, что усиление «деловой» направленности ценностного самосознания руководителей затрудняет их взаимодействие с коллегами по управленческому коллективу. В настоящее время

можно констатировать «вымывание» «деловой ориентации» руководителей из системы личностных детерминант СоУД на ведущих уровнях управления производственно-коммерческих организаций. Как следствие, уровень продуктивности – непродуктивности и легкости – трудности взаимодействия управленцев перестает зависеть от интра- и интерперсональных флуктуаций значимости «деловых» ценностей для индивидуальных субъектов СоУД.

Подсистема «детерминационного поля» управленческого взаимодействия, представленная эмоционально-волевыми и коммуникативными свойствами руководителей, характеризуется наличием в своем составе как стабильных компонентов, обладающих устойчивостью к изменению социоэкономического и организационно-культурного фона реализации СоУД, так и компонентов, обнаруживающих сензитивность к подобным изменениям.

Практически во всех обследованных нами в 2001–2004 гг. организациях факторами повышения интерактивного статуса руководителей в качестве «продуктивных» и «легких» партнеров по СоУД аналогично результатам более ранних исследований выступают склонность следовать морально-этическим стандартам ближайшего социального окружения (G^+), ограниченность притязаний на лидерство и независимость, склонность принимать предлагаемые другими «правила игры» (E^-), социальная осторожность и чувствительность к действию угрожающих факторов (H^-), консерватизм, поддержка традиций и устоявшихся мнений, толерантность к стереотипным трудностям (Q_1^-), организованность, умение хорошо контролировать свои эмоции и поведение, планомерность и упорядоченность действий, забота о репутации (Q_3^+). Сохраняется и контрастность влияния аффектотимических/шизотимических тенденций менеджеров на формальную и содержательную стороны осуществляемой ими СоУД: взаимодействие с общительными, открытыми и эмоционально-теплыми (A^+) партнерами чаще всего характеризуется членами управленческого коллектива как «легкое, но непродуктивное», а с их более замкнутыми, сдержанными и эмоционально-дистанцированными коллегами (A^-) – как «трудное, но продуктивное». Таким образом, перечисленные коммуникативные (A , E , H) и эмоционально-волевые (G , Q_1 , Q_3) характеристики могут быть квалифицированы в качестве наиболее инерционной части «поля» личностной детерминации СоУД, обеспечивающей определенную транстемпоральную стабильность и преемственность механизмов социально-психологической регуляции повседневного делового взаимодействия топ- и мидл-менеджеров производственных организаций в условиях социально-экономических изменений.

Более восприимчив к действию фактора социального и организационно-экономического динамизма комплекс, включающий в себя характеристики личностной организации руководителей, репрезентируемые кеттелловскими факторами C , F , L , M , N , O , Q_2 , Q_4 .

Самые радикальные изменения (в виде полной инверсии) претерпел функциональный вклад в регуляцию менеджерских интеракций со стороны «социальной опытности/наивности» (N) индивидуальных субъектов СоУД. Если в период 1989–1996 гг. наиболее «легкими и продуктивными» партнерами в повседневном деловом взаимодействии чаще всего оказывались руководители искренние, естественные, непосредственные, не обладающие вместе с тем достаточной проницательностью и социальной «ловкостью» (N⁻), то в последнее время, напротив, росту «интерактивного статуса» (прежде всего в качестве «легкого» партнера) способствуют диаметрально противоположные личностные черты: проницательность, расчетливость, рациональность в сочетании с коммуникативной «ловкостью», внешней мягкостью и дипломатичностью, умением управлять производимым на окружающих впечатлением (N⁺).

«Воображение/практичность» (M), по-прежнему оставаясь значимой детерминантой СоУД, утрачивает однозначность проявлений своей регулятивной функции. Наряду с традиционными предпочтениями в качестве партнера по СоУД практичного и хорошо ориентированного в повседневной реальности человека (M⁻), в управленческих коллективах двух из пяти обследованных в последние годы организаций отмечается рост продуктивности и легкости делового взаимодействия с менеджерами, наделенными воображением и способностью к нестандартному мышлению (M⁺).

Изменяется функциональное значение в качестве фактора регуляции СоУД и другой личностной характеристики – «подозрительности/доверчивости» (L). Если в более ранних исследованиях доверяющие окружающим, понимающие и терпимые руководители (L⁻) однозначно квалифицировались как «легкие и продуктивные» партнеры по повседневным деловым интеракциям, то в последние годы эти управленцы перешли в категорию «непродуктивных» субъектов взаимодействия. В двух из пяти рассматриваемых нами организаций совместная деятельность с такими менеджерами преимущественно оценивается как «легкая, но непродуктивная». В трёх остальных сколь-либо значимого влияния анализируемого фактора на формальные аспекты СоУД не выявлено.

Регулятивный потенциал следующей личностной переменной – «эмоциональной стабильности/неустойчивости» (C) – фокусируется лишь на содержательной составляющей СоУД. Причем в отличие от ранее полученных эмпирических данных, выявляющих снижение продуктивности управленческого взаимодействия по мере усиления эмоциональной стабильности (C⁺) партнеров, связи между «стабильностью/неустойчивостью» субъектов управленческого общения и его продуктивностью-непродуктивностью в разных организациях могут иметь диаметрально противоположную направленность (будучи при этом всегда статистически значимыми).

Вклад в регуляцию СоУД со стороны «импульсивности/серьезности» (F), в отличие от трёх предыдущих факторов, становится более однозначным: гете-

рогенность проявлений регулятивной функции сменяется гомогенностью. В 1989–1996 гг. на фоне превалирования в качестве фактора оптимизации СоУД склонности руководителей проявлять серьезность и осторожность (F^-), руководители среднего ранга тем выше оценивали продуктивность своего взаимодействия с управленцами высшего звена, чем в большей мере у последних были выражены черты импульсивности, оптимистичности, энергичности, «легкого отношения к жизни» (F^+). Результаты, полученные в последние пять лет свидетельствуют о сосредоточении оптимизационного потенциала на полюсе «серьезности» (F^-). Сужается и диапазон регулирующего влияния, «импульсивность/серьезность» оказывается специфичной только с точки зрения оптимизации содержательного аспекта СоУД: «серьезные» (F^-) руководители оцениваются как «продуктивные» партнеры по взаимодействию, «импульсивные» (F^+) – как «непродуктивные». Сколь-либо определенной связи между легкостью-затрудненностью совместной деятельности руководителей по управлению организацией и «серьезностью/импульсивностью» её (деятельности) индивидуальных субъектов не выявляется.

С течением времени в структуру «детерминационного поля» СоУД включаются и новые факторы – O и Q_4 , ранее значимые только в связи с регуляцией *коммуникативных состояний* руководителей при осуществлении СоУД, но не их *реального общения*. По оценкам менеджеров высшего и среднего звена четырёх из пяти обследованных организаций, управленческое взаимодействие с партнером тем продуктивнее, чем в большей мере он обнаруживает предрасположенность к чувству вины, тревожность, «податливость» социальному влиянию, озабоченность по поводу личной и деловой репутации (O^+). Продуктивность СоУД повышается при возрастании уровня фрустрационной напряженности руководителей (Q_4^+). В большинстве организаций взаимодействие с такими руководителями воспринимается как «продуктивное, но трудное». Лишь в одном случае снижение фрустрационной толерантности выступает причиной системной дестабилизации СоУД, выражающейся в росте её непродуктивности и субъективной затрудненности.

В связи с происходящими организационно-экономическими трансформациями имеет место еще одно весьма показательное изменение компонентного состава «поля» личностной детерминации СоУД. Взаимодействие руководителей ведущих уровней управления производственными организациями становится индифферентным к регулирующему влиянию приверженности руководителей индивидуалистическим или коллективистическим поведенческим стандартам (Q_2). Если в период 1989–1996 гг. «группоцентрированные» (Q_2^-) руководители оказывались, с точки зрения большинства топ- и мидл-менеджеров, эффективными партнерами по СоУД (вследствие «легкости» взаимодействия с ними), то в настоящее время итоговый уровень продуктивности – непродуктивности и легкости – затрудненности управленческих интеракций не обнаруживает ка-

кой бы то ни было определенной связи с локализацией сознания руководителей в той или иной области континуума «индивидуализм–коллективизм».

Зафиксированный в наших более ранних исследованиях [21, 23] приоритет инструментальных ценностей над терминальными (в качестве регуляторов СоУД) присутствует и во всех без исключения организациях, обследованных позднее. Инструментальные ценности топ- и мидл-менеджеров значимо коррелируют с интегральными характеристиками осуществляемого ими взаимодействия – в 2,3–4,4 раза чаще, чем терминальные. Таким образом, можно говорить об общей и стабильной (по крайней мере, для организаций с производственной доминантой социально-экономической активности) закономерности построения «поля» личностной детерминации СоУД: *эффективность взаимодействия в системе отношений «руководитель–руководитель» на ведущих уровнях управления в большей мере зависит от характера инструментальных ценностей партнеров, определяющих способы целедостижения, нежели от содержания терминальных ценностей, репрезентирующих «предельные» жизненные цели управленцев.*

Однако сам состав терминальных ценностей, вовлекающихся в регуляцию СоУД, с течением времени претерпел значительные изменения.

В первую очередь обращает на себя внимание *существенное усиление роли «приватных» ценностей (семья, материальное благополучие, счастье близких людей и др.)* с точки зрения обеспечения общего уровня функционально-ролевой приемлемости руководителями друг друга в качестве субъектов СоУД. По всей видимости, этот факт связан с выполнением данной категорией ценностных ориентаций маркерной функции, позволяющей руководителям дифференцировать партнеров по принципу «свой/чужой» с точки зрения легитимности и закономерности их принадлежности к «управленческой элите» организации. Исследования последних лет свидетельствуют о том, что способность «позаботиться о себе» (в качестве одной из определяющих черт) – неотъемлемая часть сложившегося в современном российском общественном сознании социального прототипа «успешного руководителя» [12, 15, 27]. В то же время факт повышения эффективности управленческих интеракций в связи с «приватизацией» ценностных ориентаций руководителей, осуществляющих эти интеракции, может быть квалифицирован как вполне социально приемлемый и прагматически оправданный. Вовлечение в регуляцию СоУД именно этих ценностных детерминант представляет собой результат поиска управленцами «ценностной стабильности» в ситуации «социальной турбулентности» [30]. В подобных условиях ценности, обращенные к другим жизненным сферам, в том числе и связанные с социально-экономической активностью, – менее успешно выполняют функцию личностной стабилизации вследствие их (сфер) большей «подвижности», перманентной изменчивости, постоянно происходящего пересмотра «правил игры» и т.п. Следует заметить, что ранее эта группа терми-

нальных ценностей была представлена в системе регуляции СоУД в гораздо меньшей мере – единственной ценностью «счастливая семейная жизнь». При этом влияние данной ценности на СоУД носило деструктивный характер: чем более лично значимым оказывалось для руководителя «семейное счастье», тем в большей мере взаимодействие с ним квалифицировалось его партнерами как малопродуктивное.

Ещё одним проявлением динамики ценностной регуляции СоУД становится *утрата регулирующего влияния со стороны таких терминальных ценностей, как «интересная работа» и «свобода (самостоятельность, независимость в суждениях и поступках)»*. Если ранее приверженность руководителей данным ценностям обуславливала снижение уровня их «партнерской приемлемости» в управленческом коллективе, то в настоящее время интерперсональные вариации степени личной значимости «интересной работы» и «самостоятельности» не оказывают сколь-либо определенного – повышающего или понижающего – влияния на статус топ- и мидл-менеджеров как субъектов СоУД. Вероятно, данные темы утрачивают прагматическую актуальность для менеджерских сообществ организаций, в связи с чем прекращают действие социально-психологические механизмы контроля за их «правильным» или «неправильным» пониманием на уровне отдельных руководителей.

Вместо этого происходит *включение в детерминационное поле управленческих интеракций ценностей «развития себя», «креативности», «духовного удовлетворения» и «достижений»*. Чем более высокое (но необязательно ведущее) место отводится этим ценностям в структуре самосознания руководителей, тем в большей степени «носители» этих ценностей квалифицируются другими членами управленческого коллектива как эффективные партнеры по СоУД, прежде всего вследствие сведения до минимума трудностей во взаимодействии с ними. Ценность «достижения» имеет более широкий диапазон регуляции и оказывается значимой с точки зрения не только формальных, но и содержательных аспектов управленческих интеракций, оказывая на них разнонаправленное влияние. С усилением личной значимости для руководителей «достиженческих» ценностей взаимодействие с ними все чаще начинает оцениваться другими управленцами как «легкое, но непродуктивное».

Заметно более широким, по сравнению с результатами ранее проведенных исследований, оказался и круг *инструментальных ценностей*, значимых с точки зрения регуляции СоУД.

Как и в период 1989–1996 гг., ориентация руководителей на *исполнительность и дисциплинированность* в качестве средства достижения жизненных и профессиональных целей способствует упрочению их положения в системе связанных с СоУД организационно-управленческих отношений. Главным отличием оказывается то, что ориентация на данную ценность создает репутацию эффективного партнера по управленческому взаимодействию не только

руководителям среднего звена (как это было зафиксировано нами ранее), но и управленцам высшего ранга.

Ценности *рационализма* и *деловой эффективности* значимо коррелируют с интегральными характеристиками СоУД во всех без исключения обследованных нами производственных организациях. Однако направленность этих корреляций оказывается различной, отражая особенности управленческой культуры конкретных единичных («вот этих») организаций. При этом независимо от направленности влияния личностная значимость для руководителей рационализма как средства целедостижения оказывается связанной с формальными аспектами менеджерских интеракций (их легкостью – трудностью), а ориентация на деловую эффективность – с содержательными (продуктивностью – непродуктивностью взаимодействия).

Предрасположенность руководителей акцентировать значимость для себя «высоких запросов» и «твердой воли» в качестве инструментальных ценностей однозначно дестабилизирует их взаимодействие с другими управленцами. Наиболее явно это выражено в последнем случае, когда, по мнению членов управленческого коллектива, страдают и формальные, и содержательные, и «суммарные» аспекты взаимодействия с «волевыми» партнерами. Деструктивное влияние «высоких запросов» руководителей на осуществляемую ими СоУД ограничивается содержательными аспектами управленческих интеракций, делаю их менее продуктивными. Подобный результат представляется вполне закономерным, так как выдвижение двух рассматриваемых ценностей на приоритетные места в структуре ценностного самосознания руководителей выступает фактором формирования рационально-ценностной основы таких непродуктивных особенностей их интерактивного поведения, как ригидность и конкурентность.

Связи дескрипторов СоУД с характеристиками локуса контроля (так же, как и с описанными особенностями ценностной сферы личности руководителей) в сравнении с другими категориями личностных детерминант управленческих интеракций оказались наиболее динамичными в условиях организационно-экономических преобразований.

Неизменным во всех производственных организациях остается лишь выявленное нами ранее диспропорциональное соотношение вкладов в регуляцию СоУД со стороны общих и парциальных характеристик локуса контроля. Итоговый уровень легкости – трудности и продуктивности – непродуктивности управленческого взаимодействия совершенно не зависит от общей интернальности руководителей (I_{O}) и её «ближайших производных» – восприятия «жизни вообще» (ж) и собственного опыта (я) с точки зрения их субъективной подконтрольности, готовности к преодолению трудностей ($\text{Д}_{\text{т}}$) и осуществлению самостоятельной активности ($\text{Д}_{\text{с}}$), выраженности фаталистических тенденций ($\text{O}_{\text{А}}$). В то же время СоУД находится под достаточно жестким регули-

рующим влиянием со стороны характеристик локуса контроля парциализированных по отношению к определенным жизненным сферам и событиям – успехам и достижениям (I_{Δ}), неприятностям и неудачам (I_{Π}), производственной деятельности (I_{Π}), межличностным отношениям ($I_{\text{М}}$), семейной жизни ($I_{\text{С}}$) и здоровью ($I_{\text{З}}$).

Можно утверждать, что связи интегральных характеристик СоУД с локусом контроля являются высоко чувствительными к особенностям организационной жизнедеятельности, а потому могут рассматриваться в качестве наиболее информативных индикаторов содержания управленческой культуры организации в её «личностном измерении».

Специфичное с точки зрения оптимизации управленческого взаимодействия в ранее обследованных производственных организациях сочетание интернальности в сфере межличностных отношений ($I_{\text{М}}^{+}$) и экстернальности в области производственной деятельности (I_{Π}^{-}) присутствует и в более «современной» подвыборке. Восприятие субъектом себя как человека, способного контролировать свои межличностные отношения (вызывать у окружающих уважение, симпатию и т.д.) при одновременном учете широкого круга факторов, влияющих на профессиональные успехи и карьеру (не только собственные усилия, но и состояние взаимоотношений с начальством, коллегами по работе, везение – невезение и т.п.), по-прежнему оказывается адекватной основой построения наиболее экологичного условиям СоУД стиля интерперсонального взаимодействия с партнерами. Однако активность этого регулятивного паттерна существенно ниже и сохраняется лишь на тенденциальном уровне: связи между названными «измерениями» локуса контроля и интегральными характеристиками СоУД статистически достоверны лишь в трёх из пяти анализируемых организаций (в двух других значения коэффициентов корреляции близки к «порогу достоверности»).

Использование более чувствительного (по сравнению с исследованиями 1989–1996 гг.) диагностического инструментария позволило детализировать механизмы описанной эмпирической закономерности и уточнить содержание «вклада» в регуляцию СоУД руководителей со стороны структурно-функциональных компонентов ИП и ИМ. Оптимизация управленческого взаимодействия обеспечивается согласованным и синергичным влиянием со стороны обоих компонентов ИМ – межличностной компетентности (МК) и межличностной ответственности (МО). Склонность руководителей высоко оценивать свой уровень компетентности в межличностных отношениях и готовность принимать на себя ответственность за их исходы обуславливают повышение продуктивности и минимизацию субъективной затрудненности менеджерских интеракций. Иначе обстоит дело в случае ИП и двух её составляющих – производственно-социальной (ПС) и производственно-процессуальной (ПП) интернальности. Последняя оказывается практически индифферентной

с точки зрения регуляции СоУД: продуктивность – непродуктивность и легкость – трудность управленческого взаимодействия на ведущих уровнях внутриорганизационного управления не связаны с бóльшим или меньшим уровнем субъективного контроля руководителей над *процессуальными* аспектами их повседневной производственной деятельности. Склонность руководителя связывать *отдаленные социальные последствия* своей производственной активности (жизненный успех, статус, признание и т.п.) прежде всего с личными способностями, компетентностью, мотивацией и волей дезорганизует СоУД, индуцируя высокий уровень её субъективной затрудненности. Более продуктивной с точки зрения оптимизации СоУД оказывается установка руководителя на приписывание определяющей роли в достижении желательных для него в отдаленном будущем итогов актуальной личной профессиональной активности благоприятности – неблагоприятности ситуационной «конъюнктуры», содействию – противодействию со стороны окружающих, везению – невезению и тому подобным факторам, локализующимся за пределами его собственного «Я».

Личностная позиция руководителей по отношению к сферам семейной жизни (I_c) и здоровья (I_z), неизменно оказывая существенное влияние на протекание СоУД, в отличие от результатов, полученных нами в 1989–1996 гг., способствует оптимизации управленческих интеракций не только в случае склонности руководителей усиливать, но и ослаблять субъективный контроль над этими областями жизни. Направленность связей между I_c и I_z , с одной стороны, и интегральными характеристиками управленческого взаимодействия – с другой, варьирует от организации к организации, отражая своеобразие культуры конкретных предприятий, обусловленное присущими каждому из них способами решения проблемы соотношения «работы и жизни».

Таким образом, регулирующее влияние характеристик локуса контроля руководителей на осуществляемую ими СоУД отличается не только высокой изменчивостью в связи с социально-экономическими трансформациями, но и максимальным своеобразием в управленческих коллективах фирм и компаний, принадлежащих фактически к одному и тому же типу организационной культуры. Выявленный факт представляется вполне закономерным, поскольку неотъемлемой составляющей культуры организации является круг событий и ситуаций, выполняющих роль приоритетных объектов внимания, оценки и контроля со стороны руководителей ведущих уровней управления. При этом представления топ- и мидл-менеджеров о «податливости» названных объектов, событий и ситуаций целенаправленному регулирующему управленческому воздействию характеризуются значительной интерперсональной вариативностью. Поддержка – неподдержка управленческим сообществом организации тех или иных определенных «установок контроля» своих участников, выражающаяся, в частности, в дифференциации руководителей как приемлемых

или неприемлемых партнеров по совместной управленческой деятельности, выступает одновременно в качестве и валидного индикатора складывающейся в организации управленческой культуры, и важнейшего фактора индивидуализации этой культуры.

Заключение. Полученные данные о стабильности/вариативности регулирующего влияния различных категорий личностных характеристик руководителей на эффективность управленческого взаимодействия, осуществляемого ими в условиях изменяющегося социоэкономического и организационно-культурного контекста, позволяют выявить масштаб и глубину происходящей трансформации управленческой культуры компаний и фирм с «производственной» доминантой социально-экономической деятельности, более четко дифференцировать содержание уровней «вербальных деклараций» и «реального действия» в организационном поведении управленческого персонала, существенно уточнить «ориентировочную основу» работы по психологическому сопровождению повседневных деловых интеракций на ведущих уровнях управления предприятиями, адаптации новых менеджеров, формированию кадрового резерва, совершенствованию компетентности руководителей в качестве субъектов совместной управленческой деятельности.

Библиографический список

1. Андерсон Р., Шихирев П.Н. «Акулы» и «дельфины». Психология и этика российско-американского делового партнерства. М.: Дело, 1994.
2. Бажин Е.Ф., Голынкина Е.А., Эткин А.М. Метод исследования уровня субъективного контроля // Психологический журнал. 1984. Т. 5. № 3. С. 152–162.
3. Горшков М. Российское общество в условиях трансформации. М.: РОССПЭН, 2000.
4. Грибалева Н.П., Марьяненко А.П., Проскурина И.П. Экспресс-методика оценки руководителей высшего и среднего звена управления // Актуальные проблемы социальной психологии: Тез. науч. сообщ. Всесоюз. симпозиума по социальной психологии. Кострома, 1986. Ч. 4. С. 12–14.
5. Ершов А.А. Проективная методика определения ценностных ориентаций руководителей коллективов на примере решения конфликтных ситуаций // Психология личности и малых групп. Л., 1977. С. 127–130.
6. Журавлев А.Л. Психология управленческого взаимодействия (теоретические и прикладные проблемы). М.: Изд-во «Ин-т психологии РАН», 2004.
7. Камерон К., Куинн Р. Диагностика и изменение организационной культуры: Пер. с англ. СПб.: Питер, 2001.
8. Карпов А.В. Организационная психология кризисного периода // Прикладная психология. 1999. №2. С. 1–14.
9. Карпов А.В., Скитяева И.М., Волкова Н.В., Ямщиков И.А. Организационная культура: понятие и реальность. М.: Изд-во «Ин-т психологии РАН»; Ярославль: Аверс Пресс, 2002.

10. Ксенофонтова Е.Г. Исследование локализации контроля личности – новая версия методики «Уровень субъективного контроля» // Психологический журнал. 1999. Т. 20. № 2. С. 103–114.
11. Новиков В.В. Современная социальная психология и развитие организаций // Социальная психология – XXI век. Ярославль: Ярославский гос. ун-т, 1999. Т. 2. С. 141–150.
12. Новиков В.В. Социальная психология сегодня: ответ действием // Психологический журнал. 1993. Т. 14. № 4. С. 16–23.
13. Панферов В.Н. Групповая оценка личности // Методы социальной психологии. Л., 1977. С. 108–120.
14. Пособие по применению личностного опросника Р. Кеттелла 16PF / Сост. А.А. Рукавишников, М.В. Соколова; Науч. ред. В.И. Чирков. 2-е изд. Ярославль: НПЦ «Психодиагностика», 1995.
15. Психология совместной жизнедеятельности малых групп и организаций // Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.В. Шорохова. М.: Изд-во «Ин-т психологии РАН», 2001.
16. Римашевская Н.М. Социальные последствия экономических трансформаций в России // Социс. 1997. № 6. С. 10–21.
17. Сакс Дж. Рыночная экономика и Россия: Пер. с англ. М.: Экономика, 1994.
18. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности / Под ред. В.А. Ядова. Л.: Наука, 1979.
19. Сознание личности в кризисном обществе / Под ред. К.А. Абульхановой. М.: Изд-во «Ин-т психологии РАН», 1995.
20. Социально-психологическая динамика в условиях экономических изменений / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.В. Шорохова. М.: Изд-во «Ин-т психологии РАН», 1998.
21. Флоровский С.Ю. Совместная управленческая деятельность и общение руководителей: Личностные факторы и механизмы регуляции. Краснодар: Межотр. регион. центр повышения квалиф. и перепод. кадров при Кубанском гос. ун-те; Ярославль: Междунар. академия психол. наук, 2000.
22. Флоровский С.Ю. Совместная управленческая деятельность. Организационная культура. Личность руководителя // Психология бизнеса: Москва – Питер: Матер. VI Всерос. науч.-практ. конф. СПб.: ИМАТОН, 2003. С. 202–206.
23. Флоровский С.Ю. Ценностные ориентации как фактор регуляции общения руководителей в условиях совместной управленческой деятельности // Психологические проблемы самореализации личности. Вып. 3. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 1998. С. 283–300.
24. Хараш А.У. Личность в общении // Общение и оптимизация совместной деятельности. М., 1987. С.30–41.
25. Шейн Э. Организационная культура и лидерство: Построение. Эволюция. Совершенствование: Пер. с англ. СПб.: Питер, 2002.
26. Штомпка П. Социология социальных изменений: Пер. с англ. М.: Аспект Пресс, 1996.
27. Экономическая психология: социокультурный подход / Под ред. И.В. Андреевой. СПб.: Питер, 2001.

28. Constantine L.L. Teamwork Paradigms and The Structured Open Team // Proceedings: Embedded systems Conference. San Francisco, 1989.
29. Deal T.E., Kennedy A.A. Culture: A New Look Through Old Lenses // Journ. of Applied Behavioral Science. 1983. № 19. P. 498–505.
30. Drucker P. Managing in Turbulent Times. N.Y., 1980.
31. Handy C. Understanding Organizations. 3rd ed. N.Y.; L.: Penguin Books, 1985.
32. Harre R. Social being. A theory for social psychology. Oxford: Blackwell, 1979.
33. Hofstede G.H. Cultures and Organizations: Software of the Mind. N.Y.: McGraw Hill, 1997.
34. Kets de Vries M.F.R., Miller D. The Neurotic Organization. Diagnosing and Revitalizing Unhealthy Companies. N.Y.: Harper Business, 1984.
35. Leavitt H.J., Bahrami H. Managerial Psychology: Managing Behavior in Organizations. Chicago; L.: The University of Chicago Press, 1988.